

РУССКИЕ В ЭСТОНИИ

сборник статей

составители:

В. Байков

Н. Бассель

РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР В ЭСТОНИИ

**РУССКИЕ В ЭСТОНИИ
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА:
ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

Сборник статей

Таллинн 2000

Составители Виктор Бойков и Нафтолий Бассель

Редактор Нафтолий Бассель

Художник М. Алексеева

*Печатается по решению правления
Русского исследовательского центра в Эстонии*

*Издано при поддержке Целевого учреждения интеграции
неэстонского населения*

РУССКИЕ В ЭСТОНИИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ. Сборник статей :
Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии. 2000. — 216 с.

Настоящий сборник статей подготовлен на основе докладов научной конференции «Русские в Эстонии на пороге XXI века. прошлое, настоящее, будущее», организованной и проведенной Русским исследовательским центром в Эстонии (РИЦ) 26-27 февраля 2000 года в Таллинне.

© Русский исследовательский центр в Эстонии
(Vene Uurimiskeskus Eestis), 2000

ISBN 9985-9226-4-6

Отпечатано в типографии INGRID
(Вяйке-Амеерика 8, 10129 Таллинн, Эстония)

EESSÕNA

Antud raamat kujutab endast artiklite kogumikku, mis on koostatud nende autorite ettekannete alusel, mis olid esitatud teaduslikul konverentsil “Venelased Eestis XXI sajandi lävel: minevik, tänapäev, tulevik” 26.-27. veebruaril 2000. aastal Tallinnas. Konverentsi organiseerijaks ja läbiviijaks oli Vene Uurimiskeskus Eestis. Kaks analoogset konverentsi, mis oli pühendatud vastavalt ajavahemikule 1918-1940. aa. ja ajavahemikule kuni 1918. a., toimusid aastatel 1993 ja 1995. Ei tule kahelda teema “Venelased Eestis XXI sajandi lävel” ühiskondlikus aktuaalsuses – sest on ilmne, et taastatud Eesti Vabariigi riikliku iseseisvuse tingimustes selle venekeelne elanikkond, kes moodustab umbes ühe kolmandiku EV elanike üldarvust, püüab mõista oma kohta ja rolli temas – nii minevikus, kui ka tänapäeval ja tulevikus. Sellega on tingitud ka antud kogumiku artiklite lai diapasoone, mis hõlmab Eestis elavate venelaste ja vene keelt kõnelevate elanike ajaloo, sotsioloogia ja demograafia, religiooni, majanduse, hariduse, kirjanduse ja kultuuri ning õigusliku seisundi probleeme minevikus ja tänapäeval, aga samuti nende perspektiivide tulevikus. Artiklite autoriteks on paljud Eestis tuntud teadurid, ühiskonnategelased, erinevate kultuuri- ja haridusalade spetsialistid, kes on kontsentreeritud Vene Uurimiskeskuse ümber – nii selle liikmed, kui ka need, kes otseselt ei kuulu nende hulka, kuid tegelevad sarnase teadusliku probleematikaga.

Raamat avaneb kahe mahuka artikliga – Vene Uurimiskeskuse juhatase esimehe, professori, filoloogiadoktori Sergei Issakovi (“Venelased Eestis” problemaatika uurimise seisundist) ja Vene Akadeemilise Ühingu Eestis esimehe, professori, filosoofiadoktori Vladimir Paroli (etnilisvahelise situatsiooni põhjustest ja iseärasustest Eestis ja selle normaliseerimise teedest). Järgmised artiklid on paigutatud tähestikulises järjestuses autorite perekonnanime järgi. Iga artikkel omab resümee eesti ja inglise keeles. Kõik artiklis toodud viited ja märkused on nummerdatud ja ära näidatud artikli lõpus eraldi bibliograafilises nimekirjas. Loomulikult, kogumik, mis on sündinud teadusliku konverentsi ettekannetest, mille teema on küllaltki “laialilooitud” – religioonist kuni maleni, ei püüagi haarata kogu pealkirjas märgitud temaatikat, sest paljud Eestis elava venekeelse elanikkonna elu ja tegevuse aspektid ootavad oma uuringuid.

Kogumiku toimetuse kolleegium julgeb loota, et sellesse kogutud artiklid aitavad taas luua representatiivse pildi Eestis elavate venelaste panusest kultuuri ja teadusse aga samuti teistesse meie vabariigi ühiskonnaelu sfäärides – ära näidata meie vene kogukonna need probleemid, mis ootavad oma lahendust iseseisvas Eesti Vabariigis. Loodame, et antud kogumik annab ka oma panuse venekeelse elanikkonna integreerumisele Eesti kaasaegsesse ühiskonna- ja kultuuriellu.

Kogumiku koostajad väljendavad oma tänu Mittemeeste Integratsiooni Sihtasutusele antud raamatu toimetamise materiaalse toetuse eest.

Kõik antud kogumikku puudutavad märkused ja ettepanekud palume saata Vene Uurimiskeskuse aadressil: Tallinn, Mere pst. 5, Vene Uurimiskeskus Eestis.

Koostajad V. Boikov, N. Bassel

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой сборник статей, написанных их авторами на основании докладов, сделанных ими на научной конференции «Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее», организованной и проведенной Русским исследовательским центром в Эстонии (РИЦ) 26-27 февраля 2000 года в г. Таллинне (две аналогичные конференции, посвященные соответственно периоду 1918-1940 годов и периоду до 1918 года, были проведены в 1993 и 1995 годах). Не приходится сомневаться в большой общественной актуальности тематики «Русские в Эстонии на пороге XXI века» – ведь очевидно, что в условиях восстановленной государственной независимости Эстонской Республики ее русскоязычное население, составляющее примерно одну треть от общего числа жителей ЭР, стремится к осознанию своего места и роли в ней – как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Этим обусловлен и широкий диапазон статей в настоящем сборнике, охватывающих проблемы истории, социологии и демографии, религии, экономики, образования, литературы и культуры, правового положения русских и русскоязычных жителей Эстонии в прошлом и настоящем, а также их перспективы на будущее.

Авторами статей являются многие известные в Эстонии ученые, общественные деятели, специалисты в различных областях культуры, образования, концентрирующиеся вокруг Русского исследовательского центра, – как члены РИЦ, так и непосредственно не входящие в него, но занимающиеся сходной научной проблематикой.

Структура сборника складывается следующим образом. Книга открывается двумя обширными статьями общеметодологического характера – председателя правления РИЦ, профессора, доктора филологических наук С. Г. Исакова (о состоянии изучения проблематики «Русские в Эстонии») и председателя Русского академического общества Эстонии, профессора, доктора философских наук В. И. Пароля (о причинах и особенностях межэтнической ситуации в Эстонии и путях ее нормализации). Далее статьи располагаются в алфавитной последовательности фамилий их авторов. Каждая статья снабжена кратким резюме на эстонском и английском языках. Все приводимые в статье сноски и примечания, пронумерованные «сквозной» нумерацией, даются в конце статьи отдельным библиографическим списком.

Разумеется, сборник, родившийся из докладов научной конференции, к тому же при весьма широком «разбросе» тем – от религии до шахмат, – и не стремится претендовать на «всеохватность» обозначенной в заглавии тематики: ведь многие аспекты жизни и деятельности русскоговорящего населения Эстонии еще ждут своих исследователей. Тем не менее редакционная коллегия сборника смеет надеяться, что собранные в нем статьи помогут воссоздать достаточно репрезентативную картину о вкладе русских Эстонии в культуру и науку, а также в другие сферы общественной жизни нашей республики и одновременно обозначить те проблемы нашей русскоязычной

диаспоры, которые еще ждут своего решения в независимой Эстонской Республике. Надеемся, что тем самым и настоящий сборник окажется вкладом в дело интеграции русскоговорящего населения в общественную и культурную жизнь современной Эстонии.

Составители сборника выражают благодарность Целевому учреждению интеграции неэстонского населения за материальную поддержку в издании настоящей книги.

Все замечания и предложения, касающиеся настоящего сборника, просим направлять в адрес Русского исследовательского центра в Эстонии по адресу: Tallinn, Mere pst. 5, Vene Uurimiskeskus Eestis.

Составители В. Бойков, Н. Бассель

INTRODUCTION

The present book comprises a collection of article written by their authors on the basis of reports delivered by them at the conference called "Russians in Estonia on the Threshold of the 21st Century: the Past, Present and Future". The said conference was organized by the Russian Research Centre (RRC) in Estonia on 26-27 February, 2000 in Tallinn (two similar conferences dedicated respectively to the periods of 1918-1940 and the one before 1918 were held by the RRC in 1993 and 1995). We need not have to doubt the great social and public significance of the theme "Russians in Estonia on the Threshold of the 21st century". It is but obvious to everyone that under the conditions of restored state independence of the Estonian Republic, its Russian-speaking population, which comprises about one third of the total population of Estonia, craves for realization of their place and role in it – in the past, as well as in the present and future. This accounts for the wide range of articles in the given collection of articles, covering the issues of history, sociology and demography, religion, economics, education, literature and culture, legal status of the Russians and Russian-speaking population of Estonia in the past and present, and also in the future perspective.

The authors of the articles are many well-known in Estonia scientists, public figures, specialists in different areas of culture and education, concentrated around the Russian Research Centre, some as members of RRC, others not directly connected with it but dealing with similar scientific themes.

The structure of the book is organized as follows. The book opens with two extensive articles of generally methodological character written by the Chairman of administration of RRC, professor of philology, Ph. D. S. G. Isakov (on the state of surveying the issue of "Russians in Estonia") and the Chairman of the Russian Academic Society in Estonia, professor of philosophy, Ph. D. V. J. Parol (on the causes and peculiarities of interethnic situation in Estonia and the ways of its normalization). Further on the articles follow in the alpha-

betic order of the authors' names. Every article has a short summary in Estonian and English. All the footnote references and comments are chronologically numbered and given in the end in the form of a separate bibliographical list.

Undoubtedly, the foregoing collection of article, "born" out of reports at the scientific conference, with a wide variety of topics ranging from religion to chess-playing, is hardly supposed to claim being "all-embracing" in relation to the entitled theme, given the fact that many aspects of life and activities of the Russian-speaking population of Estonia are still waiting to be surveyed. Nevertheless, the book's editorial board cherishes hopes that the material collected by them will help to create a fairly good representative picture about the impact of the Russians in Estonia into the culture and science, and likewise contribute to the other spheres of social life of our republic. In addition the material of the given book is sure to outline the Russian community's problems that have to be solved within the independent Estonian republic. We hope that alongside the above, our collection of articles is sure to serve as a contribution into the matter of the Russian-speaking population's integration into the public, social and cultural life of the present-day Estonia.

The authors of the book express their gratitude to the Specialized Institution of Non-Estonian population's Integration for their material support in editing of the present book.

All the possible critical remarks and suggestions concerning the present collection of articles are kindly requested to be sent to the address of the Russian Research Centre in Estonia: (Mere Blvd, 5. Tallinn) Tallinn, Mere pst. 5, Vene Uurimiskeskus Eestis.

Authors of the book: V. Boykov, N. Bassel

СЕРГЕЙ ИСАКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ЭСТОНИИ
(итоги исследований)

История русского национального меньшинства в Эстонии изучена еще крайне слабо. Собственно, исследованием прошлого русских в Эстонии стали заниматься лишь совсем недавно – фактически в последнее десятилетие. В 1920-1930-е годы русским в Эстонии было не до изучения своих корней, да среди них и не было профессиональных историков. Эстонские же историки больше были заняты исследованием своего национального прошлого. В советский период изучение истории русской общины в Эстонии находилось под запретом или полузапретом. Власть, предрежащая очень подозрительно относились к русскому национальному меньшинству 20-30-х годов. Дело в том, что его наиболее активную часть составляли эмигранты и те местные русские, кто отнюдь не сочувствовал идеям коммунизма. Неслучайно весь цвет русского образованного общества Эстонии тех лет был репрессирован в сталинскую эпоху и практически уничтожен. Подозрительное отношение к русским 20-30-х годов переносилось и на дореволюционный период, тем более, что большую часть тогдашнего русского общества в Эстонии составляли старообрядцы, военные и представители чиновничества. Более или менее спокойно можно было заниматься исследованием далекого прошлого, предками современных русских и их контактами с эстонцами. И, действительно, археологи, историки языка, фольклористы, в какой-то мере этнографы собрали сравнительно богатый материал о связях восточных славян с древними эстонцами. Что касается более поздних эпох, то тут были изучены биографические и творческие связи русских писателей с Эстонией. Однако эта тема имеет лишь косвенное отношение к истории русской общины в нашем крае.

Положение изменилось в период перестройки и в особенности после восстановления независимой Эстонской Республики. Это во многом связано с происходившими в Эстонии коренными преобразованиями в общественной и политической сферах. С одной стороны, русские, которые до тех пор мало задумывались над своим положением в Эстонии, вдруг уяснили, что они действительно национальное меньшинство в республике, находящееся в заведомо худшем положении, чем титульная нация. Стремление понять свое нынешнее положение и попытаться определить, что же их ожидает, требовало и обращения к прошлому, ибо, как все мы хорошо знаем, прошлое позволяет лучше понять современность и, как следствие, определить перспективы будущего. С другой стороны, и эстонцы столкнулись с необходимостью решения «русского вопроса», и сама необходимость этого решения заставляла и эстонских историков,

социологов, культурологов обращаться к истории русского национального меньшинства, прежде всего, конечно, к недавней истории – к периоду первой Эстонской Республики и к советскому периоду.

В новой обстановке начался и пересмотр старых точек зрения, того немногого, что было уже сделано. Это вполне закономерно и в принципе можно только приветствовать. Но иногда этот пересмотр приводит к странным результатам и очень напоминает большевистский принцип полного разрушения старого мира и созидания ему диаметрально противоположного нового мира. Я имею в виду самый древний этап взаимоотношений восточных славян с предками современных эстонцев.

До недавнего времени более или менее общепризнанным считалось, что движение восточнославянских племен на северо-запад началось в V-VI веках, и во второй половине первого тысячелетия нашей эры славяне вступили в контакт с угро-финнами, в том числе и с эстонцами, на юго-востоке Эстонии появились поселения кривичей, о чем свидетельствуют могильники славянского типа, там находимые [см. резюмирующую исследования тех лет сводку данных 20, 72-75, 80-83, 106-114, 121 и др.]. Теперь эта точка зрения подвергнута «революционному» пересмотру. Прийт Лиги [90] и некоторые другие археологи, малоизвестный историк Энн Хаабсаар [81] утверждают, что могильники эти совсем не славянские, а принадлежат какому-то угро-финскому племени (какому – не вполне ясно), а славяне появились на северо-западе Руси только в конце X века и, в сущности, никакого влияния на древних эстонцев не оказали.

Я не археолог и не имею морального права выражать свое суждение по поводу этих точек зрения: археология слишком специфическая наука. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Вопрос об этнической принадлежности древних могильников, так называемых длинных курганов и сопок, до сих пор остается спорным. Часть ученых, в том числе самый крупный русский специалист в этой области член-корреспондент РАН В. В. Седов в только что вышедшей книге «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование» (Москва, 1999) по-прежнему считает эти могильники славянскими. Часть ученых (среди них есть и русские) придерживается иной точки зрения – об угро-финском происхождении курганов.

Что же касается вопроса о том, когда славяне появились на северо-западе Руси и вступили в контакт с чудью, то тут абсолютное большинство ученых – и русских, и западных, и даже часть эстонских, причем, с моей точки зрения, самых авторитетных (Юри Селиранд [97], Эвальд Тыниссон [98]) – стоит на той позиции, что славяне стали массово селиться на новгородских и псковских землях значительно раньше X века и оказали большое культурное влияние на угро-финнов. Противоположной точки зрения придерживается ничтожное меньшинство исследователей.

И что же мы видим? В учебной школьной литературе уже излагается как истина в последней инстанции именно последняя точка зрения, о первой же полностью умалчивается. То есть, другими словами, спорная проблема односторонне излагается уже как бесспорная, общепринятая. Это, по меньшей мере, научно некорректно.

По-видимому, к вопросу о древнейших контактах восточных славян с эстонцами, о славянских заимствованиях в древнеэстонском языке, о чем писал такой авторитет, как академик П. Аристе [73], о славянских поселениях на юго-восточном пограничье ученым еще придется вернуться.

Прежде чем перейти к последующим периодам в истории русских в Эстонии, одно разъяснение. Я не собираюсь перечислять все работы и тем более анализировать все публикации, касающиеся тех или иных сторон истории русского национального меньшинства в Эстонии. Упомяну лишь основные, наиболее существенные и, главное, появившиеся за последние годы (о старых работах см. [14]). Акцент все же будет сделан на нерешенных еще проблемах, на том, что нам предстоит еще сделать.

Почти ничего не сделано за последние годы по изучению русских купеческих колоний в Таллинне, Тарту (одно из немногих исключений – [72], но и оно, скорее, касается топографии «русского конца» в старом Дерпте), Нарве в средние века, о русских в Эстонии в годы Ливонской войны XVI века. Здесь можно лишь отметить работы молодого тартуского историка Анти Сэларта, в частности его статью о «Житии священномученика Исидора», воссоздающую события XV века, легшие в основу этого произведения [96].

Хотя о Нарве как центре торговли с Русью в XVII веке написано уже много, но об интереснейшей жизни большой русской общины в этом городе мы по-прежнему знаем очень мало. В сущности, то же самое приходится сказать и об истории русской общины в городах Эстонии в XVIII веке. Мы знаем ее состав, но почти ничего не знаем о ее внутренней жизни.

Как известно, с конца XVII – начала XVIII века на берегах Чудского озера стали селиться русские старообрядцы. Они составляют сейчас самое древнее русское старожильческое население в Эстонии. Увы, хотя за последнее время появилось несколько работ о причудских старообрядцах [47, 74, 75 и др.], у нас до сих пор нет солидного большого исследования истории старообрядческой общины в эстонском Причудье. Мы вынуждены ограничиваться тем, что находим в хорошей книге Е. В. Рихтер «Русское население Западного Причудья», вышедшей в 1976 году. Но эта книга – прежде всего труд этнографа, и акцент в ней сделан не на истории, а на материальной и духовной культуре современных старообрядцев.

Несколько лучше ныне обстоит дело с изучением русских в Эстонии XIX – начала XX века. В дополнение к уже имеющимся исследованиям русских культурных очагов первой половины XIX столетия в старом Дерпте и в Ревеле за последнее десятилетие добавились новые. Это прежде всего ряд статей Малле Салупере из Тарту, объединенных в недавно вышедшей книге на эстонском языке «Tõed ja tõdemused» [95]. В нее включены работы о В. Жуковском, Ф. Булгарине, М. Лебедеве. Полезна, несмотря на некоторые неточности, популярная, рассчитанная на широкого читателя книга Марата Гайнуллина и Валерии Бобылевой «Эстонская Пушкиниана», вышедшая к юбилею Пушкина [3]. В ней мы найдем биографические очерки о лицах, связанных с нашим краем и одновременно с Пушкиным.

Все же хотелось бы обратить внимание на два момента. Это все по преимуществу работы не о местных русских, а о «приезжих», о «временно пребывающих». Работ же о местной русской общине в первой половине XIX века по-прежнему нет. И второе: давно уже назрела потребность в создании серьезного обобщающего научного исследования монографического типа как о дерптском русском культурном очаге в первой трети XIX века, так и о русских «на ревельских водах» и ревельском культурном очаге первой половины XIX столетия.

Обратимся теперь ко второй половине XIX – началу XX века. Впервые появился общий обзор истории русского населения в Эстонии в этот период в книге Тоомаса Каряхярма «*Ida ja lääne vahel. Eesti-vene suhted 1850-1917*» (Tallinn, 1998). Первый раздел ее – «*Venelased Eestis*» – полностью посвящен русским в Эстонии, в нем дается краткий обзор становления русской общины в Эстонии, приводятся точные статистические данные о ее составе (в том числе о ее социальном составе), расселении, профессиональных занятиях, приводятся краткая характеристика отдельных социальных групп русских и самые общие сведения о системе их образования и периодической печати. Впервые в книге поставлен вопрос о специфике идентитета русских в Эстонии, правда, главным образом причудских русских.

Появился первый обзор русского театра в Эстонии конца XIX – начала XX веков, принадлежащий Светлане Янчек (в книге «Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра. Ч. 1». Таллинн, 1998). Мы имеем также обзор русской периодической печати в XIX веке, принадлежащий автору этих строк [17].

Особо хотелось бы отметить книгу патриарха всея Руси Алексия II «Православие в Эстонии» (Москва, 1999). Собственно, она охватывает всю историю православия в Эстонии от древности до наших дней и касается не только русских в Эстонии, но в еще большей мере православных эстонцев. Однако поскольку большая часть русских в Эстонии всегда состояла из православных, то эта книга важна и для нас. Наконец-то мы имеем – хоть и краткую – историю православной церкви в Эстонии, всегда игравшей важную роль в духовной жизни русских.

В обзорах истории архитектуры Нарвы Олега Коченовского [26] и Таллинна Дмитрия Брунса [76] показана роль русских архитекторов и зодчих в их градостроительном развитии. Этой же проблематике посвящены статьи Лео Генса о А. Владовском [4, 80] и статья К. Халлас о русских мастерах в Таллинне [61].

Появились первые работы о русских обществах в Эстонии в дореволюционный период: статья Татьяны Шор о русских благотворительных обществах в Тарту [68], сообщения автора этих строк об Обществе русских студентов [83] и об Учено-литературном обществе [19] при Тартуском университете, о русском Литературном кружке в Таллинне [18]. Укажем еще сборник материалов конференции о художественной жизни Нарвы XVIII-XIX столетий, где есть публикации и о русских художниках [79]. Юрий Мальцев дал сводку памятников русской культуры в Эстонии до 1918 года [35].

И все-таки в истории русских в Эстонии XIX – начала XX века еще много белых пятен, много совершенно неразработанных вопросов. У нас нет исследований социально-психологического облика русских в Эстонии в этот период, их идеологической дифференциации, а она была разительна. Нет серьезных исследований русской общественной и культурной жизни в отдельных городах, в частности, в Таллинне, Тарту и Нарве, ставших немаловажными центрами местной русской культуры. Нет исследований, посвященных проблеме «Местные русские и политика русификации» (традиционный взгляд, что местные русские были только проводниками русификации односторонен и нуждается в коррективах). Заслуживает специального изучения вопрос о сложных взаимоотношениях русской общины с немецкой и с эстонским обществом. Необходимы биографические работы о наиболее крупных местных культурных и общественных деятелях. Наконец, даже многие, как будто хорошо исследованные темы нуждаются в пересмотре. Сошлюсь здесь лишь на одну: роль русских в местном революционном движении начала XX века, в частности, в революционном движении тартуского студенчества. В исследованиях советской поры шла речь только о деятельности большевиков, между тем она была значительно скромнее деятельности эсеров и меньшевиков, о которой мы почти ничего не знаем.

Обратимся теперь к периоду первой Эстонской Республики – 1918-1940 годам. Этот период за последние годы изучен лучше всего, ему посвящено больше всего научных работ, воспоминаний, публикаций архивных материалов. Причем, появлялись они не только у нас, но и за рубежом, в том числе в России, США, Латвии, Финляндии.

Начнем наш обзор с архивных публикаций и мемуаров, так сказать с источниковедческой базы, без которой невозможно ни одно серьезное научное исследование. Хотя число архивных публикаций по истории русских в Эстонии 1920-1930-х годов не так уж велико, но все-таки они есть, они стали появляться. Ряд публикаций В. Бойкова и С. Исакова на основе материалов архивохранилища КГБ (бывшего НКВД) помещен в шести выпусках «Балтийского архива» [10, 36, 50 и др.; см. также 41, 48]. Три первые выпуска вышли в Таллинне в 1996-1997 годах под редакцией И. З. Белобровцевой, три последующих – в 1999-2000 годах в Риге под редакцией Ю. И. Абызова при участии Б. Равдина. Это очень ценное и полезное издание, которое, надеемся, будет продолжено литовскими коллегами. На его страницах был напечатан и целый ряд исследований, главным образом, литературной и общественной жизни русских в Эстонской Республике. Я особо отметил бы обзор личных фондов русских деятелей в эстонских архивохранилищах Т. Шор [66]. Некоторые архивно-мемуарные публикации, в основном относящиеся к истории Русского студенческого христианского движения в Эстонии, появились в Париже в «Вестнике Русского Христианского Движения» (кстати, он некогда выходил именно в Эстонии) [8, 32]. Кое-какие официальные документы государственных органов Эстонской Республики, касающиеся национальных меньшинств, были опубликованы в целом малопрезентативном сборнике документов и материалов «Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918-1940» (Tallinn, 1993). В Рос-

сии появилась публикация очень важной записки руководителей русских общественных и культурных организаций президенту республики в феврале 1939 года с изложением самых больных для русского национального меньшинства вопросов [59].

Но чем мы особенно можем гордиться, так это публикациями мемуаров. У нас вышел в свет ряд интереснейших и прекрасно написанных книг воспоминаний, которые – я осмеливаюсь это сказать (поверьте, я не преувеличиваю!) – относятся к лучшим образцам современной русской мемуарной литературы. Просто мы часто не умеем ценить свое, наше. Это воспоминания Татьяны Кашневой «Земная коротка наша память» [21], Ксении Хлебниковой-Смирновой под названием «Мои воспоминания» [63], удостоенные в Париже премии В. И. Даля, Тамары Милутиной «Люди моей жизни» [37], удостоенные премии Игоря Северянина, Веры Кругловой «Тепло прошедших дней» [27], удостоенные диплома премии Игоря Северянина, М. С. Плюхановой «Мне кажется, что мы не расставались...» [40]. В них воссоздается в живых ярких картинах, но вместе с тем документально точно жизнь русских в Таллинне, Тарту, Нарве, Печорах, жуткие сталинские репрессии, обрушившиеся на русских из Эстонии уже в 1940/41 году, лагеря и ссылки. Очень богаты фактическим материалом двухтомные мемуары выпускника Ревельской русской гимназии, позже руководителя Кондаковского института в Праге и профессора русской истории в Кембридже Н. Е. Андреева «То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний» [58]. Правда, они плохо отредактированы, плохо подготовлены к печати. В печати появилась, к сожалению, лишь небольшая часть также очень ценных и богатых по материалу воспоминаний С. В. Рацевича «Глазами журналиста и актера. Из виденного и пережитого», в которых воссоздается культурная жизнь Нарвы и работа инструктора Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии [49]. Их полный текст (машинный) хранится в Нарве у вдовы мемуариста Р. И. Рацевич (т. I также в Нарвском городском музее). Эти мемуары следовало бы издать полностью. Вышли еще – даже двумя изданиями – воспоминания Всеволода Губина «Времена не выбирают...» [7]. Некоторые мемуары издавались за границей [39, 51]. Много воспоминаний опубликовано на страницах всевозможных сборников и периодических изданий (воспоминания той же К. Хлебниковой-Смирновой [64], Е. Тальберг [57], В. Шмидт [65], В. Макшеева [34], А. Селюгина [52], Л. Гордеева [5], Н. Соловья [56] и др.).

Теперь об исследовательской литературе. Ее уже настолько много, что в рамках короткого обзора невозможно даже перечислить все важнейшие работы. Они выходили и отдельными изданиями, и во всевозможных сборниках, и на страницах наших журналов и газет. Добрых слов тут заслуживают редакции всех трех наших русских журналов – «Вышгород», «Радуга», «Таллинн». Они охотно предоставляют свои страницы публикациям, посвященным прошлому русских в Эстонии, их культуре и литературе. Из сборников, помимо уже называвшегося «Балтийского архива», заслуживает быть отмеченным сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии «Просветители», выпущенный Русским исследовательским центром в 1998 году. В нем помещены исследования по истории Союза, об отдельных русских обществах в первой Эстонской Республике, русском театре, русских изобретателях и т.д.

Предыстория русской общины в Эстонии 1920-1930-х годах – это трагедия белой Северо-западной армии в 1919-1920 годах. Ее изучением активно и в целом успешно занимаются российские историки. В 1995 году в Петербурге вышла их коллективная монография «Интервенция на северо-западе России», а в 1999 году очень основательная, покоящаяся на широкой источниковедческой базе книга А. В. Смолина «Белое движение на северо-западе России». Свой вклад в изучение этой темы внесли и местные исследователи: в 1999 году в Таллинне состоялась научная конференция, посвященная северо-западникам.

Первую общую этнодемографическую и этногеографическую характеристику русского населения Эстонской Республики 1918-1940 годах, его социальной структуры дал Рейн Руутсоо в своей появившейся сначала на немецком [93], а затем и на эстонском языке [94] статье о формировании русского национального меньшинства в Эстонии. В его работе содержатся и самые общие данные о культурной деятельности русских в Эстонии, их политических организациях, системе образования, о православной церкви и национальном идентитете русских. В процессе формирования русского национального меньшинства Р. Руутсоо выделяет три периода: 1920-1922 годы, 1923 год – первая половина 30-х годов, вторая половина 30-х годов. Не со всеми его положениями можно согласиться, но в целом это была полезная публикация.

Больше всего исследований посвящено культуре, литературе и общественной жизни русских в первой Эстонской Республике. Вышла книга С. Исакова «Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки» (1996). Хотя она и состояла из отдельных статей, но, как отмечалось критикой, книга давала читателю представление об интенсивной и богатой общественной, культурной и литературной жизни русских в Эстонии в этот период и к тому же содержала биографические портреты около тридцати русских деятелей, ученых, композиторов, художников, литераторов, певцов.

У нас уже есть работы о системе русского образования в Эстонии, о русских скаутах [Г. Пономарева 43, 46], об отдельных русских культурно-просветительных и религиозных обществах и кружках [И. Белобровцева 1, Т. Шор 68, В. Бойков 2, Н. Синдешкая 54 и др.], о русских архитекторах, иконописцах [31, 78]. Надо отметить и выставку русских икон в филиале Художественного музея в Таллинне в 1998 году. Есть работы о русской книгоиздательской деятельности в Эстонии [М. Лотт 33], статья о русской культуре в зеркале эстонской прессы [Т. Шор 67], публикации о русском театре [А. Губергриц 6, см. также 12, 53]. Есть обобщающая статья о вкладе русских из Эстонии в сокровищницу культуры русского зарубежья 1920-1930-х годов [С. Исаков 11].

Немало публикаций посвящено отдельным русским литераторам, жившим и работавшим в Эстонии в рассматриваемый период. Особенно много их посвящено Игорю Северянину. Появились публикации его писем, поэтических и прозаических произведений, воспоминаний и статей о нем. Из работ об Игоре Северянине выделяются многочисленные статьи и сообщения покойного Рейна Крууса [28, 29, 88 и др.], воспоминания Юрия Шумакова [69, 70 и др.]. Есть публикации произведений и писем других русских писателей, живших в Эстонии или так или иначе связанных с ней

(В. Никифоров-Волгин, В. Гушик, Б. Семенов, М. Карамзина, Л. Зуров и др.). Проблема бикультурности и билингвизма отдельных местных авторов посвящены статьи Г. Пономаревой [42, 45]. Наконец, есть работы о русской литературе в Эстонии 1920-1930-х годов как феномене культурного пограничья и о конце этой литературы [Г. Пономарева 44, 92; С. Исаков 13, 15, 16]. Как видим, проблемно-тематический диапазон публикаций достаточно широк.

Появились и первые справочные и библиографические труды, в частности библиографии русских периодических изданий, выходивших в Эстонии в 1920-1930-е годы [38, 77]. Правда, вышедший в Москве в 1998 году труд «Русская печать в Эстонии 1918-1940. Биобиблиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции» (составитель Ольга Фигурнова) оказался ниже всякой критики, содержит такую массу ошибок и странных пропусков, что пользоваться им опасно. Вышло два издания словника «Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1 (до 1940 г.)» (1-ое изд. – 1994; 2-ое – 1996), составленного автором этих строк. В словнике читатель найдет самые элементарные данные примерно о 1900 русских деятелях.

В общем, сделано немало в деле изучения русских в Эстонии в 1920-1930-е годы. Уже можно приступать к сводным обобщающим и теоретическим трудам об эстонских русских той поры (большинство вышедших до сих пор в свет работ носит конкретно-описательный характер). Сейчас такие труды и создаются – в печати находится большая коллективная монография «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)».

Но все-таки остается еще много неизученного. Как мы отмечали уже относительно дореволюционного периода, у нас отсутствует социально-психологическая характеристика русских той поры, нет четкого представления об их идеологической дифференциации. Мы очень мало знаем о политической жизни русских, о русских политических партиях, о действовавших нелегально военных и монархических объединениях (РОВС, кирилловцы, русские фашисты, младороссы и пр.). Нет серьезных работ о юридическом статусе русских в первой Эстонской Республике, о политике властей в отношении русских и ее эволюции. Нет исследований экономического положения русских, как нет и исследования роли русских в жизни Эстонской Республики, в развитии ее экономики (в частности, в развитии сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности) и культуры.

Мы, в сущности, знаем только о роли русского балета и русских балетных студий в становлении эстонского балетного искусства. Вообще в области русско-эстонских культурных и литературных связей еще много неисследованного. Не изучены русское изобразительное искусство и музыка в Эстонии, деятельность большинства художников, певцов, музыкантов. Нет полной библиографии русских книг, вышедших в Эстонии. Давно пора приступить к изданию сочинений русских авторов 1920-1930-х годов, за исключением Игоря Северянина, практически неизвестных нашему читателю. Уверен, что я назвал далеко не все проблемы, пуждающиеся в углубленном изучении.

Это в числе прочего требует и расширения источниковедческой базы исследований. До сих пор наши работы основывались прежде всего на печатных материалах 1920-1930-х годов, в основном газетных. Из архивных материалов использовались фонды бывшего Исторического архива Эстонии в Тарту и архива КГБ (впрочем, в последнем еще можно найти много нового). Очень мало использовались материалы государственных учреждений Эстонской Республики, хранящиеся в Национальном архиве Эстонии в Таллине.

Почти не использованы документы заграничных архивов, в частности хранящиеся в Москве материалы Русского зарубежного исторического архива в Праге [60], Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете в США (мне пришлось несколько дней поработать в этом архиве, и я знаю, какие там могут быть найдены ценные материалы) и других зарубежных архивохранилищ. Надо продолжить собирание и издание мемуаров, организовать запись воспоминаний еще здравствующих деятелей русской общины, организовать поиски материалов у частных лиц. Необходимо шире привлекать пока что почти не использовавшиеся данные в русской эмигрантской печати других стран – там тоже появлялось немало публикаций о русских в Эстонии и часто шла речь о том, о чем русские побаивались писать в местной прессе.

Хуже всего обстоит дело с изучением русских в Эстонии в советский период, хотя он охватывает полвека. Это вполне закономерно. В своих выступлениях на первой и второй конференциях «Русские в Эстонии» мне приходилось указывать, что эта проблематика еще слишком политизирована, слишком горяча, слишком подчинена «злобе дня», чтобы возможно было бы ее подлинно научное изучение, объективный научный подход к ней. По моему убеждению, теперь положение уже несколько изменилось, страсти поутихли и можно было бы приступить к серьезным научным исследованиям по этой тематике. Немногочисленные имеющиеся труды в этой области несут на себе отблеск современной политической обстановки, политической борьбы вокруг русского вопроса сегодня.

Тут дело даже не в предвзятости или необъективности исследователей (хотя это порою и встречается). Дело прежде всего в подходе к изучаемой тематике – она рассматривается почти исключительно сквозь призму современных проблем русских в Эстонии, а не как самостоятельная особая область научного исследования. Т. е. исследователей почти исключительно интересовали такие проблемы, как демографическая ситуация в Эстонии и русские, статистика роста русскоязычного населения за послевоенные годы, расселение и социальная структура его, межнациональные отношения, проблема интегрированности (вернее, неинтегрированности) русских в эстонское общество, владения эстонским языком, знакомство с эстонской культурой и пр. Этот круг вопросов характерен для исследований Клары Халлик [см., напр. 62, 82], Акселя и Марики Кирх [86, 87], Эйки Берга, Оття Курса [89], Тийта Таммару и других [см. также посвященное современности, но с многими экскурсами в историю 99]. Что же еще у нас есть? Есть исследования по истории Русского драматического театра

[Светлана Янчек 71, Этери Кекелидзе 22, 23, 24, 25], есть ряд публикаций о Давиде Самойлове и Сергее Довлатове, некоторое время живших и работавших в Эстонии. Есть несколько воспоминаний, в основном, не местных русских, а приезжих [см., например, 9, 30].

Совершенно не исследована «рядовая» культурная жизнь русских в Эстонии в советский период, социально-психологический облик русских, их идеологическая дифференциация (на это мне приходится указывать уже в третий раз!), изменения, происходившие в сознании русских за последние четверть века, и многое, многое другое.

В трудах эстонских историков и политологов, особенно тех, что появлялись в начале 1990-х годов, очень часто сквозила мысль, что русские в Эстонии в послевоенный период составляли одну сплошную массу приезжих, малообразованных «совков», носителей коммунистической идеологии и русского шовинизма, в лучшем случае равнодушных, а то и враждебных по отношению к эстонскому языку и эстонской культуре людей, которым было все равно где жить и которые не стремились адаптироваться к местной среде. Сейчас такие суждения публично высказываются уже реже, а если и высказываются, то не серьезными учеными. Но в подсознании многих эти суждения все-таки нередко присутствуют.

Я хотел бы обратить внимание на то, что и «приезжие», «мигранты», как их любят называть, отнюдь не составляли единой массы ни по своему образовательному, культурному уровню, ни по своей идеологической ориентации.

Во-первых, более свободная духовная атмосфера в Эстонии сравнительно с Россией, меньшее давление официальной идеологии привлекало сюда – особенно в брежневскую пору – многих интеллигентов, в том числе ученых и литераторов, как раз критически относившихся к советским порядкам и коммунистической идеологии, даже диссидентов. Достаточно назвать тут хотя бы имена Юрия Лотмана, недавно признанного эстонской общественностью самым великим ученым Эстонии XX века, или писателя Сергея Довлатова.

Во-вторых, первые нелегальные диссидентские организации в Эстонии, выработавшие свою развернутую идеологическую программу, были образованы как раз русскими. Это созданная в 1968 году военными моряками в Пальдиски организация «Союз борцов за политическую свободу» во главе с Геннадием Гавриловым и сформировавшаяся в середине 60-х годов в Таллине Демократическая группа, на базе которой позже, в том же 1968 году, была создана организация под несколько претенциозным названием *Демократическое движение Советского Союза* во главе с видным диссидентом-теоретиком Сергеем Солдатовым. Программные и тактические установки Демократического движения оказали очень большое влияние на программные документы первых эстонских диссидентских объединений – Эстонского национального фронта (1970) и Демократического движения Эстонии (1971 [91]). С. Солдатов вообще считает последнее дочерней организацией Демократического движения Советского Союза [55, 211].

Весь этот круг вопросов также нуждается в углубленном исследовании.

Как видим, белых пятен и нерешенных проблем в истории русского национального меньшинства в Эстонии много. Их разработка – дело будущего, будем надеяться – ближайшего будущего.

Литература

1. Белобровцева, Ирина. Тартуский русский богословский кружок «Логос» и подпоручик Кижэ // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Тарту, 1997. С. 354-366.
2. Бойков, Виктор. Русские культурные и просветительные общества в Эстонии (1918-1940) // Русские Прибалтики. Механизмы культурной интеграции (до 1940 г.). Вильнюс, 1997. С. 151-167.
3. Гайнуллин, Марат, Бобылева, Валерия. Эстонская Пушкиниана. Таллинн: Ингри, 1999. – 300 с.
4. Генс Л. Вечно живая традиция. О творческом пути А. Владовского // Таллинн. 1990. № 1. С. 56-68.
5. Гордеев Л. М. Одной семьей. Воспоминания о Петсерском русском обществе просвещения (1922-1940) // Просветители. Сб. к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 144-148.
6. Губергриц, Анна. Русский театр в Эстонской республике, 1918-1940 // Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра. Ч. I. Таллинн, 1998. С.33-53.
7. Губин, Всеволод. Времена не выбирают... Таллинн: Александра, 1992. 103 с.; 2-ое доп. и испр. изд. Таллинн: Aleksandra, 1995. – 207 с.
8. Дело РСХД в Эстонии / Предисл. Т. Милютиной // Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 1995. Т. 171. С. 189-247.
9. Егоров Б. Ф. У истоков Тартуской школы. Воспоминания о 1950-х годах // Радуга. 1995. № 1. С. 25-45.
10. Извлечения из показаний П. А. Богданова 12-31 июля 1940 г. / Публ. и коммент. С. Исакова // Балтийский архив. Т. IV. Рига, 1999. С. 48-87.
11. Исаков, Сергей. Вклад русских из Эстонии в сокровищницу культуры русского зарубежья 1920-1930-х гг. // Таллинн. 1998. № 12. С. 159-163.
12. Исаков, Сергей. Из истории русского театра в Эстонии // Таллинн. 1999. № 13. С.140-144.
13. Исаков, Сергей. Конец одной литературы. Русская литература Эстонии и события 1939-1945 годов // Радуга. 1998. № 1. С. 85-97.
14. Исаков С. Об изучении русского национального меньшинства в Эстонии: проблемы и перспективы // Teaduslugu ja nüüdisaeg. VIII. Tallinn, 1993. Lk. 149-162.
15. Исаков, Сергей. Русская литература в Эстонии 1920-1930-х годов как феномен культурного пограничья // Радуга. 1997. № 2. С. 105-117.
16. Исаков Сергей Г. Русская литература Эстонии и вторая мировая война // Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999 (Instytut Rysycystyki Uniwersytetu Warszawskiego). S.171-183.
17. Исаков С. Русская периодическая печать в Эстонии в XIX в. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. I. Таллинн-Авенариус. Б. г. С. 26-56.
18. Исаков С. Старейшее русское литературное объединение в Эстонии // Таллинн. 1996. № 5-6. С. 179-184.
19. Исаков С. Учено-литературное общество при Тартуском университете (1897-1917) // Filoloogiateadused Tartu ülikoolis (Konverentsi teesid - 15. dets. 1982). Tartu, 1982. Lk. 49-53.
20. История Эстонской ССР. Т. I. Таллин, 1961. – 956 с.
21. Кашнева, Татьяна. «Земная коротка наша память...» Невыдуманная повесть. Таллинн: Александра, 1993. 224 с.
22. Кекелидзе, Этери. Безвременье. И время Михайлова // Таллинн. 1999. № 15. С. 23-32.
23. Кекелидзе, Этери. Время Кроманова. Время Шейко // Таллинн. 1999. № 14. С. 56-71.

24. Кекелидзе, Этери. Время Лермана // Таллинн. 1999. № 12. С. 57-68.
25. Кекелидзе, Этери. Время Черменева // Таллинн. 1999. № 13. С. 20-33.
26. Коченовский, Олег. Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн: Валгус, 1991. – 304 с.
27. Круглова В. М. Тепло прошедших дней. Б. м., 1998. – 128 с.
28. Круус Р. Об «эгонском» периоде Игоря Северянина // О Игоре Северянине. Тезисы докладов науч. конф. ... Череповец, 1987. С. 11-14.
29. Круус, Рейн. «Эстонские» стихи Игоря Северянина // Игорь Северянин. Стихотворения. Таллин, 1987 С. 116-125.
30. Кулишова, Мария. Годы, годы... // Таллинн. 1998. № 12. С. 44-47.
31. Куускемаа, Юри. Весть причудской иконы // Вышгород. 1998. № 4. С. 94-100.
32. Лаговский И.А., Киселев А. Возникновение РХД Крестьянской молодежи (1934 г.) // Вестник Русского Христианского Движения. 1993. Т. 168. С. 99- 114.
33. Лотт, Маре. О русской книгоиздательской деятельности в Эстонии в 1918-1940 годах // *Acta Universitatis Scientiarum Socialium et Artis Educandi Tallinnensis*. A 16. Humaniora: Raamat ühendab. Tallinn, 1999. Lk. 106-114.
34. Макшеев, Вадим. Венчальные свечи // Таллинн. 1997. № 8-9. С. 143-150.
35. Мальцев, Юрий. Памятники русской культуры в Эстонии (до 1918 г.) // Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.). Вильнюс. 1997. С. 252-259.
36. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти / Сост. и публ. В.А.Бойкова // Балтийский архив. Т. I. Таллинн, Б г. С. 122-153; Т. II. Таллинн, Б. г. С. 5- 56.
37. Милютин, Тамара. Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. – 416 с.
38. Никаноров А. Б. Предварительный список периодических изданий русского зарубежья Латвии и Эстонии (1919-1940 гг.) // Историко-библиографические исследования. Сб. науч. трудов / Российская нац. б-ка. Вып. 5. Санкт-Петербург, 1995. С. 211-233.
39. Петровская, Тамара. Рассказы о русских людях в Эстонии. «по дороге оттуда», в Америке. Нью-Йорк. 1994. С. 13-76.
40. Плеханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Воспоминания. Таллинн: Aleksandra, 1999. – 189 с.
41. Позволено распечатать / Вступит. статья, публ. и примеч. В. Бойкова // Вышгород. 1998. № 1-2 С. 114-136.
42. Пономарева Г. Вальмар Адамс: граница двух культур (в печати).
43. Пономарева, Галина. Возможности получения образования русскими в Эстонии (1918-1940) // Радуга 1996. № 4. С. 98-104.
44. Пономарева, Галина. Граница и проволока // *Sign Systems Studies*. Vol. 26. (University of Tartu). Tartu. 1998. P. 186-199.
45. Пономарева Г. Проблема национального самоопределения писателей-эмигрантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. [Тарту, 1997]. С. 339-353.
46. Пономарева, Галина. Русские скауты в Эстонии // Радуга. 1999. № 2. С. 111-115.
47. Пономарева, Галина. Русские староверы Эстонии = *Vene vanausulised Eestis* = Russin Old Believers in Estonia. S. I., S.a. - 46 с.
48. Раскрывая архивы КГБ. Трое из 10 миллионов / Публ. Виктора Бойкова // Вышгород. 1995. № 4. С. 8-22
49. Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера. Из виденного и пережитого. Отрывки // Просветители. Сб к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн. 1998 С. 96-143.
50. Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) / Публ. и примеч. В.Бойкова // Балтийский архив. Т. V. Рига, 1999 С. 73-104

51. Русские в Эстонии (1918-1920 гг.). Из воспоминаний князя С. П. Мансырева // Отечественные архивы. 1992 № 2. С. 54-72.
52. Селюгин, Арсений. Осколки скаутских воспоминаний бывшего начальника Печорской (тогда Петсерийской) дружины скаутов, бывшего скаутмастера // Радуга. 1999. № 2. С. 116-130.
53. Синдецкая, Наталия. Из истории русского театра в Эстонии 1919-1940 гг. // Studia Rossica VII. W kraju I na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999 (Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego). S. 185-194.
54. Синдецкая, Наталия. Русские организации и общества в Таллинне 1920-х гг. // Русская филология. 7. Сб. науч. работ молодых филологов / Тартуский ун-т. Тарту, 1996. С. 203-210.
55. Солдатов, Сергей. Зарницы возрождения. Опыт политической борьбы и нравственного просветительства. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. – 414 с.
56. Соловей Н.В. Истоки моего просветительства // Просветители. Сб. к 75- летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 157-163.
57. Тальберг Е. Воспоминания о детстве и школьных годах в Нарве (1922-1939) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III / Тартуский ун-т. 1999. С. 255-273.
58. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982) / Под ред. Е. Н. и Д. Г. Андреевых. Т. I-II. Таллинн: Авенариус, 1996. – 336, 320 с.
59. 1939 год: русские в независимой Эстонии. Обращение председателей правлений Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии и Русского национального союза к президенту Эстонской республики // Родина (Москва). 1993, № 3. С. 50-52.
60. Фонды Русского Заграничного архива в Праге. Междоархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. – 672 с.
61. Халлас, Карин. Петербургские мастера в Таллинне. Архитектура Н. Васильева и А. Бубыря // Таллинн. 1991. № 1. С. 96-101.
62. Халлик, Клара. О межнациональных отношениях в Эстонии // Таллинн. 1991. №3. С. 96-107.
63. Хлебникова-Смирнова, Ксения. Мои воспоминания. Таллинн: Александра, 1994.- 156 с.
64. Хлебникова-Смирнова, Ксения. Секретная рукопись // Таллинн. 1996. № 1. С. 138-141; Она же. Воспоминания об однокласснике Михаиле Никитине // Там же. 1996. № 3-4. С. 200-202; Она же. Воспоминания об Ирине Борман (псевдоним ИрБор) // Там же. 1996. № 5-6. С. 186-188.
65. Шмидт В. Из воспоминаний об Обществе русских студентов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III / Тартуский ун-т. 1991. С. 274-316.
66. Шор Т. Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. Т. 1. Таллинн, Б. г. С. 7-25.
67. Шор, Татьяна. Русская культура в зеркале эстонской прессы 1918-1940. (По материалам архива газеты «Postimees») // Радуга. 1996, № 4. С. 122-128.
68. Шор Т. Русские благотворительные общества в Тарту (1858-1940) // Радуга. 1995, № 11. С.57-61.
69. Шумаков, Юрий. Избранное Таллинн, 1997. С. 215-252.
70. Шумаков, Юрий. Пристать бы мне к родному берегу... Игорь Северянин и его окружение в Эстонии. Таллинн, 1992. – 64 с.
71. Янчек, Светлана. Русский театр Эстонии 1948-1964 // Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра Ч. I. Таллинн: Авенариус, 1998. С. 59-113.
72. Alltoa, Kaur. «Vene ots- keskaegses Tartus // Tartu – minevik, tänapäev. Tallinn, 1985. Lk. 87-96.
73. Ariste, P. Vene laensxnadest vanemas eesti kirjakeeles // Keel ja Kirjandus. 1958. Nr. 1. Lk. 25-33.
74. Berg, Eiki. Peipsivenelased // Eesti rahvaste raamat. Rahvus-võhemused, -rahmad ja -killud / Koost. ja toim. J. Viikberg. Tallinn, 1999. Lk. 361-366.
75. Berg E., Kulu H. Peipsivene: rahvus- ja regionaalpoliitilised realiteedid // Akadeemia. 1996, nr. 6. Lk. 1164-1183.
76. Bruns, Dmitri. Tallinn. Linnaehituslik kujunemine. Tallinn: Valgus, 1993. – 285 lk.

77. Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika 1675-1940 / Toim. E. Annus. Tallinn. 1993 (Eesti retrospektiivne rahvusbibliograafia. V osa). Lk. 273- 368.
78. Erikson, Kalli. Ikoonide maalimisest Peipsidäre vanausuliste juures // Kleio. Ajaloo ajakiri. 1997, nr. 3. Lk. 18-22.
79. G. A. ja S. A. Lavretsovidenimelise Narva Linnamuuseumi 85-ndaks aastapäevaks. Narva kunstiüli XVIII – XX sajandil. Teadus-praktilise konverentsi materjalid = К 85-летию Нарвского городского музея им. Г. А. и С. А. Лавретцовых. Художественная жизнь Нарвы XVIII-XX вв. Материалы научно-практической конференции. Narva. 1999. – 72 lk.
80. Gens, L. Arhitekt-kunstnik Aleksander Vladovski // Linnaehitus ja arhitektuur. Tallinn, 1991. Lk. 109-138.
81. Haabsaar, Enn. Uus vaade eesti ja vana-vene varasemale ajaloolle // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar- ja Sotsiaalteadused. Kd. 45. 1996, nr. 2. Lk. 151-180.
82. Hallik, Klara. Eestimaa muulased: ajalooline ja demograafiline taust // Vene küsimus ja eesti valikud. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. Lk. 13-27.
83. Issakov, Sergei. Tartu Ülikooli «Vene Üliõpilaste selts» 1881-1918 // Eesti Ajalooarhiivi päevad. 16.-17. mai 1991. Ettekannete teesid. Tallinn, 1991. Lk. 18-19.
84. Katus, K. Eesti demograafiline areng läbi sajandite // Eesti edasivaates. Metroo kolmas raamat. Tallinn: «Kultuuri ja Elu» väljaanne, 1990. Lk. 13-30.
85. Katus, Kalev. Eesti rahvastiku põlisus ja kohalikud vähemus-rahvused // Etnilised vähemused Eestis, nende tänased probleemid ja tulevik. Konverentsi materjalid. Jõgeva, 1996. Lk. 9-26.
86. Kirch, A., Kirch M. Ethnic Relations: Estonians and Non-Estonians // Nationalities Papers. 1995. T. 23 (1). P. 43-59.
87. Kirch, A., Kirch M., Tuisk T. Russians in the Baltic States // Journal of Baltic Studies. 1993. T. 24(2). P. 168-180.
88. Kruus, Rein. Eesti ja Igor Severjanin // Looming. 1987, nr. 5. Lk. 682-693.
89. Kurs, O., Berg, E. Etnilised vähemused ja uusasukad Eestis // Akadeemia. 1995, nr. 2. Lk. 260-275.
90. Ligi, Priit. Poliitika, ideoloogia ja muinasteadus // Looming. 1994, nr. 1. Lk. 110-121.
91. Niitsoo, Viktor. Vastupanu 1955-1985. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. Lk. 75-98.
92. Ponomareva, Galina. Granica i druty // Tygiel Kultury. 1999, nr. 10-12. S. 23-30.
93. Ruutsoo, Rein. Die Herausbildung einer russischen Minderheit in der Republik Estland 1918-1940 // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. N.F. B. IV. 1995. H. 2. S. 551-575.
94. Ruutsoo, Rein. Vene rahvusvähemuse ja tema identiteedi kujune-mine Eesti Vabariigis 1920-1940 // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar- ja Sotsiaalteadused. 1996. Kd. 45. Nr. 2. Lk. 183-204.
95. Salupere, Malle. Töed ja tödemused. Sakste ja matside jalajäljed nelja sajandi arhiivitolmus. Tartu, 1998. – 422 lk.
96. Selart, Anti. Tartu märter Isidor ja tema kannatuslugu // Akadeemia. 1998, nr. 3. Lk. 501-525.
97. Selirand, Jüri. Poliitiliseks tehtud muinasteadusest // Looming. 1994, nr. 6. Lk. 803-805.
98. Tõnisson, Evald. Miks ei võiks ma olla indiaanlane // Looming. 1994, nr. 6. Lk. 806-811.
99. Vihalemm, Triin, Lauristin, Marju. Cultural Adjustment to the Changing Societal Environment: The Case of Russians in Estonia // Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post Communist Transition / Ed. M. Lauristin, P. Vihalemm. Tartu, 1997. P. 279-297.

ВЛАДИМИР ПАРОЛЬ

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЭСТОНИИ И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ЕЕ НОРМАЛИЗАЦИИ

1. СОЦИОЛОГО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИЗУЧАЕМУЮ ПРОБЛЕМУ

1.1. Некоторые общие замечания

Изучение сложных процессов, затрагивающих основополагающие интересы различных социальных и этнических общностей в их динамическом взаимодействии, всегда требует не только включения в научный оборот максимально возможного объема информации и источников, подтверждающих соответствующие выводы, но и взвешенность подхода при анализе и интерпретации как объективных, так и субъективных факторов, обуславливающих тенденции развития. Это в особенности относится к межэтническим взаимоотношениям, которые в последние десятилетия превратились во взрывоопасный элемент социальных процессов во многих странах мира, в том числе и в наиболее развитых.

Подчеркнем также и то, что в странах переходного развития этнический фактор социально-политического развития стал доминирующим, так как правящие элиты стремятся опираться в своей политике на продвинутые и маргинальные группы населения, которые воспринимают мир через призму философий моноэтнопriorитетного перераспределения ресурсов в пользу титульных народов за счет обнищания нетитульных, так как других путей быстро преодолеть экономическое и социальное отставание не существует. Правда, не следует сбрасывать со счетов возможность получения помощи со стороны богатых западных стран, которые все более активно влияют на ход мировых событий в условиях политического и экономического краха второй сверхдержавы. Применительно к Эстонии выдвигаются на передний план Швеция, Финляндия и Германия. Именно указанные страны проявляют наибольший интерес к завоеванию рынка по перспективным товарным группам, а также лидируют в инвестиционной деятельности.

Вторая волна за последние 100-150 лет национальных революций в Европе в значительной степени связана с громадным геополитическим сдвигом, происшедшим в самом конце XX столетия. Касаясь этой темы, З. Бжезинский пишет: «Три основных момента явились когда-то политическим толчком к объединению Европы, а именно память о двух разрушительных мировых войнах, желание экономического оздоровления и отсутствия чувства безопасности, порожденное советской угрозой» [1].

Продолжая развивать свои мысли, знаменитый американский политолог пророчесствует: «Современная Западная Европа производит впечатление попавшей в затруднительное положение, не имеющей цели, хотя и благополучной, но беспокойной в социальном плане группы обществ, не принимающих участие в реализации каких-либо крупных идей» [2].

По нашему мнению, геополитическим центром современного мирового развития становится Азиатско-тихоокеанский регион, объединяющий такие страны, и геополитические пространства как США, Канаду, Японию, Китай, дальневосточные районы России. Потеря ведущей роли стран Атлантического региона, включая обширные районы Западной Европы, создает новую политическую обстановку в современном мире. Страны Балтии, стремясь в Европейский Союз, не должны забывать о подобных переменах, происшедших в геополитике. Поэтому не случайна позиция отдельных авторов, которые трактуют положение России в современном мире с перспективой на сближение со странами тихоокеанского региона. Признавая важную роль «новых русских», они подчеркивают необходимость создания нового Российского государства. «Оно будет особого типа – на Земле таких не может быть много. Из функций, обычно присущих государству – обороне, суда, социальной защиты, главной будет функция: защита экономических субъектов (фирм, предприятий) от соревнования с внешним миром по критерию эффективности. А вот внутри страны вполне возможно и такое соревнование» [3].

В этой связи вполне уместен совет, исходящий от российских геополитиков, которые считают, что «отношения с бывшими союзниками и республиками СССР следует начинать с чистого листа, ... строить их на чисто прагматической основе. А это предполагает тщательный подсчет объективных, нынешних и перспективных интересов России в отношении с БСЗ (ближним и средним зарубежьем) и возможностей их реализации», т. е. разработку позитивной геополитической программы или, точнее, программ, в том числе для Эстонии [4].

К сожалению, взвешенные предложения, касающиеся строительства новых международных отношений, не всегда встречают позитивную реакцию со стороны официальных кругов России и Эстонии. Груз прошлого оказывает негативное воздействие на становление партнерских отношений по широкому кругу вопросов, где интересы России и Эстонии объективно совпадают.

Со стороны Эстонии дистанцирование от России приняло вполне определенные формы, обусловленные тем, что западноевропейское военно-политическое и культурное пространство, в котором идентифицируется ее дальнейшее развитие, рассматривается как единственно возможное. Что касается России, то она не до конца определилась относительно своих будущих союзников и партнеров с учетом нерешенности вопроса относительно политико-экономических перспектив движения страны. В ней немало политических сил, заинтересованных в сближении с Европой, тогда как глобальные перемены мирового сообщества рождаются в Азиатско-тихоокеанском регионе, где у России всегда были свои союзники и многолетние партнеры. И тот факт, что президент В. Путин активизирует российско-китайское сближение, говорит о многом.

И, хотя в политико-культурном плане Россия все меньше проявляет интерес к Эстонии, тем не менее экономические интересы, несомненно, работают в преодолении политико-культурного отчуждения, проявляющегося в отношениях между ними.

Наряду с геополитическими переменами на отношения между Россией и Эстонией влияет нарастающая глобализация общества. В своей, получившей широкое признание монографии Джордж Сорос пронизательно замечает, что «введение, например, единых денег необоснованно без осуществления единой фискальной политики. В то же время обеспечение функционирования такой политики достигнет своего успеха только в случае государственной поддержки» [5].

Все это означает неизбежность сужения роли суверенных национальных государств. Александр Зиновьев, раскрывая феномен сверхобщества делает тонкое наблюдение: «Надежды идеологов и футурологов на то, что система власти будет сокращена за счет современной технологии, достойны смеха. Занятые в системе власти люди добровольно не отдадут источники своего существования. Сокращение коснется не той категории людей, из-за которой разрастается власть. Сокращение может произойти в государственности, но ценой увеличения сверхгосударственности» [6].

1.2. Понятийный аппарат исследования

Межнациональные отношения рассматриваются различными дисциплинами и научными школами. Поэтому, в оценках перспектив их развития наблюдается большой разброс. Автор стремится анализировать данный феномен в контексте социолого-политологического рассмотрения, что обуславливает необходимость использования адекватной терминологии. В целях более логичного изложения текущей ситуации и ее основных доминант развития остановимся на некоторых базовых категориях, к которым в первую очередь относится «этническое» и «национальное». Уточним эти понятия.

Этническая общность – элемент национальной общности, объединенной на основе общности и происхождения, культуры, элементов образа жизни и сферы деятельности.

Национальные общности – исторические общности, образующиеся на базе общности языка, экономической жизни, социальных условий и проявлений духовной культуры и специфического образа жизни.

Обычно историки и этнографы выделяют нации, народности и родоплеменные образования. Указанные исторические общности в основном соответствуют социалистическим, капиталистическим, феодальным и патриархальным отношениям.

В связи с разделением таких социальных реальностей, как национальные и этнические общности, чрезвычайно важным становится вопрос о соотношении исторического (преходящего) и внеисторического (постоянного) факторов социоэтнического развития. В этом анализе советские исследователи подчеркивали роль культуры как способа освоения среды обитания и деятельности. Разбирая детально феномен культуры, ученые пришли к выводу о двух направлениях биологической и культурной эволюции культуры. Причем, в последнем случае наблюдается процесс перехода от низших к высшим ступеням развития.

В равной степени такой вариант анализа может быть распространен на общность специфическую (этническую), т. е. равноценную, и общую (национальную), т. е. обусловленную социальной эволюцией этноса вообще и национальных образований в особенности. Разведение этнического и национального детерминировано, хотя и не полностью, отражается в категориях «общность» (группа) и «общество» о чем писал Ф. Тённис.

Несомненно одно: национальное как более абстрактное вбирает в себя различные этнические начала, перелаывая их и создавая совершенно новое качество. В каждой современной нации, включая и младонации советского типа, присутствует несколько этнических потоков, на основе взаимодействия которых утверждалось специфическое национальное. Так, такие этнические группы, как евреи, цыгане, татары и т. д. имеются среди представителей русской, эстонской, украинской, финской наций.

Вне серьезного изучения оказывается проблематика механизма образования больших национальных общностей, а также комплекс вопросов перехода этнического как генетического фундамента к национальному как реальному функционированию исторически конкретного этноса. В любом случае, по нашему мнению, поле для прорыва в создании современной теории национальных отношений достаточно обширно.

Не претендуя на окончательное решение этого крайне сложного вопроса, постараемся изложить свою концепцию видения исторических форм развития этноса. Здесь, по нашему мнению, следует исходить из следующих моментов становления наций:

- решающей роли в экономическом освоении этнического пространства действия закона, общественного разделения труда, а также постепенного формирования отраслей общенациональной и региональной специализации. Под влиянием воздействия указанных закономерностей преодолевается изолированность отдельных регионов или более мелких локальных пространств и что особенно важно рождается развитая форма структуры отраслей народного хозяйства и мест приложения труда. Аграрная сфера с ее слабой дифференциацией производства общественного продукта сменяется промышленной как господствующей в организации жизни, где складывается множественность форм отраслевой, профессиональной и иной специализации условий производства, порождает невиданную ранее гамму проявлений социального и этнического начал;
- перехода от примитивной гомогенной к гетерогенной социальной структуре общества, формирования национального рабочего социального класса и национальной интеллигенции, освоения пространства жизнедеятельности, что приводит к складыванию городов с преобладанием или значительным удельным весом младонации. Причем, при сохранении господства сельской местности как колыбели и очага продолжающегося воспроизводства национально специфического, в урбанизированных районах наблюдается взаимодействие представителей различных этносов; «чистый» национальный этнос принимает «донорскую кровь» других народов, обогащая собственный генофонд, передавая свои монады «чужим»;

- формирования национального литературного языка как необходимого условия консолидации различных народностей в единое целое. Другим вариантом стимулирующей роли языка в складывании нации выступает феномен переселенчества, когда колонисты устремлялись в заморские страны и создавали на новых землях очаги цивилизации, используя не только достижения передовых народов в экономике и технике но и в культуре;
- складывания развитой дифференцированной, национальной культуры с широкой сетью учреждений и организаций, а также индивидуальных и коллективных творцов произведений литературы и искусства, создающих возможности духовного развития всего национального сообщества.
- Ниже приводится таблица 1, раскрывающая конкретные формы национальных общностей (наций, народностей, национальных групп).

Таблица 1. ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Историческая форма национальной общности	Национальная или этническая территория	Уровень специализации и дифференциации труда	Уровень специализации культуры	Форма национального языка
Нация: <i>русские, эстонцы</i>	Компактное проживание не только в границах национального государства, но и за его пределами	Высокий	Высокий	Развитый национальный литературный язык
Народность (народ): <i>чеченцы</i>	Компактное проживание в сельской местности, в основном в границах своей территории	Низкий	Низкий	Развитый национальный литературный язык отсутствует. Используется литературный язык крупного народа
Родоплеменная национальная группа: <i>чуши</i>	Не совпадает с границами административных или этнических границ, преимущественно дисперсное проживание	Преимущественно один вид занятий (охота, рыболовство, скотоводство)	Практически отсутствует	Используется литературный язык крупного народа

Из содержания приведенной таблицы вытекают два вывода:

- русскоязычное население Эстонии в основном является частью русской нации, ибо условий для воспроизводства специфической национальной жизни многочисленных этнических групп, проживающих в ЭР, кроме русской и эстонской, крайне ограничены;
- в случае сохранения условий длительного дистанцирования русскоязычного населения Эстонии от России неизбежно произойдет в исторической перспективе образование русско-эстонской нации, отражающей специфику развития данной общности.

2. ЭТНОС И НЕРАВЕНСТВО

2.1. Постмодернистский взгляд на проблему

С конца 70-х годов XX столетия все явственнее обнаруживается бесперспективность классических воззрений в общественном знании, принимающих форму или коммунистических, или так называемых демократических концепций. Особенно неадекватно реальным тенденциям раскрываются межэтнические отношения. Приходится констатировать, что именно в этой области действуют наиболее противоречивые тенденции. С одной стороны, наблюдаются общеэкономические и общесоциальные процессы сближения условий воспроизводства и снижения различий между субъектами национальных отношений. Вместе с тем наблюдается и в определенной степени усиливается культурная дифференциация народов. На этой основе как общемировая тенденция возникает обострение межэтнических отношений.

Оно принимает две основные формы, первая из которых – конфликт внутри отдельного государства, когда не совпадают интересы так называемой доминирующей и угнетенной нации или народов. Примеров такого рода громадное количество. Так в современной Югославии конфликт между Сербией и Косово приобрел международный резонанс, поставив мировое сообщество на грань большой войны, в которую могли быть втянуты большинство народов Европы. Аналогичного рода конфликт охватил Грузию, где сталкиваются интересы Абхазии и великодержавной верхушки правящих сил господствующей нации. Сложные взаимоотношения складываются между курдами и турками в Турции. Везде, так или иначе, великодержавный шовинизм и национальный сепаратизм не могут найти общих точек соприкосновения.

Другой формой конфликта выступает несовпадение интересов между отдельными государствами, за которыми стоят интересы соответствующих национальных общностей.

На чем базируется неравенство в постмодернистскую эпоху?

В отличие от прошлого, произошло перераспределение весов в системе факторов, влияющих на воспроизводство неравенства между народами. Безусловно, сохраняется значимость социально-экономических детерминаций в несовпадении условий развития западных народов (относительно стран третьего, пятого миров нет необходимости говорить).

Однако политический и культурный перепад или присоединение к полярным экономико-политическим, а также культурным пространствам оказывается решающим в объяснении причин обострения отношений между народами.

2.2. Восприятие неравенства различными национальными группами Эстонии

Изучение данной проблемы на материале русских, проживающих в России и за ее пределами, демонстрирует противоречивые выводы. Так по результатам исследования И. М. Клямкина и В. В. Лапкина, наблюдается «обеспокоенность довольно значительных слоев населения неравенством экономического положения русских по

сравнению с другими народами (около 1/3 опрошенных) при гораздо более слабом ощущении неравенства во всем остальном лишний раз свидетельствует о том, что «русский вопрос» сегодня – это прежде всего вопрос, о мере сочетания свободной рыночной инициативы хозяйствующих субъектов и государственной опеки по отношению к ним...» [7].

Вместе с тем русские, проживающие за пределами России, по-иному воспринимают неравенство с учетом неравенства возможностей и реальной дискриминации.

Применительно к ситуации в Эстонии и Латвии, как совершенно правильно отмечают исследователи, наблюдается рост националистических настроений, они связываются с «десятилетиями накапливающимся раздражением против «старшего брата», грубо поправшего едва было обретенную (впервые) политическую независимость, и отсутствием прочных демократических традиций» [8].

Наряду с указанными обстоятельствами немаловажную роль в обострении национальных отношений в конце 70-х – начале 80-х годов сыграли исчерпание экстенсивных факторов роста и кризис политической системы управления, опирающейся на догматическую марксистскую идеологию и безраздельного доминирования партии, где партгосноменклатура узурпировала принятие важнейших политических и экономических решений. Назревавший конфликт между нарождающейся оппозиционной диссидентствующей элитой и партгосноменклатурой, тормозящей объективный процесс демократизации общества, не получил разрешения в рамках компромисса между властвующей элитой и новыми левыми, стремившимися к коренному повороту в развитии СССР. Наиболее благоприятным вариантом могла бы быть реформация партии путем введения в руководство новых реформаторов. К сожалению обе политические силы не осознавали бесперспективность спонтанного разрушения партии как политического руководителя общества. Последствия такого разрушения привели к приходу к власти национальных элит, взявших курс на модернизацию общества на основе западной модели развития. Это привело к громадным экономическим и социальным потерям как для всех республик, входивших в состав СССР, так и для всего мирового сообщества.

В силу падения политического и социального статуса России стало возможным оживление антирусских настроений в республиках бывшего СССР с соответствующим дистанцированием от РФ в текущей и перспективной политической линии. Это находит отражение в изменении поведенческих установок русскоязычного населения Эстонии. По мнению И. А. Гришаева, базирующемуся на соответствующих исследованиях, «от 50 до 58 % русских считают интеграцию в эстонское общество для себя наиболее приемлемой стратегией поведения. В то же время как 30 % опрошенных эстонцев советовало бы русским уехать и только 2 % – остаться. При этом 37 % из них считают, что для страны отъезд русских был бы только благом, 48 % – благом в определенной мере и лишь 5 % видят в эмиграции русских ущерб для Эстонии» [9].

Под влиянием изменения роли России происходят сдвиги в сознании русскоязычного населения: «испытывают серьезные опасения лишения работы 30 % русских,

имеющих гражданство Эстонии, и 60 % – имеющих гражданство России. Чувство страха и растерянности также чаще встречается у русских – граждан России (31 %), чем у граждан Эстонии (19 %)» [10].

В определенной степени способствовало снижению напряженности между двумя общинами выезд за 1989-1994 годы 63 тысяч русских [11]. Однако по мнению российских исследователей, прекращение массового оттока русскоязычного населения из Эстонии выступает «не актом свободного выбора, а в силу осознанной необходимости и с сохранением сильного психологического дискомфорта» [12].

Для понимания восприятия неравенства русскими и эстонцами крайне важно иметь информацию о реальном уровне жизни соответствующих групп населения Эстонии. Ниже, в таблице 2 приводятся статистические данные, раскрывающие объективную картину положения двух национальных общин [13].

Как видно из таблицы 2, социальное положение представителей двух основных общин Эстонии существенно различается, среди наиболее богатых людей доля эстонцев составляет 75 %. Еще более велика доля в высшем среднем класс – 84 %, тогда как среди маргинальных групп населения преобладает русскоязычное население (соответственно 52 и 55 %). Это, конечно, сказывается на настроениях русскоязычного населения, отражающих реалии рыночной экономики.

Таблица 2. ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ К УСЛОВИЯМ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

	Типология приспособленности населения к рыночной экономике	Все население, %	В том числе, %	
			эстонцы	неэстонцы
A	Очень высокая приспособленность – элитный класс	8	75	25
B	Хорошая приспособленность – вышесредний класс	15	84	16
C	Средняя приспособленность – низсредний класс	33	64	36
D	Плохая приспособленность – верхняя часть нижнего слоя	32	48	52
E	Не приспособившиеся – самый нижний слой	12	47	53

Таким образом, разведение национальных общин Эстонии носит преимущественно социальный характер.

На протяжении ряда лет автор тесно сотрудничал с исследователями Института этнологии и антропологии РАН, принимая активное участие в организации анкетного опроса. В частности, в 1996 году был проведен опрос экспертов по результатам

которого подготовлены несколько изданий, касающихся положения русских в Эстонии. В этом плане представляет интерес суждение экспертов относительно возможных сдвигов в межнациональных отношениях в республике, о чем свидетельствуют показатели таблицы 3 [14].

Данные таблицы 3 носят противоречивый характер. Большинство респондентов среди эстонцев считает, что они улучшатся либо останутся без изменений (59 %), тогда как среди русских аналогичная группа людей составляет 40 %. Одновременно силу большей доли среди русских респондентов, не сумевших определить свою позицию, свидетельствует о неясности социальных тенденций на ближайшую перспективу. Такое положение не случайно, скорее всего оно отражает представление массовых групп населения, пессимистически оценивающих свое будущее.

Таблица 3. КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДУТ МЕНЯТЬСЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ?

Варианты ответа	Литва		Эстония	
	русские	литовцы	русские	эстонцы
Улучшатся	16	40	24	34
Ухудшатся	20	2	21	18
Останутся без изменений	20	34	16	25
Затрудняюсь ответить	44	23	39	18
Нет ответа	0	1	0	1
Итого	100	100	100	100

По результатам других исследований оценки неравного социально-экономического положения эстонцев и русских выглядит менее рельефно. Об этом, в частности, свидетельствуют данные относительно значимости факторов, влияющих на межнациональные отношения. По итогам опроса, проведенного группой под руководством И. А. Гришаева из Центра по исследованию русских меньшинств в странах ближнего зарубежья следует, что ухудшение материального положения людей играет решающую роль в обострении межнациональных отношений в Эстонии (37 % опрошенных). Правда, указанное исследование было проведено в 1994, и оно вряд ли отражает реалии сегодняшнего дня [15].

Исследователи же Эстонского института открытого общества в рамках «Проекта веры» по результатам опроса получили данные близкие к показателям И. А. Гришаева: большинство респондентов беспокоит угроза остаться без работы, без социальной поддержки (соответственно 55 и 58 % от числа опрошенных) [16]. Следует иметь также в виду, что среди респондентов велика доля людей, крайне обеспокоенных своим правовым статусом [17].

Интересно отметить, что по данным С. С. Савоскула в оценках об изменениях межэтнических отношений в ближайшее время, среди факторов, фиксирующих ухудшение положения, на первое место вышел фактор ущемления правового статуса русских (49 % опрошенных), тогда как неустойчивость в получении доходов беспокоит 20 % [18].

В заключение отметим, что в эпоху постмодерна в развитых странах наблюдается виртуализация общества: «виртуализируются институты, рынок, предпринимательство, фирма, финансы» [19]. Однако процесс виртуализации затрагивает не только область экономических отношений, он проникает в сферу национальных контактов. Образы русского и эстонца становятся виртуальной реальностью, необходимо активно действовать, чтобы глобальная виртуализация не подорвала бы объективные условия реальных межнациональных отношений.

Расщепление Я-сознания ведет к образованию в структуре личности двух «Я», как бы двух человек, один из которых живет в другом по принципу «матрешки». Они соотносятся друг с другом примерно так же, как «дневной» человек соотносится с «ночным» [20]. Аналогичное превращение происходит с русскими и эстонцами в повседневных и официальных контактах.

3. КУРС НА КУЛЬТУРНУЮ АССИМИЛЯЦИЮ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

3.1. Интеграция русскоязычного населения в эстонское общество как социально-политический феномен

Принятая правительством республики в текущем году программа «Интеграция общества Эстонии: 2000-2007 гг.», нацелена на «создание в Эстонии политической нации, куда войдут не только этнические эстонцы, но и все граждане Эстонии, люди, которые лояльны к эстонскому государству» [21]. В концентрированном виде идеологи программы желают, «чтобы все имели одинаковый статус, все были гражданами Эстонии и все владели общим языком – эстонским» [22]. Декларируя право национальных меньшинств на возможность сохранения своей культуры, традиций и языка, правящие круги Эстонии фактически сужают сферу применения русского языка как основного языка русскоязычного населения, составляющего около трети жителей республики.

Какие моменты, прежде всего, настораживают в проведении подобного курса, что мешает свободному взаимодействию двух основных национальных общин Эстонии? Хотя на передний план в программе интеграции выдвигается культурно-языковая проблема, на самом деле в большей степени тормозит процесс преодоления несовпадающих интересов с учетом мононациональной эстонской идеи развития государства. В современной Европе существуют три основных вида государств по соотношению отдельных этнических групп:

- мононациональные (Германия, Польша, Норвегия), где доля национальных меньшинств сравнительно невелика;
- полинациональные (Швейцария, Испания, Бельгия и ряд других государств), где проживают по две или более нации, удельный вес которых не позволяет говорить о существовании так называемых национальных меньшинств;

- смешанный вариант (Финляндия, Латвия, Эстония, Румыния), где доля национальных меньшинств сравнительно велика.

С учетом данной группировки следует, что Эстония относится к тем странам, где осуществление единой национальной идеи представляется невозможным. Это обусловлено тем фактом, что культурные традиции и языковые приоритеты эстонской и русской национальных общин существенно разведены. Представители эстонской нации в основном ориентируются на ценности западной культуры и традиций, тогда как русские – преимущественно евразийцы. К тому же имеет значение также то, что русские на протяжении длительного периода идентифицировали себя с российской государственностью. Эстонское же население в условиях кризиса советской государственности стремилось к национальной независимости. Преодолеть указанную тенденцию в национальном сознании двух народов в короткие сроки крайне сложно. Это показывает и исторический опыт, и новые реалии, связанные с движением восточно-европейских народов в Европейский союз.

По нашему мнению, перспективы развития национального самосознания и русских, и эстонцев в ближайшей перспективе будет строиться на возможности свободного взаимодействия двух общин, без ущемления прав и интересов какой-либо из сторон. Необходимо отбросить две крайности, бытующие в массовом сознании и находящие свое проявление в политической линии отдельных партий. С одной стороны, имевший место радикализм отдельных групп русскоязычного населения, стремившихся вернуться к прошлому состоянию, в значительной степени преодолен. С другой стороны, эстонский радикализм, базирующийся на установке возврата к реалиям первой республики, продолжает влиять на ход взаимоотношений между двумя общинами. Это нагляднее всего проявляется в разделении представителей русскоязычного населения на три группы:

- получившие эстонское гражданство, в том числе в порядке натурализации (160 тыс. чел.);
- лица без гражданства (230 тыс. чел.);
- граждане России (116 тыс.), включая тех из них, которые уже покинули территорию республики.

Такое соотношение между группами русскоязычного населения явно указывает на стремление рассматривать большую часть русскоязычного населения как потенциальных противников эстонской государственности, к тому же слабо или почти не владеющих эстонским языком. Конечно, такое положение нельзя признать нормальным, и мы понимаем желание правящих кругов решить данную проблему. Однако нас беспокоят сроки и методы ее решения.

Форсирование процесса создания единой политической нации в Эстонии может помешать вхождению Эстонии в Евросоюз, преодолеть экономическое и социальное отставание от передовых стран.

На прошедшей в мае 1998 года международной конференции «Балтийский регион в новой системе геополитических координат» в которой приняли участие политики,

общественные деятели и эксперты из России, стран Балтии, США, ряда европейских государств подчеркивалось, «что, политические элиты Латвии и Эстонии допускают серьезную ошибку в создании новых государств, пытаясь реализовать утопическую идею доминирования в нем титульной нации. Во многом дело в самонадеянности некоторых представителей этих элит, считающих, что они могут преподать остальным уроки демократии» [23]. Помимо этого фактора, на конкретную политику Эстонии и Латвии воздействует потерявшая свою актуальность идеологема, отражающая ситуацию накануне предоставления независимости балтийским государствам. Применительно к тому периоду мнение о том, что балтийские страны были оккупированы Советским Союзом в 1939–1940 годах, не может быть принято ни в политологическом, ни в международно-правовом, ни в сугубо практическом смыслах. Оно действительно могло сыграть позитивную роль в качестве дипломатического и психологического давления на центральные власти СССР, а также правящие круги России. После же достижения независимости указанная идеологема не имеет возможности срабатывать в решении практических вопросов укрепления стабильности геополитического положения Эстонии. Ее интерпретация в международных переговорах существенно осложняет достижение разумного компромисса в оценках русскоязычного населения Эстонии.

Более перспективным представляется коррекция, как общей идеологии эстонской государственности, так и программы интеграции. Эти изменения в основном должны идти по двум направлениям:

- сохранение статуса эстонского языка как государственного языка;
- повышение роли русского языка в качестве языка крупного национального меньшинства Эстонии и при возможности его использования в школах, организациях и учреждениях, а также органах самоуправления с преобладанием русскоязычного населения.

Это также не отменяет, а предполагает необходимость изучения и повышения роли английского языка в качестве языка межгосударственного и международного общения. Только в таком контексте можно снять вопросы, касающиеся снижения роли русского языка в Эстонии. Положительным моментом здесь следует признать тот факт, что интеллектуальная элита Эстонии стала поднимать вопрос о том, что молодежь плохо знает русский язык и это мешает населению Эстонии в контактах со странами СНГ.

Что же касается ликвидации средней школы с русским языком обучения, то указанная мера никак не вписывается в механизм налаживания партнерских взаимоотношений между эстоноязычным и русскоязычным населением, ибо это наносит непоправимый урон нормальному процессу воспроизводства русскоязычной интеллигенции. Ослабление потенции этого социального слоя пагубно отразится как на жизни всей русскоязычной общины, так и всего эстонского общества.

Поэтому курс на мягкую культурную ассимиляцию русскоязычного населения явно бесперспективен, хотя этот процесс слишком далеко зашел и нужно принимать меры по снижению его отрицательных последствий.

Особый вопрос в контексте ассимиляции связан с получением высшего образования на эстонском языке. Ускоряющийся процесс перехода к информационному

обществу все новых стран диктует необходимость повышения роли специалистов с высшим образованием. Например, в США 80 % лиц молодежной когорты получают высшее образование различного уровня и качества. В европейских странах этот показатель составляет от половины до двух третей названной возрастной когорты. Тогда как в Эстонии этот показатель – около одной трети. Такое отставание от передовых стран мешает решать насущные проблемы продвижения к качественно новому состоянию развития экономики и социальной жизни Эстонии. Выход из этого положения видится на путях увеличения доли представителей русскоязычного населения, обучающихся в государственных и частных вузах, так как основная масса стремящихся получить высшее образование на эстонском языке реализует свое желание. Поэтому представляется, что давление оказываемое со стороны Министерства образования республики на частную школу, где в основном обучаются представители русскоязычного населения, не может не вызвать протест. Об этом прямо говорится в пункте 17 Гаагских рекомендаций по правам национальных меньшинств на образование: «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны иметь доступ к высшему образованию на их собственном языке, когда они показали потребность в этом и когда это обосновано их численностью. Доступ к высшему образованию на языке меньшинств может быть обеспечен путем создания необходимых условий в существующих структурах образования при условии, что это будет адекватно удовлетворять потребности данного национального меньшинства. Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут также искать пути и средства для создания собственных учреждений высшего образования» [24].

Выражая тревогу за судьбу молодежи, стремящейся получить высшее образование на русском языке, правление Русского академического общества, созданного осенью 1999 года, в своем обращении в связи с недавним заявлением министра образования ЭР Тыниса Лукаса 19 октября 2000 года указывает: линия на сокращение, а в дальнейшем и на ликвидацию в Эстонии высшего образования на русском языке «несовместимо как с европейскими нормами, так и с декларируемой политикой на интеграцию русскоязычного населения в эстонское общество. Интегрировать можно лишь образованных людей, ненящих свой язык и культуру. Меньшая часть населения, лишенная своих корней ассимилируется, а большая – маргинализируется» [25].

3.2. Объект и механизм защиты русскоязычного населения

Поскольку идеологически признается вина русскоязычного населения за проводимую якобы имперскую политику, тем самым формируется основа для дискриминации национального меньшинства в Прибалтике. Касаясь этой проблемы, С. В. Чешко отмечает: «...не только сталинские депортации, но и «мирная русификация» в послевоенные годы не привели к поглощению русским этносом других этнических групп. Если же все-таки утверждать, что политика русификации проводилась, то, значит, она проводилась настолько неумело, что дала ничтожные результаты» [26]. По нашему мнению, такое суждение верно отражает реалии социального процесса. А раз так, то

попытки оправдать русофобию ссылками на большую приверженность части некоренного населения сталинизму, что лишь в некоторой степени соответствует действительности, не выдерживает критики. Это своеобразная и заранее спланированная дымовая завеса, скрывающая подлинные цели политиков. Они же стремились обеспечить резкое снижение удельного веса некоренного населения. Подобная цель определилась еще на раннем этапе национально-освободительного движения, когда вопрос о будущем отделении от СССР еще не ставился лидерами политических движений (в 1987–1988 годах) в практической плоскости или скрывался от широкой международной общественности.

С этой целью все инонациональное население разбито на несколько групп в зависимости от возможности ущемлять их в правах. Условно выделяются четыре группы:

- бывшие военнослужащие и члены их семей, доля которых среди русскоязычного населения сравнительно велика: например, в Эстонии около 15 %;
- лица, оказавшиеся на территории суверенных государств после провозглашения независимости;
- лица, занимавшие руководящие посты в партийно-советском аппарате;
- лица, связанные с деятельностью организаций, противостоявших борьбе прибалтийских народов за отделение от СССР.

Кроме того, подавляющая часть некоренного населения Прибалтики лишается прав на владение приватизированным жильем, на получение высшего образования в государственных вузах на родном языке, на создание организаций, защищающих их интересы, на политическую и профсоюзную деятельность. Но особенно печально возникновение сотен тысяч изгоев, не имеющих законных документов, удостоверяющих их личность. Для оправдания такого ненормального положения изобретена хитрая теория нелегитимного нахождения на территории Прибалтики подавляющей массы лиц некоренного населения. Эксплуатируя нетривиальное по своей форме вхождение в состав СССР прибалтийских республик в условиях фактически уже начавшейся войны в Европе, обосновывается концепция возможностей экономического взлета стран Балтии в случае, если бы они, по мысли ее авторов, входили в восточноевропейскую систему на началах, близких к статусу Финляндии.

Не касаясь существа этой концепции, отметим лишь ее научную несостоятельность, так как идеологи национал-сепаратизма пытаются смоделировать наиболее благоприятную схему своего исторического пути без учета реальных действий противостоящих сил. А если объективно подходить к развитию событий накануне второй мировой войны, то правящие круги Прибалтики, исходя из своих интересов, стремились сделать все возможное, чтобы облегчить подготовку Германии к нападению на СССР. Поэтому вхождение в СССР противоречило долговременным стремлениям местной прибалтийской элиты к союзу с державами, находящимися под контролем Гитлера. Они рассчитывали после разгрома СССР, в чем они нисколько не сомневались, сделать все возможное, чтобы путем потери своей национальной независимости

вместе с рядом других сателлитов участвовать в управлении народами СССР на правах наций господ.

В советскую эпоху прибалтийские страны являлись «витриной» системы. За короткий период времени удалось восстановить экономический и повысить культурный потенциал этих народов. Трудно подвергнуть сомнению тезис о том, что советский ренессанс в Прибалтике был вершиной национального развития за всю многовековую историю. Экономическое чудо в Эстонии в конце 50-х – начале 60-х годов, в Литве в конце 60-х – начале 70-х годов, а в Латвии еще раньше превратили эти страны в сравнительно развитые по европейским понятиям регионы СССР. Конечно, нельзя не учитывать негативных последствий изменения соотношения между коренным и некоренным населением в социально-демографической структуре населения в ходе двух модернизаций народного хозяйства республик. Однако утверждать, что национальная элита никак не разделяет ответственности за принимавшиеся решения, наносившие ущерб экологии, экономической и культурной безопасности Прибалтики, совершенно неправомерно. Партийно-государственная элита – и центральная, и местная – в достаточной степени виновна перед историей и народами своих стран. И закрывать глаза на эти очевидные факты невозможно.

В какой степени русскоязычное население смогло в советскую эпоху воспользоваться предоставленными им возможностями в рамках экономической и социальной продвинутости Прибалтики по сравнению с другими республиками Советского Союза? Хотя в целом с 50-х годов некоренное население жило лучше, чем их собратья в других районах СССР, надо со всей определенностью констатировать заметное отставание основной массы русскоязычного населения от среднестатистического положения коренного прибалтийца в доперестроечную эпоху. Исключение составляли следующие социально-профессиональные группы населения:

- старший офицерский состав военнослужащих ;
- технократическая элита ;
- партийный аппарат звена управления.

Среди названных групп населения наблюдалось явное преобладание представителей некоренного населения. Что же касается творческой, научной интеллигенции, руководящего состава министерств и ведомств, то среди них редко можно было встретить «мигрантов». Таким образом, представление, внедряемое в 80-е годы в массовое сознание, о якобы привилегированном положении русскоязычного населения в Прибалтике является не более чем публицистическим мифом.

Управление экономическими и социальными процессами в прибалтийских республиках находилось под контролем местной номенклатуры. Предприятия союзного подчинения, трудовые коллективы которых формировались в 70-80-е годы главным образом за счет представителей некоренного населения, направлялись общесоюзной номенклатурой. Правда, по уровню обеспеченности современным жильем в городах лидерство удерживали с середины 70-х годов представители русскоязычного населения. В значительной степени это объяснялось их высоким удельным весом на предприятиях

союзной специализации, имеющих развитую собственную социальную инфраструктуру и немалые возможности в выделении средств на жилищное строительство.

Все сказанное подводит к мысли о том, что война с привилегиями и их национальное «прочтение» выполняли вполне конкретную прагматическую задачу – сокрушить центральную номенклатуру и ее наиболее последовательных представителей на местах. В этом плане были по-своему логичны действия властей Прибалтики, направленные против бывших военнослужащих, партократической и технократической элиты некоренного населения. Хотя они, естественно, расходятся с демократическими принципами регулирования взаимоотношений между этническими общностями. Но, сказав «а», надо произнести и «б». В странах Балтии активной поддержкой правящих кругов пользуются ныне те лица и целые группы населения, которые в советскую эпоху находились по ту сторону баррикад, например, военнослужащие вермахта.

«Выбор врага всегда происходит одновременно с выбором союзника, ибо человечество, увы, как правило, объединяется не во имя чего-то, но против» [27].

В таких условиях защищать военнослужащих бывшей Советской Армии, технократов и партократов прошлой системы – значит, по мнению человека толпы, идти против течения. Поэтому голоса совестливых интеллигентов тонут среди всеобщей апатии. Горе чужого народа особых эмоций со стороны молчаливого большинства населения не вызывает. «Нас это не касается» – удобная формула поведения законопослушных.

Однако не только слабость оппозиции среди коренного населения в значительной степени снижает эффект давления на правящие круги прибалтийских государств. Еще большее влияние на конечные политические итоги оказывает разобщенность организаций русскоязычного населения. В зависимости от способов защиты инонационального населения и предпочтений в своих контактах с официальными органами РФ выделяются четыре группы общественных движений – проприбалтийские, пророссийские и прозападные, а также культурно-просветительские. Особое место среди них занимают объединения этнических русских, стоящие на позициях известного дистанцирования от представителей других групп русскоязычного населения.

Несмотря на кажущееся единство интересов между основными движениями, тем не менее выступать как монолитная сила они не в состоянии. Это обусловливается разностью их стремлений на ближайшую перспективу. Существенно отличаются не только подходы к решению внутренних проблем взаимоотношений между национальными группами, но и общие доктрины общественного развития. Все это приводит к тому, что русские партии не оказывают заметного влияния на принимаемые парламентом и правительством Эстонии решения.

Какие же существуют реальные возможности для преодоления тупика в ведущихся на различных уровнях переговорах по защите гражданских прав русскоязычного населения в Прибалтике?

Сразу же оговоримся, что правовые ограничения на получение гражданства имеют только представители русскоязычного населения Эстонии и Латвии. В Литве все иная, проживавшие на территории республики на момент провозглашения незави-

симости, могут стать гражданами нового государства. Что же касается первых двух субъектов международных отношений, то они отстаивают оригинальную трактовку решения проблем инационального населения. В основу всей концепции новой государственности положена идея нелегитимности существования второй (советской) республики (1940-1991). В соответствии с этой логикой выстраиваются все проблемы Эстонии.

Так, применительно к Эстонии основная масса русскоязычного населения рассматривается как незаконные мигранты, поскольку они прибыли на территорию страны, якобы оккупированной СССР. Полностью игнорируется позитивная роль нескольких сот тысяч человек в создании и развитии материального и духовного богатства эстонского общества.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК УСЛОВИЕ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Социальное политическое напряжение во взаимоотношениях между двумя основными национальными общинами Эстонии происходит на фоне глобализации общественного развития. Она вызывает целый ряд социальных противоречий, имеющих как глобальный, так и конкретный региональный характер. Обычно говорят о глобальных угрозах, которые существенно воздействуют на жизнь подавляющего большинства населения планеты, в особенности на население развитых стран. К наиболее значимым угрозам следует отнести:

- экологические угрозы, в особенности в связи с антропогенной деятельностью человека в индустриальную эпоху;
- демографические угрозы, где выделяются процессы сокращения, а в отдельных случаях и прекращения роста населения ряда стран;
- социально-экономические угрозы, обусловленные острой конкуренцией на мировых рынках и углублением противоречий между странами, специализирующихся на производстве ими сырья сельскохозяйственных продуктах и странами – производителями готовых изделий;
- социокультурные угрозы, связанные с воздействием реалий информационного общества и глобализации средств массовой информации, что тормозит воспроизводство национальной культуры и нивелирует потребности различных групп общества;
- социально-психологические угрозы, вызванные нарастающим отчуждением человека от общества и его социальных ценностей.

Не касаясь всего комплекса проблем национальных угроз, остановимся только на некоторых из них.

В массовом сознании населения проблемы вымирания нации всегда воспринимаются особенно остро. Всем хорошо известен феномен резкого снижения прироста населения во второй половине 90-х годов. По данным государственной статистики, в Эстонии ежемесячно в этом году рождается 900 человек, а это означает, что до конца года общее число родившихся составит 10,8 тыс. человек, тогда как число умерших

составит свыше 18 тыс. чел. Для сравнения укажем, что в 1998 году соответствующие данные были 8,8 и 12,8 [28].

В таблице 4 приводятся данные раскрывающие динамику демографического развития Эстонии в период с 1990 по 1999 гг. [29].

Таблица 4. ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОЖДАЕМОСТИ, СМЕРТНОСТИ И ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА ЖИТЕЛЕЙ ЭР (в разрезе национальности)

Год	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост		Динамика естественного прироста	
	эстонцы	неэстонцы	эстонцы	неэстонцы	эстонцы	неэстонцы	эстонцы	неэстонцы
1990	14724	7584	13647	5883	1077	708	1 11	
1995	9867	3693	14117	6755	-4250	-3062	-4.45	
1997	9197	3429	12483	6083	-3286	-2654	-3.46	-5.23
1999	8921	3624	12041	6414	-3120	-2790	-3.32	-5.6

Начиная с 1990 года население Эстонии ежегодно уменьшается в среднем на 8285 человек. По прогнозу Министерства социального обеспечения ЭР, составленному в 1995 году, через 25 лет население страны уменьшится на 225 тыс. человек, или на 15 %. Численность детей до 15 лет снизится в 3 раза. В настоящее время в стране рождается в среднем 1,25 ребенка на женщину. 1 сентября 1998 года в школы пошли 18 500 первоклассников, в 2005 году их число сократится до 12 500 человек. В настоящее время в школах работают 15 500 учителей. В соответствии с демографическими прогнозами к 2007 году их число сократиться на 5000. В ближайшем будущем будут закрываться ежегодно от 8 до 10 школ [30].

В целях преодоления демографического кризиса необходимо проводить гибкую миграционную политику. Поскольку идет стремительный процесс уменьшения удельного веса русскоязычного населения желательно принять меры по нормализации его воспроизводства. Здесь без сдвигов в увеличении квот на въезд из России и других стран СНГ не обойтись. Ведь хорошо известно, что в случае вступления Эстонии в ЕС неизбежно произойдет рост въезда в Эстонию представителей монголоидных и негроидных групп, проживающих в Европе. Для сбалансирования уменьшения доли представителей титульной нации въезд в Эстонию русских, украинцев, белорусов позволит снять возможное напряжение в связи с монголоизацией и негроизацией Эстонии, о чем свидетельствует опыт соседних с Эстонией западноевропейских стран Швеции, Финляндии и других.

Социокультурные угрозы под влиянием глобализации средств массовой информации также становятся реалиями на путях нормального воспроизводства эстонского языка и ценностей эстонской культуры. Уже сейчас можно обратить внимание на то,

что эстонский язык в таком его проявлении как официальный (бюрократический) все более подвергается воздействию английского языка. Можно прямо говорить о том, что формируется официальный англо-эстонский язык. Подобное явление не ново, оно характерно для многих европейских стран. Социальная экология социокультурных процессов ставит вопрос о разумном использовании английского языка в интересах прогрессивного развития нации. Многочисленные программы по реформированию различных сторон жизни эстонского общества могут разрабатываться усилиями эстонских и русских исследователей без примитивного копирования реалий и принципов, отражающих совершенно другие социально-культурные условия.

Что касается социокультурных угроз, они в основном связаны с мощным внедрением в сознание людей ценностей и стандартов поведения массового экономического человека, тогда как требования информационного общества ставят вопрос о формировании индивидуального социального человека. Последний более ориентирован на социальные и культурные ценности национальных государств и традиций различных групп населения Эстонии.

Все сказанное говорит о том, что при условии межнационального согласия демографические, социокультурные и социально-психологические угрозы в значительной степени можно смягчить без ущерба интересов титульной нации.

5. СМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЭСТОНИИ

Для понимания социальных закономерностей развития крайне важно использовать фундаментальные подходы, получившие широкое признание. Одним из таких подходов является воспроизводственный, базирующийся на понимании механизмов изменений в рамках циклов развития социальных отношений и приоритетов содержания целостных ориентаций в массовом повседневном поведении. По нашему мнению, периодичность таких циклов в СССР и постсоветском пространстве укладывается в 12 лет. Именно с такой периодичностью происходят за последние 100 лет существенные изменения в социальных отношениях и в стереотипах поведения россиян и эстонцев. В последние 50-60 лет существенные изменения в социальных отношениях и в стереотипах поведения россиян и эстонцев имели следующие временные границы:

- 1941-1953 гг.
- 1953-1965 гг.
- 1965-1977 гг.
- 1977-1989 гг.
- 1989-2001 гг.

Исходя из приведенных данных, очередной цикл придется на период 2001-2013 годы. Что наиболее характерно для тенденций его развития?

Касаясь критериев социальных сдвигов, А. П. Бутенко и Ю. В. Колесниченко исходят из того, что формируют, поддерживают и видоизменяют менталитет три

основных фактора, или системы причин. Первая – «расово-этнические качества» общности, то есть природные качества самого субъекта: менталитет, численность, возраст, темперамент нации, а также «этническая монолитность» общности. Второй фактор – «естественно-географические условия проживания» общности, степень их суровости и благоприятности. И третий фактор – «причины, корнящиеся в устойчивых результатах многовекового взаимодействия данной общности и условий ее проживания» [31].

Вместе с тем Ален Турен пишет: «Страны, верящие в возможность экономической трансформации при сохранении унаследованных от прошлого форм социальной организации, рискуют оказаться неспособными глубоко проникнуть в постиндустриальное общество. Именно это происходит в Западной Европе, которая экономически достаточно современна, чтобы пойти вслед за американским обществом, но в социальном плане недостаточно современна, чтобы стать автономным очагом развития» [32].

В более конкретном преломлении следует ожидать становление новых экономических и социальных реалий, обусловленных вхождением Эстонии в Европейское сообщество. В силу указанного обстоятельства можно ожидать дальнейшего продвижения Эстонии к развитым формам постиндустриального общества. Правда, воспроизводство его реалий породит новые противоречия, которые потребуют регулирующих мер со стороны ЕС и ЭР. Наряду с подведением под производство товаров современную технологическую базу, увеличением доли представителей среднего класса, прогнозируется рост безработицы, нарастание социокультурных угроз воспроизводства эстонского и русскоязычного населения.

Как и в любой другой программе расчетов предстоящих социальных изменений обычно предлагаются три варианта развития:

- оптимистический;
- реалистический;
- пессимистический.

По нашему мнению, с учетом заинтересованности ведущих европейских стран в умеренном подъеме производительных сил, а также снятию правовых проблем положение русскоязычного населения в Эстонии неизбежно должно произойти сокращение числа лиц без гражданства. Причем, как за счет упрощения процедуры натурализации, так и в связи с ростом удельного веса русскоязычной молодежи, осваивающей эстонский язык.

Ожидается также уменьшение численности граждан России под влиянием естественных демографических процессов. Хотя на относительно короткий период времени возможно увеличение числа российских граждан в связи с введением визового режима для лиц без гражданства.

Что касается воздействия сближения России и Эстонии в экономической области, то здесь многое зависит от позиции РФ, а также темпов преодоления спада производства нашего великого соседа.

В целом при всех сложностях процесса налаживания цивилизованных отношений между двумя национальными общинами сама жизнь станет мощным стимулом преодоления нынешнего отчуждения между двумя группами единого народа эстонского государства. Другого не дано!

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Москва: Международные отношения, 1999. С. 77.
2. Там же. С.77-78.
3. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Москва: Крымский мост, 2000. С. 199.
4. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. Москва: Росспэн, 1996. С. 63.
5. Sores, G. Globaalse kapitalismi kriis. Tallinn: VB, 1999. Lk. 306.
6. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. Москва: Центрполиграф, 2000. С. 565.
7. Клямкин И. Н., Лапкин В. В. русский вопрос в России // Политические исследования. 1995, № 5. С. 92
8. Латвия, Эстония, стратегия поведения русского населения в новой политической ситуации. Миграции и новые политические диаспоры в постсоветских государствах. Москва. 1996. С. 105.
9. Гришаев И. А. Русские в Эстонии. Москва. С. 17.
10. Там же. С. 8, 10, 19.
11. Русская газета. (Тарту), 1994, 21 июля.
12. Миграции и новые политические диаспоры в постсоветских государствах. Москва. 1996. С. 121.
13. Материалы центра по правам человека. Пресс-релиз IV. Национальные меньшинства в Эстонии. Октябрь 1999 г.
14. Русские в новом зарубежье. Итоги этносоциологического исследования в цифрах. Москва: Институт этнологии и антропологии, 1996. С. 79.
15. Доклад «Русские в Эстонии». Москва, 1994. С. 18.
16. Kruusval, J. Usaldus ja usaldamatus rahvussuhetes. Vene küsimus ja eesti valikud. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. Lk. 39.
17. Там же.
18. Савоскул С. С. Русские Балтии: миграция в контексте новых проблем. Русские в новом зарубежье. Москва: ИЭА РАН, 1997. С. 244.
19. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000. С. 51.
20. Васильев В. С. Мировые посвященные ценности и культура России в XX столетии. США, 1994, № 6. С. 19.
21. Уравновесить интересы... Мнение директора института социологии и международных исследований Р. Ветика // Эстония. 22 февраля 2000 г.
22. Там же
23. Хенкин С.М. Галлийский регион в новой системе геополитических координат // Политика. 1998, № 1. С. 151.
24. Интернет.
25. Молодежь Эстонии. 24 октября 2000 г.
26. Чешко С. В. Идеология распада. Москва, 1993. С.142-143.
27. Семенов Ю. Альтернатива (весна 1941). Москва. 1984. С.113.
28. Eesti statistika aastaraamat. Tallinn: ESA, 1999. Lk. 34.
29. Там же.
30. Материалы центра по правам человека. Пресс-релиз IV. Национальные меньшинства в Эстонии. Октябрь 1999 г.
31. Наумова Н. Ф. рецидивизирующая модернизация в России беда. вина или ресурс человечества? Москва: Эдиториал УРСС. 1999. С. 23
32. Турен А. Возвращение человека действующего. Москва: Научный мир, 1998. С. 148.

НАФОЛИЙ БАССЕЛЬ

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТОНСКОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ

Эстонская тематика с давних пор привлекала внимание русских писателей, так или иначе связанных с прибалтийским краем. Богатый материал по этой теме представлен в антологии С. Исакова «Postitõllaga läbi Eestimaa» (1971) и в его же пособии для учащихся старших классов средней школы «Русские писатели и Эстония» (1978, 2-е изд. 1985). Имеющийся опыт рассмотрения эстонской тематики в русской литературе XIX и первой половины XX столетия (до 1940 года) дает, на наш взгляд, основание говорить по крайней мере о трех традициях в этой области, а именно: романтической, неоромантической и традиции восприятия Эстонии «через призму революции», сложившихся, соответственно, в три разные историко-культурные эпохи. Постараемся их хотя бы кратко осветить.

Романтическая традиция.

Самое, пожалуй, первоначальное восприятие было связано с эстетикой русского романтизма первых десятилетий XIX века, для представителей которого была характерна романтизация прибалтийской старины (рыцарские замки и турниры, готическая архитектура городов, суровая балтийская природа и т. п.), да и сама Ливония или Лифляндия (обобщенное название нашего края) виделась писателям неким идеализированным «интерьером» для «разыгрывания» романтической интриги. Наиболее ярко это проявилось в лучшей из «ливонских повестей» А. А. Бестужева-Марлинского «Ревельский турнир» (1824). Характерным примером романтического исторического романа, действие которого разворачивается в Прибалтике, был «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» (1831-32) И. И. Лажечникова.

Примечательно, однако, то, что в подавляющем большинстве случаев в произведениях такого рода собственно эстонский (т. е. связанный с прошлым и настоящим именно эстонского народа, его мифологией, фольклором и языком, особенностями его национальной психологии) аспект почти не просматривался. Исключением может служить, пожалуй, лишь «эстонская повесть» Вильгельма Кюхельбекера «Адо» (1822-23), действие которой происходит в XIII веке в Авинурме (в окрестностях родового поместья Кюхельбекеров) и связано с героической борьбой эстов против немецких рыцарей-завоевателей и с помощью русских в этой борьбе.

Впрочем, отмеченное своеобразие взгляда подавляющего большинства писавших об Эстонии литераторов XIX века (даже если это был взгляд не только «из окна

почтовой кареты») не должно нас особенно удивлять и отнюдь не свидетельствует, как может показаться, об их безразличии к коренным обитателям этой страны. Дело, скорее, в том, что сам Прибалтийский край воспринимался ими прежде всего и преимущественно в своем «прибалтийско-немецком» качестве – как романтизированный осколок средневеково-рыцарской старины, как край суровой и романтической северной природы, как своеобразная «русская заграница» (именно так озаглавил свои путевые заметки 1903 года об Эстонии Д. Н. Мамин-Сибиряк). Посещавшие Эстонию в XIX и начале XX века русские писатели общались здесь, как правило, лишь с представителями местного русского и прибалтийско-немецкого общества (что наложило, например, свой отпечаток на восприятие Ф. М. Достоевским и самого Ревеля 1840-х годов как города, где господствует «немецко-бюргерский» дух).

Неоромантическая традиция.

Вторая традиция относится к первым десятилетиям XX века и связана с восприятием Эстонии русскими поэтами – представителями новых эстетических течений той эпохи (символизма, импрессионизма, эгофутуризма). Так, для В. Брюсова Таллинн начала XX столетия представляется неким «мировым городом» (“Weltstadt”), послужившим прототипом Безвестного Города из поэмы «Замкнутые» (1901), на фоне которого поэт разворачивает свою направленную против современной цивилизации антиутопию, а для А. Блока таллиннские впечатления, отобразившиеся в некоторых его стихотворениях («30 марта 1909, Ревель» и др.) – лишь повод для субъективно-лирических медитаций и антицерковной иронии поэта. Эстонская специфика здесь не видна.

Однако непосредственное обращение к собственно эстонской тематике мы обнаруживаем в стихотворении Иннокентия Анненского «Старые эстонки» (1906 или 1907 года) – в строках, отображающих трагизм революционных событий 1905-1906 годов, когда царские карательные отряды залили кровью Прибалтику, расправляясь с участниками крестьянских волнений.

Особый же интерес для нас представляет эволюция образа Эстонии в творчестве Игоря Северянина. Если в дореволюционные годы Эстония представлялась поэту романтизированной и мифологизированной сказочной страной Скандой, напоминавшей древнюю Скандинавию, то в 1920-30-х годах, когда он обрел здесь «вторую родину», наша республика кажется Северянину скорее островком мира и гармонии среди всеобщего хаоса, «естественной» страной близких к природе трудолюбивых селян [1]:

Но север мне и ближе и родней:
Здесь по ночам мне напевает Сканда.
Люблю ее и счастлив только с ней!
Пусть бьется мир, как некий Громобой, -
Тиха моя тенистая веранда.
О Балтика! О Сканда! Я с тобой!

(«С утесов Эстии» – из сб. «Фея Eiole», 1922)

Конечно, особая эмоциональность поэтического восприятия образа Эстонии И. Северяниным объясняется не только и не столько, может быть, его неоромантическими устремлениями, сколько особенностями его личной и творческой биографии, в которой наша страна сыграла немаловажную роль. Примечательно, что в этом плане Северянин выделяется на фоне подавляющего большинства других русских литераторов Эстонии 1920-30-х годов, в творчестве даже наиболее значительных представителей которых (например, В. Гушика), по наблюдениям С. Исакова, эстонских реалий прослеживается весьма мало [2]. Причины этого – в эмигрантском статусе этих литераторов, в их слабой связанности с «эстонской почвой». Впрочем, как явствует из сведений, полученных тем же С. Исаковым из американских архивов, перу таких русских писателей-эмигрантов из Эстонии, как Ю. Иваск и Б. Нарциссов, принадлежат два примечательных стихотворения, посвященных эстонскому языку и воспевающих его красоту.

Революционная традиция.

Иная линия в разработке эстонской тематики в 1920-30-х годах прослеживается по ту сторону восточной границы. Если, образно говоря, до революции преобладал взгляд на Эстонию «из окна почтовой кареты», то в литературе Советской России тон начинает задавать восприятие «через призму революции». Оставляя здесь в стороне как чрезмерно политизированные и декларативно-тенденциозные освещение эстонской темы у Л. Соболева (очерк «Ленин в Ревеле», 1925), Н. Тихонова (сатирическое стихотворение «Ночь президента», 1927) и А. Луначарского (эссе «Окровавленная Эстония», 1925, напечатано также как предисловие к сборнику «Эстонские рассказы». Москва-Ленинград, 1927), обратим внимание на повесть Вячеслава Шишкова «Пейпус-озеро» (1926), посвященную трагедии белой Северо-Западной армии Юденича, действие которой разворачивается осенью и зимой 1919 года в юго-восточной Эстонии. Идейный замысел писателя связан со стремлением показать внутренний кризис и моральное разложение в стане белогвардейцев (после неудачного наступления на Петроград и вынужденного отхода на территорию Эстонии), и заодно и осудить бесчеловечное отношение эстонских властей к ним.

Однако, повесть Шишкова все же не сводится к черно-белой схеме противостояния «красных» и «белых», русских и эстонцев. Здесь на переднем плане оказывается невымысленный трагизм судьбы Николая Реброва и других рядовых белогвардейцев, оказавшихся жертвами неблагоприятного стечения исторических обстоятельств. Да и сами эстонцы, их отношение к русским солдатам и офицерам показаны дифференцированно: контрастом кровавому кошмару гражданской войны, всеобщему насилию и кровопролитию оказывается хоть и непродолжительная, но чистая и светлая любовь к раненному русскому юноше Реброву эстонской сестры милосердия Марии, доброе, человеческое отношение к нему и других простых эстонских грузеников. Тема трагической судьбы бывших «северо-западников» в Эстонии 1920-30-х годов нашла отображение и в повести Николая Чуковского «Ранней ранью» (опубликовано посмертно в 1968 году), где главной героиней оказывается дочь эмигрантов Муратовых Ксения (Сана), выросшая в Эстонии в бедности и нужде, духовно сроднившаяся с эстонским

трудовым людом и полюбившая соседского парня Арви (который, в соответствии с господствовавшими в советской литературе канонами, совместно с Саной становится классово сознательным участником июньского переворота 1940 года).

Из довоенного периода – если иметь в виду «таллиннский» фрагмент повести Николая Тихонова «Гибель эпопей», основанной на личных впечатлениях писателя от посещения нашего города в 1937 году, – берет начало и традиция, связанная с поэтизацией неповторимого облика Старого Таллинна, его старинной готической архитектуры в русской советской литературе. Правда, писателю и здесь не удалось избежать идеологической предвзятости, выражающейся в сатирическом изображении господствовавших в довоенной Эстонской Республике порядков.

Особую главу в русской советской «Эстониане» составляют произведения, связанные с героической обороной Таллинна летом 1941 года от немецко-фашистских захватчиков («Дневники военных лет 1941-1942» Вс. Вишневского, «Таллиннский дневник» (1956) Н. Михайловского, стихотворения А. Ойслендера, А. Тарасенкова, Вс. Азарова, Н. Брауна, Ю. Инге, М. Гейзеля, А. Лебедева, В. Скрылева и др.).

Образ Эстонии, шире – эстонская тема, претерпевает заметную эволюцию в творчестве русских писателей нашей республики во второй половине XX века. Точнее говоря, художественная призма, через которую эта тема преломляется в их произведениях, становится многограннее. Правда, следует сразу оговориться, что отображается она далеко не у всех из их числа – ведь известно, что из писателей, образовавших русскую секцию Союза писателей ЭССР в послевоенное время, значительную часть составляли бывшие армейские и флотские литераторы, по крайней мере поначалу еще весьма слабо связанные с эстонской действительностью.

С одной стороны, вполне понятным было стремление поселившихся здесь после войны русских литераторов – не только армейского и флотского «происхождения», но и пришедших в художественную литературу из журналистики, – ориентироваться не столько на одну лишь местную, сколько на большую всесоюзную аудиторию, а для бывших фронтовиков – прежде всего отображать опыт минувшей войны. Примерами этого могут служить дилогия Г. Скульского и Л. Зайцева «В далекой гавани» (1952) и «Белые скалы» (1958), изображавшая жизнь моряков Тихоокеанского флота в послевоенные годы, да и ряд более поздних по времени выхода книг, как роман Л. Зайцева «Ханчула» (1983) – о жизни тружеников дальневосточного колхоза в годы Отечественной войны, две книги автобиографической трилогии Г. Геродника «Моя фронтовая лыжня» (1983) и «С микрофоном и автоматом» (1989), рассказывающая о военной судьбе самого писателя, «Отступление к победе» (1968) и другие повести Г. Васильева. Общесоюзными по своей тематике были многие документально-очерковые книги В. Рушкиса – «О тех, кто зажигает звезды» (1964), «Высокий счет» (1973), «Радуга в каньоне» (1986) и др. И, надо признать, «всесоюзная» судьба этих книг складывалась порою весьма даже благоприятно, притом, никому не приходило в

голову упрекать авторов за то, что они-де не отражают местных, эстонских реалий в этих своих произведениях...

Однако, с другой стороны, искусственное привнесение в книгу отдельных поверхностно понимаемых элементов эстонской «национальной специфики» русским литератором, к тому же лишь несколько лет проработавшим журналистом в Эстонии (как, например, в романе Ф. Эйнбаума «В курортном городе» (1951) или в пьесе того же автора «Утро наших лет», написанной совместно с Г. Леберехтом), либо же наделение эстонскими именами и фамилиями героев романа, скроенного по конъюнктурно-шаблонной «социалистической» схеме («Московское время», I-III, 1952-59, И. Курчавова) тоже не спасало положения – подобные произведения способны были лишь дискредитировать «эстонскую тематику» в русской литературе нашей республики.

С течением времени ситуация меняется. Взгляд на Эстонию проживающих здесь русских литераторов начинает все заметнее отличаться от восприятия нашей республики посещающими ее представителями «большой» русской литературы. Если, например, М. Шагинян в своих темпераментных публицистических очерках об эстонском сланцевом бассейне («Дневник писателя», 1953) даже по признанию тогдашней литературной критики [3] не смогла разобраться в сложных проблемах народного хозяйства нашей республики, то, скажем, В. Рушкис своей документально-публицистической книгой о строителях Прибалтийской ГЭС («Повесть о подвиге», 1962) снискал заслуженное признание – и компетентность суждений, и жизненность изображаемых людских характеров. Если К. Паустовский в своем путевом очерке о посещении Эстонии – «Ветер скорости (Из путевого дневника)», 1954, – воспринимает и эстонский ландшафт, и архитектуру Старого Таллина, да и жителей нашей республики через призму «балтийской экзотики» (словно следуя традиции тех русских писателей XIX века, что глядели на Эстляндию «Из окна почтовой кареты»), то местные русские литераторы все чаще обращаются к повседневной жизненной реальности послевоенной Эстонии.

Так, Г. Скульский в своей пьесе «Испытание Пезтера Сеппа» (1956) рассматривает нравственные проблемы профессиональной деятельности эстонских врачей, а в сборниках его рассказов («Рядом с Русалкой», 1962; «Иностранка и другие повести и рассказы», 1967; «Как жил бы ты?», 1979 и др.) мы находим наряду с русскими и эстонских персонажей, чьи драматические судьбы и этические коллизии оказываются в фокусе внимания писателя. Если В. Аксенов в своих широко известных «молодежных» романах 60-х годов («Звездный билет», 1961; «Пора мой друг, пора», 1964) одним из первых в русской советской литературе создал образ Эстонии как «нашей внутренней заграницы», то поселившийся с 1976 года в Пярну выдающийся русский поэт Давид Самойлов (для которого Эстония стала местом «внутренней эмиграции») в своих сборниках стихов «эстонского периода» («Улица Тооминга», 1981; «Голоса за холмами», 1985; «Бездонные мгновения», 1990 (совместно с Я. Кроссом и др.) ощущает себя отнюдь не «дачником» в здешних краях, свидетельством чего являются его историческая поэма «Ганнибал в Пярну», цикл лирических стихов о пярнуском побережье, стихотворные посвящения его эстонским друзьям (Я. Кроссу и Э. Нийт) и т. д.

Однако мы бы погрешили против истины, если ограничились бы уровнем одной лишь констатации самих фактов обращения русских литераторов Эстонии к эстонской тематике – ведь важно не только что, но и как интерпретируется ими этот тематический пласт, насколько глубоким и взвешенным является их проникновение в эстонский материал. Особенно это касается таких болезненных тем недавнего прошлого, как послевоенная борьба «лесных братьев» или эмиграция на Запад в 1944 году и дальнейшая судьба эстонских эмигрантов, к которым эстонцы весьма чувствительны. Как правило, русские писатели Советской Эстонии предпочитали их почти не затрагивать и, если, скажем, Г. Скульский или В. Рушкис вводили в свои книги эстонских персонажей, то ограничивались при этом рассмотрением морально-этических проблем, общих для всего тогдашнего советского общества. Говоря же о подходе известного и уважаемого нами писателя-публициста И. Папуловского (в сборниках «Привидения и другие невыдуманные истории», 1977; «Двое с нашей стороны», 1981; «А жизнь одна...», 1988) к сложным аспектам недавней эстонской истории – как тема «лесных братьев» или судьба эстонской эмиграции – нельзя не отметить односторонность писательского взгляда и оценки, выдержанные в духе ортодоксальной советской идеологии, притом даже в последнем сборнике, вышедшем в годы «перестройки» – без учета новых подходов к противоречивым явлениям недавнего прошлого, уже тогда проявившимся в общесоюзной литературе.

Новые аспекты, краски и акценты привнесли в освещение эстонской темы восстановление независимости Эстонской Республики и 1990-годы. были опубликованы на родине созданные Сергеем Довлатовым в эмиграции произведения, в т. ч. повесть «Компромисс» (1981) и автобиографические книги «Наши» (1983) и «Ремесло» (1985), отображающие и недолгий «эстонский» период в жизни писателя (1974-76). Особенно заслуживает внимания повесть в новеллах «Компромисс», сатирически изображающая эпизоды журналистской работы Довлатова в редакции газеты «Советская Эстония» и быт и нравы тогдашней редакционной жизни (что под пером талантливого прозаика превращается в сатиру на советскую печать вообще). Господствовавшие в ней в «годы застоя» показуха, «подгонка», а нередко и извращение фактов в угоду номенклатурным «указаниям сверху», очковитительство, дух «казенного оптимизма» и т. п. явления остроумно раскрываются в каждом из 12-ти «компромиссов», составляющих эту книгу. Небезынтересно отметить, что эпизод «подмены знатного покойника», легший в основу 11-ой главы книги, послужил также материалом для сатирической новеллы «Võõras vdi dige mees» (1977) известного эстонского писателя П. Куусберга, причем, оба писателя обратились к одному и тому же гротескному факту эстонской жизни 70-х годов независимо друг от друга и интерпретировали его в сходном сатирическом ключе.

Сатирически-гротескный угол зрения характерен и для двух «эстонских» по тематике новелл Михаила Веллера, вошедших в его сборник «Легенды Невского проспекта-2» (1999). Если до тех пор Эстония лишь однажды, да и то эпизодически «промелькнула» в творчестве этого живущего в Таллине известного русского новеллиста (в одной из глав романа «Приключения майора Звягина» (1991) в качестве

«острова любви» для двух молодых влюбленных, притом – в традиционном духе восхищения «таллиннской экзотикой»), то во втором сборнике «Легенд Невского проспекта» писателем обыгрываются две, в недавнем прошлом громко прошумевшие скандальные истории из жизни эстонской интеллигенции – дело о «порнографиях», в котором были замешаны известные эстонские артисты (новелла «Режиссер в эротике»), и история убийства из ревности знаменитым эстонским теннисистом Т. Лейусом собственной жены (новелла «Фуга с теннисистом»).

Веллера не столько интересует сама детективная интрига обеих этих историй, сколько возможность сатирически обыграть господствовавшие в нашем недавнем житье-бытье негативные явления вроде всеобщей подозрительности, предвзятого отношения к «тлетворным» влияниям западной культуры, стукачества и т.п. Конкретная «узнаваемость» реальных прототипов этих историй (как и «героев» долатовского «Компромисса»), из которых многие – до сих пор у всех «на виду», причем автор и не скрывает их реальных имен и фамилий, делает эти новеллы тем более интересными для читателя. А в начале первой из этих новелл М. Веллер позволяет себе и «глубокомысленные» рассуждения об эстонском национальном характере, в которых нетрудно уловить остроумное пародирование одной из излюбленных ныне публицистами расхожих тем, хоть и порожденных реалиями эстонской жизни 90-х годов, но ... слишком уж навязших в зубах. Ироническое пародирование модной ныне темы «интеграция русских в эстонское общество» мы находим в сатирических миниатюрах молодого писателя Дм. Красавина, составивших его дебютный сборник «Василиада» (1999).

Было бы, наверно, удивительно, если бы переломные события конца 1980-х и начала 1990-х годов, приведшие к восстановлению независимости Эстонии и повлекшие за собой коренные изменения в самом положении русского и русскоговорящего населения республики, не отобразились в творчестве ее русских литераторов.

Первым (и пока единственным) романом на эту тему является «Роман с голубоглазой Эстонией» (1999) Валерия Рощенко. Автор, капитан дальнего плавания по профессии, окончивший в 1973 году в Москве Литературный институт им. М. Горького и с тех пор обретший в Эстонии «вторую родину», создал этот роман, опираясь во многом на автобиографический материал и собственные наблюдения над происходившими в нашей республике процессами. Интересно отметить, что сложная проблематика межнациональных отношений в Эстонии преломляется у него, как и в романах ряда эстонских писательниц («Я любила русского» (1993) М. Берг; «Свобода и любовь» (1994) Р. Куду; «Красота истории» (1991) В. Луик и др.) через призму *love story* двух людей разных национальностей – бывшего советского военного моряка Бориса Перепелкина и эстонской женщины Вийви.

Изображаемая писателем трудная судьба героя-повествователя, как и сложная история его взаимоотношений с любимой женщиной-эстонкой, далеки от идиллии. В самом деле, сиротское детство Бориса, воспитывавшегося в чужой семье, затем откавшейся от него, увольнение из флота по причине «политической неблагонадеж-

ности», поиски работы в Таллинне, когда герою, из-за отсутствия гражданской специальности приходилось браться за самые «непрестижные» профессии и из-за неимения собственного жилья «кантоваться» по рабочим общежитиям – все это передано в романе почти с очерковой достоверностью. Психологически убедительным представляется и изображение того, как этому *self-made-man*’у удалось в конце концов преломить судьбу и стать профессиональным журналистом, обретя одновременно и семейное счастье с Вийви.

Оставляя в стороне такие, видимо, неизбежные огрехи дебютного романа, как композиционная рыхлость и растянутость повествования, перегруженность сюжета чисто очерковыми зарисовками труда железнодорожных строителей и быта рабочей «общаги», сосредоточим внимание на том, как здесь преломляется эстонская тематика.

Первый вопрос возникает уже в связи с самим заглавием романа – ведь «голубоглазая» переводится на эстонский язык как *“sinisilmne”*, что является по-эстонски образным обозначением ... наивности и простодушия. И зачем, спрашивается, надо было писателю наделять своих героев-эстонцев «знаковыми» именами таких известных в Эстонии деятелей культуры, как Юхан Пеэгель, Вийви Луйк и т. п., вызывающими неоправданные аллюзии с их знаменитыми «прототипами»? Что же касается изображения деятелей из русской среды, то в редакции газеты «Труженик моря» без особого труда узнается редакция «Моряка Эстонии», а в образах ее сотрудников – многие известные до сих пор таллиннские русские журналисты. Не говоря уже о том, что в образе «интердвиженца» Левы Кагановича разве что ленивый не узнает Евгения Когана. Не переборщил ли писатель по части «прототипичности»?

Однако гораздо более существенным изъяном романа следует признать то, что внезапное превращение главного героя, в начале повествования весьма типичного советского офицера-подводника, в «диссидентствующего» поборника эстонской независимости ничем, по сути, не мотивировано. Не считать же причинами этого поначалу «курортный» роман в Вызу с эстонской девушкой или полуанекдотический конфликт с флотским начальством на офицерских сборах?! Возражения у части читателей не может не вызвать, очевидно, и преобладающий у В. Рощенко «негатив» в изображении русской рабочей среды (при том, что отдельные ее представители показаны весьма даже симпатично).

Писателю явно не хватило последовательности в развитии образа Вийви, особенно в последних главах, где этот привлекательный женский образ вдруг обретает черты эгоистической и расчетливой мещанки, заинтересованной в Борисе лишь в плане материальной выгоды...

Тем не менее заслуживает признания стремление В. Рощенко с «русской» точки зрения осмыслить и понять суть происшедших с Эстонией изменений, выразить в романе свою любовь к «голубоглазой» Эстонии и свое восприятие эстонского национального менталитета. А это уже само по себе немало.

Отметим в заключение еще пару аспектов эстонской тематики, затрагиваемых в книгах последнего десятилетия, выпущенных русскими литераторами Эстонии.

Во-первых, это воспоминания о жизни русской диаспоры в довоенной Эстонской Республике, отобразившиеся в мемуарных книгах («Люди моей жизни», 1997. Т. Милютиной и др.). Во-вторых, возрождение интереса к исторической «эстляндской» тематике в ее связях с русской культурой в книгах литературно-краеведческого плана («Эстляндские были», 1998, Ю. Шумакова и В. Илляшевича; «Эстонская Пушкиниана», 1999, М. Гайнуллина и В. Бобылевой).

Все вышесказанное свидетельствует о том, насколько многоаспектным становится «образ Эстонии» в творчестве русских литераторов нашей республики, выходя за рамки одной лишь художественной беллетристики и находя отображения в разных жанровых формах, стилевых манерах и под различным углом зрения. В то же время, признаем честно, достигнутый уровень еще явно недостаточен – как в количественном, так и в качественном отношении (особенно это касается поэзии, современной по тематике новеллистики и романного жанра). Тем не менее уже имеющийся опыт художественного осмысления русскими литераторами эстонской тематики может рассматриваться и как весьма показательный в социологическом плане «барометр» отношения русских к Эстонии и к эстонскому народу.

Литература

1. См. Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918-1940). Историко-культурные очерки. Тарту: Коплу, 1996. С. 204-205.
2. Там же, с. 247.
3. См.: Лившиц М. Дневник М. Шагинян // Новый мир, 1954. № 2. С. 206-231.

НАФТОЛИЙ БАССЕЛЬ

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ

Актуальность данной проблемы определяется отнюдь не злободневными соображениями складывающейся на том или ином этапе общественно-политической ситуации в Эстонии. Мы исходим прежде всего из постулата о непреходящей гуманистической и эстетической ценности русской литературы, давно вышедшей за пределы национально-языковых рамок и приобретшей всемирное значение.

С другой стороны, в контексте эстонско-русских культурных взаимосвязей, история которых уходит в глубину веков, междисциплинарным связям двух народов принадлежит особенная роль. Как отмечал классик эстонской литературы Г. Суйтс еще в 1937 году, «одним из положительных последствий навязывания чужого государственного (русского – Н. Б.) языка являлось ... приближение к истокам русской литературы, приобщение к сокровищам русской классики...» [1]. А в своих ответах на анкету журнала «Лооминг» в 1934 году, заметив с сожалением, что «большая часть эстонской учащейся молодежи в течение пятнадцати лет доведена до нулевого знания русского языка и литературы», Г. Суйтс приходит к такому заключению: «Со сведением значения русских мастеров слова к нулю могут согласиться лишь предводители идиотов, но не настоящие стражи культуры» [2].

Вопрос о роли и месте русской литературы в культурной жизни Эстонии до 1940 года достаточно подробно рассмотрен в работах С. Г. Исакова [3; 4], а о ее роли и месте в жизни Советской Эстонии с 1940 по 1970 год – в монографии автора этой статьи [5]. Здесь мы намерены сосредоточить внимание на том, какую роль и место русская литература занимает на современном этапе развития Эстонии – сопоставительно с предшествующим (оперируя обобщенными итогами последнего), какие изменения в этом плане имеют место и каковы перспективы на ближайшее обозримое будущее. Основными аспектами нашего рассмотрения будут следующие:

- положение с переводами русской литературы на эстонский язык;
- картина восприятия русской литературы в Эстонии;
- деятельность и творчество русских литераторов Эстонии;
- русская литература в школьном образовании Эстонии.

Для удобства рассмотрения первые три аспекта будут в начале освещены по итогам советского периода, а затем – по состоянию, сложившемуся к концу 1990-х годов, уже в условиях восстановленной независимости Эстонской Республики; «школьный» аспект темы будет рассмотрен в совокупном контексте обоих периодов.

1. В годы советской власти в Эстонии русская литература длительное время доминировала в общем объеме переводной (на эстонский язык) литературы. Об этом красноречиво свидетельствуют соотношения количества переводных книг из русской литературы, литератур других народов бывшего СССР и литератур зарубежных стран.

Так, по данным справочников о переводной литературе в Эстонии, за период с 1940 по 1975 год эти пропорции выглядели следующим образом: 1210:369:1220; 1976-1980 годы – соответственно 196:124:224; а в первой половине 1980-х годов – 188:112:272 [6]. В общем же за весь «доперестроечный» период на эстонском языке увидели свет около 1600 наименований книг русских писателей, которые вместе с около 600 наименованиями, представлявшими литературы других народов бывшего СССР, примерно на четверть превышали соответствующие показатели переводов книг зарубежных писателей (последних было суммарно 1676 названий). Т. е. номенклатурно предписанные «сверху» пропорции обеспечивали явное преобладание на книжном рынке переводной литературы произведений русских писателей и писателей других советских народов, хотя, справедливости ради, отметим и некоторое возрастание с середины 1970-х годов числа (и ассортимента) переводов из зарубежных литератур.

Подобное (и достаточно жесткое) директивное нормирование пропорций переводной литературы не могло не влиять отрицательно на качественную сторону дела, поскольку эстетический критерий оказывался «потесненным» соображениями внелитературного характера. Что же касается содержательных критериев отбора литературы для перевода, то общеизвестно, что предпочтение оказывалось идеологически актуальной и «приемлемой» литературе, сериям книг лауреатов Сталинской, Ленинской и Государственной премий СССР, в вопросе же о зарубежной литературной продукции республиканским издательствам рекомендовалось ориентироваться на опыт и пример центральных союзных издательств (хотя Эстония иногда и выходила за эти «предписанные» рамки – например, в изданиях «Библиотеки “Лооминга”»).

Переводы из русской литературы, публиковавшиеся на страницах эстонской периодической печати, насчитывали десятки тысяч наименований. Хотя, естественно, эстонский читатель и предпочитал знакомиться с русской литературой в переводах на родной язык, нельзя сбрасывать со счета и то обстоятельство, что школьное обучение русскому языку и литературе давало возможности познакомиться с произведениями русских писателей в оригинале (особенно это касается студентов гуманитарных специальностей и представителей творческой интеллигенции).

Хотя качество художественного перевода с русского языка на эстонский и оставляло в первое послевоенное десятилетие желать лучшего (когда в погоне за количеством переведенных книг приходилось жертвовать качеством), начиная с 1960-х годов искусство перевода неуклонно совершенствуется и возрастает (примером чего служат высокохудожественные переводы Б. Альвер, А. Санга, О. Самма, А. Сийга, М. Варик и др.).

На эстонском языке практически был издан весь корпус т. н. «школьной классики», выходило множество переизданий русской классической литературы, опубликовано было четыре собрания сочинений (Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, А. Н. Толстого), основное из литературы послевоенных десятилетий и большая часть советской классики 20-30-х годов. Можно без преувеличения сказать, что никогда ранее русская литература не была представлена на эстонском языке столь обширно, разнообразно и, добавим, многотиражно.

Разумеется, абсурдным было бы огульно отрицать то положительное, что несло с собой приобщение эстонского читателя к гуманистическим и эстетическим ценностям русской литературы. Но в то же время нельзя не признать, что и в этой сфере имели место командно-административный прессинг, строгое нормирование «сверху», нередко погоня за количеством в ущерб качеству, что порою вызывало и «эффект отторжения» (например, отношение к «школьным» Горькому и Маяковскому или к серии книг сталинских лауреатов). Достойны сожаления и возникавшие в отношении переводов из зарубежных литератур диспропорции.

2. Остановимся далее, хотя бы вкратце, на восприятии русской литературы в Эстонии. Что касается рецепции русской классики, то в 1940-50-х годах в этой сфере было немало декларативного – возьмем хотя бы многочисленные «юбилейные» высказывания, да и стихи эстонских писателей, посвященные корифеям русской литературы (особенно обильными они были в связи с отмечавшимися тогда всесоюзно юбилеями Гоголя, Горького и др.).

Картина существенно меняется в 60-80-х годах: глубже и содержательнее становятся высказывания эстонских писателей, трезвее – самоанализ, интимнее и прочувствованнее – связь с тем или иным русским классиком. В качестве примеров можно привести лекцию А. Хинта о Таммсааре и Достоевском [7], эссе Л. Промет о Л. Н. Толстом «Хризантемы для Вашего сиятельства» [8], суждения В. Адамса о Лермонтове и других русских классиках в его книге «Русская литература – моя любовь» [9] и др.

Если в отношении к советской литературе и ее представителям в послевоенное десятилетие также нередко преобладали декларативные высказывания, то в последующем положение начинает меняться. Последствиями «оттепели» стали в эстонской литературной жизни, помимо прочего, и примеры того, как все более начинает цениться нешаблонное, даже расходящееся с официально «общепризнанными», в наследии классиков русской литературы (например, составленный В. Беззубовым сборник М. Горького «Письма к коллегам» (Таллинн, 1968) и критическое эссе О. Йыги о нем [10], переводы А. Сийга дореволюционных и «любовных» поэм В. Маяковского [11], повышенный интерес эстонских поэтов-переводчиков к «интимному» Есенину и т. п.). С другой стороны, весьма симптоматично восприятие «по сходству интересов» близкого творческого опыта тех или иных современных русских, да и других советских писателей (например, Юло Тууликом – опыта современной русской и белорусской военной прозы [12]). Можно обнаружить и реминисценции, образные аналогии, твор-

ческие «переключки»: с Ю. Трифоновым и А. Солженицыным – в «Маленьких романах» Э. Ветемаа, с М. Булгаковым – в отдельных произведениях Т. Калласа и В. Латтика, с Ч. Айтмазовым – в романе М. Траата «Сон-травя – лекарство от печали». Все это позволяет говорить о тенденциях возрастания в рецепции русской литературы как раз нешаблонного, расходящегося с официозным отношением, с другой стороны – о том, что сами формы восприятия русского литературного опыта становятся тоньше, глубиннее, диалектичнее.

3. Важный компонент рассматриваемой темы – это деятельность и творчество проживающих в Эстонии русских литераторов. Русская секция, существовавшая при СП Эстонии, объединяла в своих рядах (к концу 80-х годов) около двух десятков авторов. «Рекрутировалась» эта секция из числа:

- 1) бывших армейских и флотских военнослужащих-литераторов (Г. Скульский, Л. Зайцев, Г. Геродник, Б. Штейн и др.),
- 2) газетчиков-публицистов и очеркистов (В. Рушкис, Т. Томберг, И. Папуловский),
- 3) профессиональных переводчиков эстонской литературы на русский язык (А. Соколов, Ю. Шумаков, О. Наэль-Руднева, Е. Позднякова, Г. Муравин),
- 4) университетских и академических литературоведов (Ю. Лотман, С. Исаков, В. Беззубов, Н. Бассель, а также философ и эстетик Л. Столович) и, наконец,
- 5) профессиональных прозаиков и поэтов, получивших филологическое или литературное образование (Р. Титов, Т. Зрянина, С. Семененко, Е. Скульская, М. Веллер).

В послевоенные годы (1948-1959) вышло 10 номеров литературно-художественного альманаха «Эстония» (№ 10 – «Литературная Эстония»), печатавшего как произведения местных русских авторов, так и переводы из эстонских литературы. В 1976 и 1978 годах вышло два литературно-художественных сборника «Таллинские тетради», составленных по сходному принципу, но на более высоком, современном уровне, с привлечением московских и питерских литераторов и с гораздо более требовательным отбором текстов – как оригинальных, так и переводных.

С 1978 года начал выходить литературно-художественный и общественно-политический журнал СП и Министерства культуры Эстонии «Таллинн», роль которого, особенно в популяризации эстонской литературы за пределами республики, трудно переоценить. В сложных условиях конца 80-х и начала 90-х годов журнал этот, избегая крайностных позиций, сумел сохранить трезвость анализа, взвешенность оценок и выдержанность тона в подходе даже к наиболее «горячим» проблемам этого переходного времени. Этому в немалой степени способствовало привлечение в качестве авторов публицистического раздела журнала таких авторитетных ученых и специалистов республики, как М. Бронштейн, К. Халлик, Ю. Силласте и другие.

В связи с трудностями, вызванными переходом к свободной рыночной экономике, выпуск этого журнала прервался с 1991 по 1995 год. Возрожденный и обновленный

«Таллинн» (главный редактор Н. Мельц-Абашина) продолжает знакомить читателей как с переводами эстонской литературы, так и с новинками русской литературы – не только «местных» авторов, но и российских и «дальнего» русского зарубежья.

С 1986 года выходит и другой русский литературно-художественный журнал – «Радуга» – как параллельное издание эстонского «Викеркаар» (их выпускает общая редакция). Созданный как переводный вариант эстонского «собрата», со временем он увеличивает удельный вес ориентированных именно на русских читателей материалов: например, цикл статей об истории эстонской поэзии, цикл материалов о творчестве русских поэтов Эстонии 1920-1930 годов, и т. п. Ориентированный преимущественно на интеллигентную русскоязычную молодежь, этот журнал отличается от «Таллинна» и по направленности, и по структуре, и даже по своей стилистике.

Если попытаться хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать творчество русских писателей Эстонии советского периода, то необходимо отметить следующее. По-своему понятным было стремление писателей «армейско-флотского» или «газетно-очеркистского» происхождения ориентироваться в своем творчестве не столько на местную, сколько на большую общесоюзную аудиторию.

Примерами этого могут служить Г. Скульский и Л. Зайцев (написанные ими в соавторстве романы «В далекой гавани» (1952) и «Белые скалы» (1958) – о послевоенной флотской жизни), Г. Геродник (автобиографическая военная дилогия «Моя фронтовая лыжня», 1983, и «С микрофоном и автоматом», 1989), В. Рушкис (документально-очерковые книги о «великих стройках» типа Саяно-Шушенской ГЭС и т.п.), Г. Васильев и другие. И, надо признать, «всесоюзная» судьба таких книг складывалась порою весьма благоприятно для их создателей. Однако такая литература (за редкими исключениями) оказывалась весьма слабо связанной с национальной спецификой Эстонии и ее культурой.

Ситуация в русской литературе Эстонии начинает меняться в лучшую сторону с 1960-х годов, когда в круг ее авторов вливаются литераторы более молодого поколения, получившие литературное или филологическое образование и более открытые новаторским исканиям современной литературы.

Повышается уровень творчества, усиливается интерес к жизни и культуре Эстонии, возрастает роль местных русских стихотворцев (С. Семененко, Б. Штейна и других) в переводе эстонской поэзии на русский язык. Интенсивнее разрабатывается эстонская тематика в документалистике и очеркистике (В. Рушкис, И. Папуловский, М. Рогинский), появляется художественная маринистика в прозе (Р. Титов), развивается интимная лирика (Е. Скульская, М. Тервонен), ироническая и гротескная проза малых форм (М. Веллер, И. Голошапова).

Особенно хотелось бы отметить «эстонскую главу» в творчестве поселившегося с 1976 года в Пярну и прожившего в Эстонии до самой смерти в 1990 году Давида Самойлова (1920-1990). Эстония оказалась в 70-80-х годах местом своеобразной «внутренней эмиграции» не только для Д. Самойлова, но и для молодых в ту пору питерских

литераторов С. Довлатова (1941-1990) и М. Веллера (род. 1948), причем для последнего наша республика оказалась и своеобразной «стартовой площадкой» для вхождения в большую русскую литературу (здесь он сумел выпустить в свет первые книги своих рассказов – «Хочу быть дворником», 1983; «Разбиватель сердец», 1988, и другие).

Важную роль в развитии русской культуры в самом широком международном масштабе сыграла сформировавшаяся на базе кафедры русской литературы Тартуского университета в 1960-1980-х годах научная школа семиотики и структурализма под руководством профессора Юрия Лотмана (1922-1993), завоевавшая поистине всемирное признание (и, добавим, оказавшая влияние и на эстонскую науку и культуру). Нет сомнения, что именно такие явления, как поэзия Д. Самойлова, литературоведческие и культурологические труды Ю. Лотмана, новеллистика М. Веллера, приобретшие очень широкий резонанс, могут свидетельствовать о том, что русская литература (шире – культура) в Эстонии отнюдь не обречена, так сказать «фатально», лишь на роль «провинциального приложения» к большой русской литературе.

4. Говоря о положении русской литературы в сегодняшней Эстонии, необходимо иметь в виду целый ряд факторов. Во-первых, с восстановлением независимости Эстонской Республики неизбежно происходит заметная переориентация всей эстонской культурной жизни «на Запад», что влечет за собой и существенные изменения в структуре восприятия и предпочтений переводной литературы: уменьшилась доля русской в ней и, соответственно, увеличился удельный вес западных литератур (англо- и немецкоязычных писателей, финских, скандинавских и других западных авторов). Значительно уменьшились возможности получения в Эстонии российской литературной периодики, особенно «толстых» журналов. Далее, пересгала существовать русская редакция издательства «Ээсти раамат», но возник целый ряд частных русских издательств («Александра», КПД, «Авенариус», «Ингри», эстонский центр «Русской энциклопедии» и др.).

Переход к свободной рыночной экономике и отмена цензурных ограничений необычайно расширили рынок книжной продукции (в том числе и русскоязычный, питающийся, правда, в основном привозной из Российской Федерации продукцией). что, с одной стороны, повлекло заполнение книжных прилавков буквально «разливаным морем» развлекательного «коммерческого» чтения, но, с другой стороны, – создало и несравнимые с предшествующим периодом возможности для приобщения наших читателей к богатствам русской и мировой классической и современной литературы (не ограничиваемой теперь цензурными запретами), отечественной и зарубежной философии, исторической мемуаристики и многого другого.

Как же обстоит в этом свете дело с переводом русской литературы на эстонский язык? Удельный ее вес в общем (весьма широком) потоке переводной литературы резко уменьшился (что общественно-политическими обстоятельствами объяснимо, но, увы, не оправдано): в рейтинге переводимых на эстонский язык зарубежных литератур русские книги занимают теперь место во второй половине «толбца». Предпочте-

ние отдается: *а*) переводам из русской классики (Л. Толстой, И. Тургенев, Ф. Достоевский, И. Бунин, М. Булгаков и т. п. – особенно достойны быть отмеченными книги из классической серии издательства «Эуропейя»), *б*) произведениям, условно говоря, «разоблачительного» характера (книги Э. Радзинского о Сталине, М. Рубина о Берии, В. Суворова о второй мировой войне и др.), *в*) отдельным произведениям ранее запрещенной и «возвращенной» литературы (А. Солженицын, С. Довлатов и т. п.). Творчество современных русских писателей переводится крайне мало (приятным исключением являются «Легенды Невского проспекта» проживающего в Таллинне М. Веллера).

Рецепция русской литературы также очень сократилась (равно как и информация эстонского читателя о новинках русской литературы). Обзоры и заметки о том, что происходит в сегодняшней российской литературе и литературной жизни, более или менее регулярно публикуют в эстонской прессе лишь Т. Каллас («Sõnumileht») и Е. Скульская («KesKus»). Небезынтересно, что неудовлетворенность таким положением дел высказывалась и представителями самой эстонской интеллигенции за «круглым столом», состоявшемся во время Дней российской культуры в Эстонии в ноябре 1999 года.

Конечно, русскоязычная пресса Эстонии, хоть и не регулярно, но все же старается информировать своих читателей о новых явлениях в русской литературе, интервьюирует приезжающих изредка в Эстонию русских литераторов (например, Л. Аннинского), перепечатывает интервью из российской прессы и т. д. Однако, эти материалы редко доходят до эстонского читателя.

Русская литература в Эстонии, хоть и в усложнившихся условиях, но продолжает существовать. С 1994 года выходит третий русский литературно-художественный журнал – «Вышгород» (редактор Л. Глушкова), публикующий как произведения русских (в т. ч. и местных) авторов, философскую и религиозную эссеистику, так и переводы новых произведений эстонских писателей. Журнал этот отличается достаточно высоким эстетическим уровнем (как по содержанию, так и в полиграфическо-художественном отношении) и заслужил признание и за пределами республики. Стали выходить и русские культурные еженедельники, из которых наиболее конкурентоспособными оказались «Вести-Неделя плюс» и «День за днем».

Союз славянских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (председатель Н. Соловей) отмечает памятные даты истории русской литературы (юбилеи Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина и др.).

Союз писателей Эстонии насчитывает около десятка русских литераторов и переводчиков. С 1998 года существует Объединение русских литераторов Эстонии (ОРЛЭ, председатель Р. Титов, насчитывает около двух десятков членов). Из проживающих в Эстонии русских писателей широкой международной известностью пользуется М. Веллер – автор гротескно-сатирических новелл и романов. Талантливым мастером «притчеобразной» прозы был Б. Крячко (1930–1998), традиции русской «деревенской» прозы развивает И. Иванов, маринистскую мемуарику – Р. Титов, интимную лирику и прозу – Е. Скульская. Появляются и автобиографическо-мемуар-

ные книги о пережитом в годы сталинского тоталитаризма (Т. Милютина и др.) и краеведческо-культурологические книги, воскрешающие традиции «ливонской темы» в русской литературе («Эстляндские были» Ю. Шумакова и В. Ильяшевича (1998). «Эстонская Пушкиниана» В. Бобылевой и М. Гайнуллина (1999).

Русская литература в эстонской школе – еще один немаловажный аспект рассматриваемой нами темы. В советский период русская литература была отдельным предметом школьной программы – как таковая она изучалась на эстонском языке, причем в объеме, в основном совпадавшем с изучаемым в русской школе. В 1970-1980-х годах авторами учебников по русской литературе для эстонских школ были и русские литературоведы Эстонии Ю. Лотман, В. Беззубов, В. Невердинова, Н. Бассель, С. Исаков). Кроме того, с текстами из русской литературы в оригинале учащиеся эстонской школы знакомились и на уроках литературного чтения в рамках изучения русского языка. Все это не могло не содействовать тому, что русская литература (хотя бы в объеме «школьной классики») прочно входила в общеобразовательный багаж эстонской молодежи, получившей среднее образование в советский период.

Сначала 1990-х годов эта ситуация существенно изменилась. Русская литература как отдельный предмет выпала из школьной программы и теперь изучается (в виде отдельных авторов-классиков и их произведений) в общем контексте истории мировой литературы. Меж тем репрезентативность русской литературы в этом, достаточно широком по охвату курсе оставляет желать лучшего. Так, например, в вышедшем в 2000 году учебнике для выпускного класса эстонских школ по мировой литературе XIX и XX веков [13] русские классики (Пушкин и Лермонтов) представлены лишь в главе «Романтическая поэзия», а в то же время в главе «Реализм XIX века» русские классики даже не упоминаются. Но можно ли вообще сколько-нибудь серьезно вести речь о реалистическом направлении в европейской и мировой литературе без упоминания Ф. Достоевского, Л. Толстого и А. Чехова? Не представлены русские авторы и в главах о новых художественных течениях XX века.

Возможности ознакомления с русской литературой в оригинале значительно сократились для эстонской молодежи и вследствие того, что русский язык перестал быть обязательным предметом школьного обучения, превратившись (да и то не во всех школах) во второй или третий иностранный язык. Можно даже говорить о том, что уже появилось поколение эстонской молодежи, вообще не знающее русского языка...

Хотя вследствие кардинальных изменений в жизни эстонского общества место и роль русской литературы в Эстонии 1990-х годов оказались сильно потесненными, она все же, как явствует из вышесказанного, не потеряла здесь своего значения и имеет достаточный потенциал. При этом не только для русскоязычных эстоноземельцев, но и для самих эстонцев. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы высказывание президента ЭР Леннарта Мери о «российском народе, который дал нам не только известного правозащитника Кони, но и Толстого, Тургенева и других» [14]. Гуманизм русской литературы, ее нравственная и эстетическая ценность продолжают сохранять свое непреходящее значение и в XXI столетии – и в том числе и для эстонского народа.

Литература

- 1 Suits, G. Postuumne Puškin // Looming, 1937, nr. 2. Lk. 218.
- 2 [Suits, G.] Ankeet // Looming, 1934, nr. 1. Lk. 110.
- 3 Исаков С. Г. Русская литература в Эстонии в XIX века. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Тарту, 1974.
- 4 Issakov, S. Arhiivide peidikuist. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. Lk. 272-296.
- 5 Бассель Н. Литературные связи Советской Эстонии. Таллинн: Ээсти Раамат, 1970. С. 36-94.
- 6 Nõukogude Eesti tõlkekirjandus. 1940-1968. Bibliograafiline nimestik. Tallinn: Eesti Raamat, 1970; ... 1969-1975 ... 1977; ... 1976-1980 ... 1983; ... 1981-1985 ... 1988.
- 7 Hint, A. Dostojevski ja Tammsaare // Looming, 1973, nr. 8. Lk. 1364-1376.
- 8 Promet, L. Krüsantheemid Teie hiilgusele // Kirjanduse jaosmaa'78. Tallinn, 1980. Lk. 75-83.
- 9 Adams, V. Vene kirjandus - mu arm. Tallinn, 1977.
- 10 Jõgi, O. 111 Maksim Gorki kirja // Looming, 1969, nr. 5. Lk. 786-789.
- 11 Majakovski, V. Armastan: Pilv Pükstes; Selgrooflööd; Armastan. 3 poemi / Vene keelest tlk. A. Siig. Tallinn, 1981.
- 12 Tuulik, Ü. Orientiirid sõjamaastikul // Sirp ja vasar, 1975, 21-II.
- 13 Maailmakirjandus. Õpik XII klassile / Toim. J. Talvet. Tallinn. 2000.
- 14 Иванен А. Разговор с президентом (интервью с Л. Мери) // Эстония, 1993, 7 мая.

ВИКТОР БОЙКОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. А. КУРЧИНСКОГО

В статье рассматриваются два аспекта общественно-политической деятельности М. А. Курчинского¹: как члена эстонского парламента и как видного идеолога международных конгрессов национальных меньшинств. Автор статьи не касается отношения М. А. Курчинского к Закону Эстонской Республики о культурной автономии 1925 г. Его взгляды на эту проблему достаточно полно отражены в статье Т. Шор (см. Татьяна Шор. Михаил Анатольевич Курчинский. К вопросу об интеграции русских ученых в Эстонской Республике // Радуга, 2000, № 1).

Профессора М. А. Курчинского как выдающегося ученого и общественного деятеля ценили не только в Эстонии, но и во всем мире. Его «Очерки по политической экономии», «О прибыли с капитала», «Основные черты статистики» создали автору репутацию одного из наиболее авторитетных представителей экономической науки. Научные труды профессора публиковались в Германии, Австрии, Франции. В Эстонии работы М. А. Курчинского выходили как отдельными изданиями, так и в виде эстонской периодической печати [1].

Проблематика исследовательской работы М. А. Курчинского многообразна и включает глобальные проблемы экономики и финансов [2]. М. А. Курчинский уделял немало внимания социально-философским вопросам [3]. Он обладал даром глубокого философского анализа и синтеза, умением излагать свои мысли в художественной форме. Особенно это проявилось в его труде об «апостоле эгоизма» Максе Штирнере [4].

Как профессор и педагог Михаил Анатольевич пробуждал в студентах интерес к науке, самостоятельность мысли и навыки серьезного труда. Студенты уважали и высоко ценили его за интересные и богатые по содержанию лекции, хотя он был строг и требователен на экзаменах. Лекции и пособия М. А. Курчинского печатались также отдельными изданиями [5].

Не менее важна была и общественная деятельность М. А. Курчинского, особенно как члена эстонского парламента. Будучи депутатом Государственного Собрания 3-го созыва от Нарвы и Принаровья (1926-1928), а позднее Национального Собрания

¹ Михаил Анатольевич Курчинский родился 12 октября 1876 года. В 1895 году окончил Калужскую гимназию, а весной 1899 года – юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1899 года начинается его научная деятельность в университете и других учебных заведениях столицы. В 1915-1918 и 1921-1939 годах – профессор статистики и политической экономии в Тартуском университете. Скончался 12 июня 1939 года в Тарту и похоронен на Ивановгородском кладбище.

от Петсериского округа, Михаил Анатольевич неизменно выступал защитником интересов русского национального меньшинства и энергично отстаивал законные права русского населения Эстонии. Все его выступления в парламенте, а также перед избирателями были проникнуты этой идеей и в той или иной степени затрагивали наиболее актуальные проблемы.

По мнению автора статьи, эти проблемы, в свое время вычлененные М. А. Курчинским, не утратили своего значения и в наши дни. Остается только сожалеть, что опыт прошлого слабо используется нынешними русскими депутатами различных уровней.

М. А. Курчинский выступил в Нарве (4 января 1927 года) с докладом о работе возглавляемой им русской фракции парламента. Отмечая малочисленность фракции, трудные условия ее работы, Михаил Анатольевич в своем выступлении говорил о необходимости предоставления права на пенсию лицам, выслужившим таковую в России до 1917 года [6]. Заслуживает внимания речь М. А. Курчинского на заседании Государственного Собрания 1 февраля 1927 года, посвященном обсуждению государственного бюджета. Говоря о необходимости проведения реформ в стране, он отмечал: «Эстонии нужны известные реформы. Ей нужен приток нового капитала и, возможно, именно в эту сторону и нужно было бы направить усиленное внимание. Я – не сторонник займов во что бы то ни стало, но нужно в этом отношении делать различие: заем на непроизводительные государственные расходы – тяжелая для государства обуза, но заем на производительные затраты – то же самое, что приток свежей крови в ослабевший организм, который иногда окупается сторицей» [7]. 29 марта 1927 года Михаил Анатольевич с трибуны парламента говорил о русском просвещении, отстаивая необходимость получения образования на родном языке [8].

Острым в конце 20-х годов в Эстонии был вопрос о продлении военного положения в стране [9]. Точка зрения русской фракции по этому вопросу была высказана в речи М. А. Курчинского на заседании парламента 21 декабря 1928 года. Его позиция по данному вопросу сводилась к следующему: военное положение применимо только в исключительные периоды жизни государства, если же оно длительно функционирует, то теряет свой смысл. Некоторые депутаты парламента, обосновывая необходимость продления военного положения, ссылались на восстание 1 декабря 1924 года. В ответ на это М. А. Курчинский четко заявил: «1-ое декабря кончилось для государства благополучно не потому, что в это время было военное положение, а потому что среди населения не нашлось таких элементов, которые с радостью уцепились бы за возможность произвести государственный переворот» [10].

И еще одна немаловажная деталь. Депутат К. Аст заявил, что по мнению министерства юстиции сохранение военного положения вызвано необходимостью борьбы с правонарушителями, имеющими нелегальные паспорта. Нетрудно догадаться, что этот выпад был направлен против русских эмигрантов, не имеющих эстонского гражданства. Позволим себе привести выдержку из выступления М. А. Курчинского по поводу этого заявления: «Ведь таких лиц в Эстонии имеется только очень небольшое коли-

чество. Кроме того, это – лица, которые и вообще находятся в крайне тяжелом положении, оторванные от своей родины, в значительной степени стесненные в правах, вырванные из привычных условий прежнего существования, часто нуждающиеся в помощи. Неужели для воображаемой необходимости борьбы с ними нужно создавать какой-то особый внеправочный порядок? Неужели недостаточно обычного аппарата государственной власти для того, чтобы бороться с возможными правонарушениями нормальным путем, не прибегая к каким-либо чрезвычайным мерам...» [11]. Михаил Анатольевич считал, что лучшую гарантию поддержания порядка в стране следует искать не в военном положении, а в том, насколько население чувствует под собой нормальную почву, обеспечивающую ему возможность спокойного развития.

Хотя русская фракция и выступила за отмену или смягчение военного положения, обстановка не изменилась, и фактически военное положение в Эстонии существовало до конца 1930-х годов.

Как уже отмечалось, М. А. Курчинский выступал перед населением с отчетами о работе в Государственном Собрании. 8 января 1929 года, выступая в Нарвском русском общественном собрании, он с горечью отмечал, что «одинаково безынертная картина в проведении своих представителей в парламенты наблюдается среди русских меньшинств не только в Эстонии, но и в Латвии, Литве и Польше» [12]. Михаил Анатольевич говорил и о необходимости сплочения русских и увеличения численности их представительства в парламенте. Он также сравнивал действия русского меньшинства с немецким и еврейским, не в пользу первого, применительно к культурной автономии.

М. А. Курчинский принимал активное участие в работе международных конгрессов национальных меньшинств в Женеве, Вене, Лондоне и Стокгольме. Впервые он представлял Эстонию на конгрессе национальных меньшинств 13 европейских государств в Женеве в 1926 году [13], а с 1927 года являлся вице-председателем и лидером всех русских групп на этих конгрессах.

Ежегодно ему приходилось выступать на заседаниях конгресса с интересными и глубокими по содержанию речами и докладами по актуальным вопросам положения русского национального меньшинства, о национальном вопросе, об объединении европейских государств, о голоде в СССР, о культурной автономии, о религиозной свободе и т. д. В отчетах конгрессов был напечатан целый ряд его речей. В связи с этой деятельностью Михаил Анатольевич поддерживал связь с русскими организациями и деятелями не только в Европе, но и в Америке, пробуждая интерес к судьбам зарубежных русских и проповедуя идеи их объединения в общий союз. С этой целью он выступал с многочисленными докладами, помимо Эстонии, в Париже, Варшаве, Вильнюсе, Каунасе и Риге и постоянно выдвигал и развивал эту мысль в ряде газетных и журнальных статей – в таких изданиях, как «Руль» (Берлин), «Последние новости» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Русское слово» (Варшава), «Русский голос» (Львов), «Сегодня» (Рига).

В связи с малочисленностью представительства прибалтийских и других государств на международных форумах по инициативе М. А. Курчинского и Н. С. Сера-

бренникова (Польша) решено было созвать в Риге съезд или совещание представителей русских меньшинств. Это совещание, проходившее 20 и 21 августа 1929 года, положило начало объединению русских, являющихся меньшинством в шести государствах: в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Румынии и Чехословакии. Впервые была осуществлена попытка организовать совместные действия для отстаивания общих интересов русского меньшинства в названных странах. Тем более, что немцы, поляки, венгры, евреи и др., составляющие национальное меньшинство в ряде стран, уже фактически объединились для защиты своих интересов. «Такое объединение, – писал М. А. Курчинский, – должно укрепить наше положение, положить конец нашей недопустимой разрозненности, особенно непростительной и пагубной именно для нас, не имеющих за собой помощи родственного нам по национальности государства, подобно большинству других меньшинственных народностей» [14].

Рижское совещание, представленное делегатами от каждой из шести стран, ставило своей целью привлечение в дальнейшем русских меньшинств и других государств для совместной защиты их интересов.

Эта идея возникла в ходе работы меньшинственных европейских конгрессов, проходивших уже в течение ряда лет в Женеве непосредственно перед открытием ежегодной сессии Лиги Наций. Как отмечал М. А. Курчинский, все национальные меньшинства заинтересованы в получении гарантий подлинного равноправия с теми народами, в среде которых им приходится жить. Следовательно, все меньшинства заинтересованы, в первую очередь, в работе меньшинственных конгрессов. Тем более, что до 1929 года русское представительство на них было более или менее случайным. Постоянными участниками конгрессов были только представители Польши и Эстонии (которую представлял М. А. Курчинский), остальные же русские меньшинства вообще не участвовали в работе конгрессов или присутствовали от случая к случаю.

Исходя из этого, совещание признало необходимым участие всех собравшихся в Риге представителей русских меньшинств в Женевских конгрессах. Для этой цели, а также и для совместной защиты своих прав было положено начало «Объединению всех русских меньшинств». Объединение должно было координировать действия своих представителей на международных конгрессах, включая доклады, заявления, инициативные предложения и т.д.

Постоянным органом Объединения стал избранный на рижском совещании Совет, состоявший из двух представителей от каждой страны. Из состава Совета был избран президиум для руководства создавшимся Объединением и его представительства в каждой из входивших в организацию стран, а также и на общеевропейском форуме.

И в заключение анализа задач, стоявших перед Объединением, М. А. Курчинский отмечал: «Нужно сообща защищать наши интересы. защита эта может вестись при помощи некоторых уже существующих организаций (конгрессы, Лига Наций и т. д.), а также при помощи только что созданного Объединения и его органов. При этом необходимо подчеркнуть, что этого рода задача не может считаться только чисто поли-

тическим делом, нет, она охватывает всю область наших национально-культурных прав: школы, языка, церкви, интересов профессиональных и экономических. Поэтому и участвовать в ней тем или иным способом должны все русские организации, для которых дороги интересы русской культуры: общественно-политические, просветительские, церковные, профессиональные, благотворительные и т.д.» [15].

Результаты работы рижского совещания воплотились в жизнь. В 1929 году в состав русской группы на конгрессе национальных меньшинств в Женеве входили М. А. Курчинский (Эстония), председатель Русского национального объединения в Польше Н. С. Серебренников, Ю. Е. Юракевич (Галиция), председатель Русского объединения в Румынии Г. М. Цамутали, а также А. Ю. Гровский и Демко (Карпатская Русь). М. А. Курчинский вполне заслуженно стал лидером русских меньшинственных групп в Женеве. Присутствие в Женеве такой обширной русской делегации свидетельствует о признании русскими меньшинствами необходимости активного участия в международных организациях.

М. А. Курчинский выступил с речью, в которой отметил, что русские могут опираться на значительно большее численное представительство и организованность, чем во время предшествовавших конгрессов. «Пусть не думают, – особенно подчеркнул М. А. Курчинский, – что все наше движение, как и работа наших конгрессов, может угрожать в какой бы то ни было степени тем или другим государственным образованиям, что меньшинства направляют свои усилия против большинства. Наоборот, служа отстаиванию и сохранению культурных ценностей, оно является в корне мирным движением: ценя и уважая свою культуру, оно призывает к уважению всех других национальных культур и с этой точки зрения меньшинственное движение является одним из залогов дальнейшего мирного развития Европы, оно работает для дела сохранения мира» [16]. Закончил свою речь М. А. Курчинский пожеланием, чтобы при Лиге Наций была создана особая постоянная комиссия для изучения меньшинственного вопроса.

В выступлении М. А. Курчинского на очередном конгрессе представителей национальных меньшинств в Женеве в 1931 году содержалась критика положения русских меньшинств, преследования русского языка, православной церкви, русской школы не только в Эстонии, но и в других странах [17].

По широте кругозора, глубине мысли заслуживает внимания речь М. А. Курчинского на Конгрессе национальных меньшинств в Лондоне в 1937 году. Нельзя не отметить и резкие высказывания М. А. Курчинского в отношении Лиги Наций и, быть может, известное разочарование бездейтельностью этого международного органа в отношении положения национальных меньшинств в целом, имея в виду не только положение русских в окраинных государствах. Немало обвинений было и в адрес Советского Союза, который не заботится о защите национальных интересов зарубежных меньшинственных групп. Отсюда М. А. Курчинский пришел к выводу, что «... у русских национальных меньшинств нет защищающего их государства одинаковой с ними национальности, и они поэтому зависят исключительно от доброй воли какого-

либо государства, которое признает за благо им в этом отношении оказать поддержку, в то время, как большинство остальных меньшинств имеет своих естественных защитников» [18].

М. А. Курчинский являлся поборником меньшинственного права. Трезво оценивая обстановку и фактическую неспособность Лиги Наций (а не за горами была вторая мировая война!), Михаил Анатольевич отмечал, что в отношении слабых народов принцип справедливости совершенно забывается, так как Лига Наций по отношению к ним остается безучастной. И невольно напрашивался вывод о полном бесправии, царившем в этой области. План создания меньшинственной комиссии при Лиге Наций, по мнению М. А. Курчинского, оставался на бумаге, и развитие меньшинственного права пришло в застой. Михаил Анатольевич ссылаясь и на то, что уже на конгрессе 1933 года делегаты разных стран констатировали, что притеснения национальных меньшинств продолжаются и даже усиливаются. Отсюда и вывод М. А. Курчинского: «Этому явлению Лига Наций не воспрепятствовала, что отчасти и повлекло за собой дальнейшее обострение и без того уже наступившего кризиса Лиги» [19].

Отмечая, что в 1936 году, да и раньше на конгрессах ставился вопрос о том, что «всякая забота о культуре должна быть вместе с тем и заботой об обществе и поэтому всякое меньшинственное право должно быть коллективным правом», Михаил Анатольевич перешел к вопросу о самоуправлении для русской культуры. М. А. Курчинский прямо заявил: «Уверенность в полной беззащитности меньшинств и в отсутствии в этой области твердых норм, защищаемых Лигой Наций, приводит многие государства к тому, что они при пересмотре своих основных законов прежние ясные принципы заменяют расплывчатыми и неопределенными; например, вместо преподавания в меньшинственных школах на меньшинственном языке вводится преподавание на двух языках: на меньшинственном и на государственном и т.п.» [20].

К числу важных задач как Лиги Наций, так и конгрессов национальных меньшинств относится примирение национальных конфликтов и смягчение трений между различными национальностями. Далее М. А. Курчинский указывал, что меньшинства особенно заинтересованы в сохранении мира – и даже в большей степени, чем отдельные государства.

Нельзя не привести мудрые и предостерегающие слова из речи М. А. Курчинского: «Меньшинства ведь расселены по различным странам, и поэтому всякая война может превратиться для них в борьбу, в которой они должны будут сражаться брат против брата и отец против сына. Это обстоятельство еще увеличивает трагичность нашего положения и в еще большей степени делает нас сторонниками мирного существования народов. Нарушение и непризнание меньшинственных прав является одной из серьезнейших причин, обостряющих опасность международных конфликтов» [21].

Газета «Старый Нарвский листок» от 8 июня 1938 года опубликовала интересную статью М. А. Курчинского «Объединение русского меньшинства». Отметив значение

международного национального объединения немцев, поляков, венгров, эстонцев, латышей и других национальностей, живущих за пределами своих стран, М. А. Курчинский писал: «Единственным исключением в этом отношении являемся мы, русские. Мы еще понимаем значение отдельных, местных организаций со строго ограниченным полем действия: благотворительных, просветительских, церковных, учебных, притом охватывающих только пределы одной какой-либо страны, но до понимания великого значения международной организации общего характера, ставящей себе целью защиту наших культурно-национальных прав – мы еще не доросли» [22].

Новые идеи были выдвинуты М. А. Курчинским в речи на конгрессе национальных меньшинств в 1938 году в Стокгольме. Он отметил, что среди национально-культурных ценностей человечества одно из первых мест занимает защита религиозной свободы, на страже которой должны стоять конгрессы национальных меньшинств. По мнению Михаила Анатольевича, «...очень часто борьба против религии приобретает ярко выраженный характер борьбы против религии определенных национальных групп, превращается в борьбу против меньшинственных прав» [23].

В итоге можно сказать, что М. А. Курчинский был не только ученым, но и крупным общественно-историческим деятелем, отстаивавшим национальные интересы меньшинств в целом, не ограничиваясь рамками одной национальности или государства. Проблемы национальных меньшинств он чаще всего связывал с правами человеческой личности. Его общественно-политические взгляды отличались масштабностью и широтой.

М. А. Курчинский был идейным вождем русского меньшинства не только в Эстонии, но и во многих других европейских странах. Думается, что изучение его творческого наследия послужит на пользу и современным русским политикам, тем более, что многие затронутые им проблемы не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Литература

1. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1930). Выпуск I. Издание Русского научного института в Белграде, 1931. С. 174-175.
2. Курчинский М. А. Европейский Хаос. Экономические последствия великой войны. Дерпт, 1925; Курчинский М. А. Соединенные Штаты Европы. Экономические и политические перспективы этой идеи. Юрьев, 1930.
3. Курчинский М. А. Социальный закон, случай и свобода. Дерпт, 1922.
4. Курчинский М. А. «Апостол эгоизма» Макс Штирнер. Петроград, 1923; Kurtchinski M. Der Apostel des Egoismus. Maz Stirner und Seine Philosophie der Anarchic. Berlin, 1923.
5. Курчинский М. А. Из курса политической экономии. Пособие к лекциям. Дерпт, 1923; Курчинский М. А. Основы экономической науки. Курс лекций. Часть I Юрьев, 1926.
6. Вести дня. 1927, 8 января, № 7 (97).
7. Последние известия. 1927, 3 февраля, № 32.
8. Вести дня. 1927, 30 марта, № 87 (177).
9. С ноября 1919 года в Эстонии – военное положение, начиная с марта 1921 года, частично отменено, с сентября 1922 года военное положение сохранялось в Таллинне, Нымме, вдоль всей границы с Со-

ветской Россией, на всех железнодорожных узлах и в ряде приморских волостей, а также в волостях, примыкающих к Таллинну.

10. Русский Свет. 1929, 13 января, № 1.
11. Там же.
12. Старый Нарвский листок. 1929, 10 января, № 4 (481).
13. Наш Час. 1926, 30 августа, № 1
14. Старый Нарвский листок. 1929, 21 ноября, № 132 (609).
15. Там же.
16. Старый Нарвский листок. 1929, 1 октября, № 110 (587).
17. Старый Нарвский листок. 1931, 5 сентября, № 100 (870).
18. Старый Нарвский листок. 1937, 11 августа, № 89 (1735).
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Старый Нарвский листок. 1938, 8 июня, № 63 (1858).
23. Старый Нарвский листок. 1938, 21 сентября, № 107 (1920).

ВИКТОР БОЙКОВ

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (РОВС) И ЭСТОНИЯ

По окончании гражданской войны в эмиграции оказалось несколько миллионов россиян и среди них особенно велика была военная прослойка. Например, из 150 тысяч человек, эвакуировавшихся из Крыма в ноябре 1920 года, свыше 100 тысяч были военнослужащими.

В отличие от многих других оказавшихся за границей воинских частей, армия под командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля не прекратила на чужбине своего существования. Военнослужащие были отправлены в особые военные лагеря, расположенные на территории Турции (Галлиполи, Чатадджа, остров Лемнос), с сохранением военной структуры и части оружия, а затем были переправлены в Сербию и Болгарию.

Тем не менее Русская армия как организованная сила постепенно угасала. Соединения и части, устроенные на общественные работы, вынуждены были со временем расходиться в поисках другого заработка. Некоторые военнослужащие уезжали в другие страны, кто-то находил потерянные семьи, кто-то создавал новые. Процесс такого распада был неизбежен, и П. Н. Врангель, учитывая это, приступил к другой форме организации армии в виде воинских союзов, создаваемых параллельно со старыми, отмирающими структурами.

Начало этой работы было положено еще в 1921 году в Константинополе. Цель этих союзов П. Н. Врангель видел в сохранении до лучших времен кадров российской армии, готовых, когда понадобится, вернуться в строй.

На совещании представителей региональных воинских союзов в Белграде П. Н. Врангель заявил: «Борьба за Родину не кончена, и вставшая по призыву царя Русская армия ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России. Пока не кончена эта борьба, пока нет верховной русской власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга. Этот долг для меня – стоящего во главе остатков русской армии – собрать и сохранить русское воинство за рубежом России. Так, окруженный врагами, отбивая знамя, призывает к себе остатки родного полка командир знаменного взвода...» [1, 593].

Так образовался РОВС – Русский Обще-Воинский Союз. Соответствующее распоряжение П. Н. Врангеля об образовании РОВС'а последовало 1 сентября 1924 года. Во временном положении от 1 сентября 1924 года говорилось: «РОВС образуется с целью объединить русских воинов, сосредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии» [2, 4].

С этого времени армия превратилась в Русский Обще-Воинский Союз, который впоследствии объединил кадры и других белых армий, чинов русского экспедиционного корпуса во Франции, а также бывших военнопленных в Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Во главе РОВС'а стал генерал П. Н. Врангель. При РОВС'е были организованы курсы военной подготовки, изучался опыт мировой и гражданской войн и т.д. Вся эта работа проводилась через отделы РОВС'а, которые охватывали проживающих в разных странах членов Союза.

1-й Отдел с центром в Париже возглавлял генерал-лейтенант П. Н. Шатилов, затем генерал-лейтенант В. К. Витковский, и охватывал этот отдел группы РОВС'а во Франции, Англии, Голландии, Швейцарии. 2-й Отдел в Германии возглавлял генерал-майор А. А. фон Лампе, и под его эгидой находились также ровсовские организации в прибалтийских государствах. 3-й Отдел находился в Болгарии, 4-й Отдел – в Югославии, 5-й Отдел – в Бельгии, 6-й Отдел – в Чехословакии. Дальневосточный отдел, состоявший из чинов армии адмирала А. В. Колчака, возглавлял генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. Группы РОВС'а были в США, Бразилии, Парагвае, Канаде и других странах.

Особенно тепло встретили российскую военную эмиграцию в Югославии. Русским военнослужащим разрешалось ходить в форме. В Югославии находился и Русский кадетский корпус. РОВС объявил о приеме в объединение людей, достигших в эмиграции призывного возраста, с последующей сдачей экзаменов на унтер-офицерский чин.

В начале 30-х годов, по данным справки штаба РОВС, в Союзе было зарегистрировано 40 тысяч человек (в 20-х годах их насчитывалось до 100 тысяч человек) [3, 7].

В 1928 году в возрасте 49 лет умер председатель РОВС'а П. Н. Врангель. После его кончины председателем РОВС'а стал генерал-от-инфантерии А. П. Кутепов. В январе 1930 года в Париже среди бела дня он был похищен агентами ОГПУ. Его сменил начальник штаба РОВС'а генерал-лейтенант Е. К. Миллер. Он объявил участие в гражданской войне в Испании на стороне Франко продолжением белой войны. В сентябре 1937 года был похищен и Е. К. Миллер. Затем РОВС возглавляли генерал-лейтенанты Ф. Ф. Абрамов, А. П. Архангельский, генерал-майор А. А. фон Лампе, генерал-майор В. Г. Харжевский, остававшийся главой Союза до 1979 года. С 1979 года в Союзе председательствовали уже не генералы, а офицеры.

До 1937 года руководящий центр РОВС'а находился в Париже, а с 1938 года руководство деятельностью организаций РОВС'а осуществлялось последовательно из Софии и Брюсселя. Главным идеологом РОВС'а был русский философ Иван Александрович Ильин. С 1929 года до кануна крушения власти КПСС выходил журнал «Часовой».

РОВСовская организация возникла и в Эстонии. В 1925 году генерал-лейтенант А. К. Байов проинформировал генерал-майора А. О. Штубендорфа о создании в Эстонии организации РОВС'а и фактически по предложению А. А. фон Лампе стал его представителем в Эстонии. На первых порах А. К. Байов ознакомил старших офицеров с основными задачами РОВС'а и по существу выступил в роли учредителя органи-

зации РОВС'а в Эстонии. Он поддерживал тесные контакты с руководящим составом РОВС'а за рубежом. В 1926-27 годах А. К. Байов в качестве делегата от эстонской белоэмиграции выехал в Париж для участия в работе «Всероссийского зарубежного съезда эмиграции». Проездом через Берлин он встречался с А. А. фон Лампе, а в Париже - с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, генералом-от-кавалерии И. Г. Эрдели и профессором, генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным. В 1931-32 годах при поездке на съезд ученых он побывал в Белграде и Софии. Там он встретился с генерал-майором А. П. Буковским, возглавлявшим объединение офицеров Егерского полка, и генерал-майором И. Г. Барбовичем. Отдельные сторонники РОВС'а находились и в Тарту (А. А. Фадеев, К. Е. Введенский, Н. Н. Соколов, В. М. Сиротин и др.). Имеются данные, что А. К. Байов стремился создать отделения РОВС'а в Тарту и Нарве.

После смерти А. К. Байова в 1935 году А. А. фон Лампе предложил генерал-майору Э. А. Верцинскому стать во главе РОВС'а в Эстонии, но тот по неизвестным причинам отказался. Выбор пал на Э. А. Верцинского не случайно, тем более, что А. А. фон Лампе хорошо знал его по совместной службе в 18-м армейском корпусе в годы первой мировой войны. В 30-х годах Э. А. Верцинский переписывался с А. А. фон Лампе и в общих чертах получал от него информацию о работе РОВС'а. Хотя формально Э. А. Верцинский отказался от представительства РОВС'а, но тем не менее во 2-й половине 30-х годов, выезжая во Францию, Англию, Германию и Бельгию, он встречался с Е. К. Миллером, В. К. Витковским, А. П. Архангельским, А. Афон Лампе. Вернувшись в Таллинн, он сделал подробный отчет о своей поездке на встрече с РОВСовцами.

После смерти А. К. Байова официальным представителем РОВС'а в Эстонии стал полковник Б. В. Энгельгардт. Он был связан с деятелями РОВС'а с самого начала его возникновения. Имеются сведения, что с 24 октября 1927 года у него на квартире был произведен обыск с целью обнаружения антигосударственной литературы, которая и была изъята. По предложению А. А. фон Лампе Б. В. Энгельгардт в 1937 году написал и выпустил брошюру «РОВС и Солоневич» под псевдонимом Бельский.

Активными деятелями РОВС'а в Эстонии были А. К. Байов, Б. В. Энгельгардт, Э. А. Верцинский, А. П. Мальгин, М. Д. Ананьев, К. Г. Бадендик, В. К. Видякин, Р. В. Садовский, А. В. Руммель, С. З. Цералов, Е. Н. Гаусман, А. К. Веймарн, В. К. Шенк, Г. М. Соколов, А. В. Ефремов, Ф. А. Гизетти, Г. И. Узембло, А. Е. Кудрявцев, В. В. Заркевич, Е. А. Быков, В. Ф. Шлепков, В. В. Нотбек, В. С. Афанасьев, К. В. Шуманский и многие другие.

В конце 1938 года по требованию германского правительства 2-й Отдел РОВС'а вышел из подчинения центра РОВС'а и прекратил свою деятельность. На его базе было создано «Общество бывших русских военнослужащих в Германии». Новое объединение сохранило за А. А. фон Лампе пост председателя. Если до переформирования 2-го Отдела РОВС эстонская организация входила в его подчинение, то после его преобразования она непосредственно подчинялась руководителю РОВС'а генералу А. П. Архангельскому.

Поскольку легальная деятельность РОВС'а в Эстонии была запрещена властями, то работа проводилась в основном в благотворительных организациях.

Основной задачей эстонского отделения РОВС'а являлась вербовка новых членов из состава офицерства, создание групп в благотворительных организациях, полковых объединениях, идеологическая обработка, в первую очередь, эмигрантской молодежи. Отделение РОВС'а в Эстонии, если его можно условно так назвать, сотрудничало с монархической группой «кирилловцев». На многих собраниях и совещаниях сторонников РОВС'а присутствовал контр-адмирал П. П. Левицкий, который считался представителем «кирилловцев» в Эстонии. Но вместе с тем между РОВС'ом и «кирилловцами» в 30-х годах существовали разногласия, отношения между ними обострились, и в конце концов представители «кирилловцев» прекратили посещение РОВСовских собраний. Только в 1940 году на основе директивы РОВС'а, поступившей из центра, эти отношения возобновились, но вскоре последовали июньско-июльские события...

Эстонское правительство относилось к эмигрантским организациям и бывшим военнослужащим русской армии вполне терпимо. К этому побуждало эстонские власти то обстоятельство, что в случае реальной большевистской опасности они могли рассчитывать на них, как на союзников. С другой стороны, эстонское правительство видело в усилении русских организаций, в том числе и РОВС'а, угрозу независимости Эстонии. Как говорил бывший начальник политполиции Эстонии, эстонцы боялись влияния этих организаций на умы русского населения в Печорах, Причудье и Принаровье и развития среди них здорового русского национализма. И еще немало-важный фактор: эстонское правительство испытывало давление со стороны Советского Союза и вынуждено было с этим считаться.

В чем конкретно заключалась работа РОВС'а в Эстонии?

Во-первых, на собраниях членов легальных организаций зачитывались и обсуждались инструкции, сводки и приказы РОВС'а. Директивы из центра поступали за подписью генералов А. П. Кутепова, Е. К. Миллера, А. П. Архангельского.

Во-вторых, РОВСовцы из Эстонии неоднократно выезжали за рубеж и встречались там с руководством РОВС'а. Руководители РОВС'а указывали на необходимость активизации работы РОВС'а в Эстонии, включая создание небольших РОВСовских ячеек в эмигрантских организациях Эстонии.

В-третьих, активные члены РОВС'а входили в состав легально действующих организаций в Эстонии, проводили там соответствующую работу (в основном работа была сконцентрирована в Обществе помощи русским военнослужащим, в Комитете Дня русского инвалида, в Союзе увечных воинов).

В-четвертых, в Таллинн во второй половине 1930-х годов из-за границы приезжали представители РОВС'а генералы Зданкевич (председатель объединения Павловского полка), Носков, полковники Писаревский, Матвеев. В основном они встречались со своими однополчанами и несомненно во время этих встреч заходил разговор и о РОВС'е в целом.

В-пятых, РОВСовцы занимались и разведывательной деятельностью. В 1923 году в Эстонию прибыл под чужой фамилией с фальшивым паспортом генерал И. Е. Эрдели, бывший начальник кавалерии у А. И. Деникина, с какой-то секретной миссией. И. Е. Эрдели пробыл на границе с СССР около двух месяцев, затем был арестован и выслан на остров Хийумаа, откуда через некоторое время получил разрешение на выезд в Париж. В свой приезд он навестил бывшего в то время начальником эстонского генштаба генерал-майора Я. Соотса. Между прочим, Эрдели и Соотс вместе с Л. Г. Корниловым находились в заключении в Быховской тюрьме после т. н. Корниловского мятежа в 1917 году.

На наш взгляд, на деятельности РОВСовцев отрицательно сказались поездки в Эстонию генерал-майора Н. В. Скоблина, бывшего командира Корниловского полка. Как известно, не без его участия было совершено похищение руководителя РОВС'а Е. Миллера (он сопровождал свою жену, артистку Н. В. Плевицкую, которая совершала концертное турне по прибалтийским странам). Н. В. Скоблин встречался в Таллинне и Нарве с ведущими местными РОВСовцами и их сторонниками, был вхож в их семьи, знал их поименно. Б. В. Энгельгардт на совещании, проходившем на его квартире, представил Н. В. Скоблину всех наиболее видных и активных деятелей РОВС'а. Можно предположить, хотя это и невозможно подтвердить фактами, что эти сведения становились достоянием ОГПУ-НКВД, и в этой связи судьба многих русских офицеров после событий в 1940 году сложилась трагически. Ведь в первую очередь арестам в 1940 году подверглись старшие офицеры армии Н. Н. Юденича, прямо или косвенно связанные с РОВС'ом, а с другой стороны, в Эстонии в 20-30-х годах активно работала агентура Иностранного отдела ОГПУ-НКВД [4].

Как уже отмечалось выше, члены РОВС'а в Эстонии проводили свою работу в легальных организациях. Среди них был Союз русских увечных воинов-эмигрантов, созданный в 1924 году в Нарве и ставший головной организацией в Эстонии. В создании Союза участвовали П. Н. Максимов, П. А. Цур-Мюллен, Ф. Ф. Вейс, Б. М. Севастьянов, В. А. Алексеев, О. П. Васильковский (жил в Таллинне), В. С. Афанасьев (жил в Таллинне) и П. Н. Максимов. Всего в Нарве насчитывалось более 50 членов Союза.

Отдел Союза в Тарту, созданный в 1926 году, к концу 30-х годов насчитывал 13 действительных членов, 5 почетных членов и около 100 т. н. членов-соревнователей. Почетными членами и членами-соревнователями считались лица, оказавшие большую материальную помощь Союзу. По другим данным, в тартуском отделе Союза увечных воинов было 60-70 человек. Руководителем тартуского отдела Союза длительное время был А. И. Фадеев. В 1937-1938 годах Союз увечных воинов в Тарту для пополнения своего бюджета издавал календари.

В Печорах существовал подотдел тартуского отдела Союза, который возглавлял К. Д. Мерказин, а затем А. А. Чириков. Отдел Союза был и в Таллинне. Значительную работу в отделе проводили Б. В. Энгельгардт, Я. М. Корецкий, С. А. Самсониевский. В то же время нельзя не отметить, что существующие отделы Союза увечных воинов в

Тарту и Таллине были слабо связаны с Нарвой как местонахождением центрального правления Союза, его головной организации, и действовали более самостоятельно. По существу, центральное правление Союза представляло ту часть членов Союза, которые проживали в Нарве.

Союз русских увечных воинов как легальная организация был создан с разрешения эстонских властей. По уставу этой организации в ее задачу входило оказание материальной помощи инвалидам царской армии и Северо-Западной армии Н. Н. Юденича. Союз русских увечных воинов установил связь с «Зарубежным Союзом русских военных инвалидов» в Париже, входившим в состав РОВС'а, во главе которого стоял генерал-майор В. Н. Баратов. В 1929 году эстонский Союз увечных воинов распространял среди своих членов отрывные календари, полученные от парижского Союза русских военных инвалидов. Центральный Союз русских увечных воинов в Нарве, а также его отделы выписывали газеты «Инвалид» и «Возрождение» и РОВСовский журнал «Часовой». Союз получал средства от лотерей, благотворительных вечеров; установив контакты с Н. Н. Юденичем, получил от него 40 тысяч эстонских марок. Полученные средства распределялись среди воинов-инвалидов. Из благотворительных вечеров можно выделить вечер русских инвалидов 21 ноября 1931 года, устроенный правлением Союза в зале Нарвского русского общественного собрания. Была поставлена комедия «Жених из долгового отделения» с участием артистов Нарвского театра (А. М. Скаржинская, А. И. Тригорин, Б. В. Христофоров, Б. А. Круглов, В. А. Облонская). На вечере выступил струнный квинтет под управлением Н. Г. Щенникова, балерины студии Е. В. Литвиновой (см. Русский вестник. 1931, 25 ноября. № 100) [5].

Далее следует выделить Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Подготовительная работа по созданию Общества проходила в 1929-30 годах. Генерал-лейтенант А. К. Байов разослал приглашения многим офицерам, проживавшим в Эстонии, с предложением присутствовать на организационном собрании создаваемого им Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. И это не случайно, учитывая то, что многие офицеры были прямо или косвенно связаны с РОВС'ом, а сам А. К. Байов был представителем этой организации в Эстонии. 5 июля 1931 года по инициативе А. К. Байова состоялось учредительное собрание Общества (см. Русский вестник. 1931, 8 июля. № 40). Среди присутствовавших были в основном генералы и старшие офицеры: генерал-лейтенант А. К. Байов, генерал-майор Э. А. Верцинский, полковники Я. М. Корецкий, С. Медер, Г. М. Соколов, поручик Г. И. Узембло и другие, как правило, входившие в РОВС на правах индивидуального членства.

И хотя Общество считалось благотворительным, поскольку деятельность РОВС'а в Эстонии была запрещена властями, оно служило центром объединения офицеров бывшей русской армии, поддерживая в них корпоративный дух. А. К. Байов прямо говорил на учредительном собрании, что целью Общества является не столько взаимопомощь, сколько сплочение офицеров на тот случай, если их помощь понадобится бы для будущей русской армии. А. К. Байов предлагал всем офицерам вступать в

различные полковые объединения, находившиеся в Париже, Белграде и Берлине. Говоря об офицерских объединениях, он подробно осветил деятельность РОВС'а, возглавляемого в то время А. П. Кутеповым. И вместе с тем А. К. Байов предлагал ознакомить членов Общества с инструкциями и сводками РОВС'а, получаемыми им из Парижа. Иными словами, на учредительном собрании были определены направления работы Общества по линии РОВС'а, помимо благотворительных целей.

Если ранее созданный Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии объединял только эмигрантов, то в новое Общество входили как инвалиды-эмигранты, так и граждане Эстонии. С учреждением нового Общества прежний Союз русских увечных воинов продолжал функционировать вплоть до 1940 года. Наличие двух организаций привело к известному дублированию их деятельности, распылению сил и денежных средств. С другой стороны, на наш взгляд, при создании новой организации ее учредитель А. К. Байов, будучи представителем РОВС'а в Эстонии, исходил из возможности установления более тесных контактов с РОВС'ом под прикрытием легальной, благотворительной деятельности.

На учредительном собрании председателем Общества стал А. К. Байов, а членами правления – Э. А. Верцинский, Я. М. Корецкий, Ваганов, Штакельберг и Ивков. По окончании учредительного собрания Общества состоялось организационное собрание его таллиннского отдела, в состав правления которого вошли А. Е. Кудрявцев, С. А. Самсониевский, Писарев, А. А. Родивинович и Ивков.

После кончины А. К. Байова в 1935 году Общество возглавил генерал-майор Э. А. Верцинский. При нем в правление в разное время входили Я. М. Корецкий, Г. И. Узембло, С. Медер, Р. В. Садовский, Б. В. Энгельгардт, Г. М. Соколов, К. Г. Бадендик и А. К. Веймарн. Всего в Обществе насчитывалось около 70 человек. Будучи во Франции в 1936 году, Э. А. Верцинский встречался с руководителем РОВС'а Е. К. Миллером.

Активными участниками Общества являлись Б. В. Энгельгардт как представитель РОВС'а в Эстонии после смерти А. К. Байова, связанный с руководителями его центра в Париже генералами Е. К. Миллером и П. Н. Шатиловым, а также Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, В. К. Видякин, Н. П. Лежневский, С. Медер, Г. М. Соколов, В. К. Шенк, А. В. Руммель, Г. И. Узембло, Р. В. Садовский, Е. Н. Гаусман, А. А. Радивинович, А. П. Мальгин, В. С. Афанасьев, А. Е. Кудрявцев, Я. М. Корецкий, А. В. Ефремов, С. З. Цералов, В. Ф. Шлепков, Ф. А. Гизетти, А. К. Веймарн, Н. Ф. Крузенштерн, Н. К. Эссен, М. Д. Ананьев, К. Г. Бадендик, К. В. Шуманский, Е. А. Быков и другие.

На заседании правления и совещаниях Общества под прикрытием т. н. чаепитий (обычно присутствовало 25-30 человек) рассматривались и многие политические вопросы, связанные с деятельностью РОВС'а. На основе полученных из центра РОВС'а материалов обсуждались такие вопросы, как сводки РОВС'а о войне в Испании, о назначении генерала А. П. Архангельского руководителем РОВС'а, о результатах проверки деятельности организаций РОВС'а за границей, сводка РОВС'а о расколе в его рядах, переезде генерала А. В. Туркула в Германию и о создании им новой

организации. На одном из собраний Б. В. Энгельгардт изложил содержание письма руководителя РОВС'а А. П. Архангельского генералу Маннергейму об оказании помощи Финляндии в войне против СССР.

В период войны СССР с Финляндией на одном из заседаний правления Общества обсуждалось очередное письмо РОВС'а о состоявшейся в Париже встрече А. П. Архангельского и других лиц из руководящего состава РОВС'а с кирилловцами. В ходе переговоров ставился вопрос о преодолении разногласий между ними и было достигнуто соглашение о взаимодействии этих организаций. Одновременно РОВС рекомендовал контактировать работу и в низовых организациях, имея в виду отделы в разных странах. Что касается Эстонии, то это означало установление более тесных связей организаций, поддерживающих РОВС, с монархическими группами кирилловского направления. Это письмо послужило своего рода руководством к действию. Ставился вопрос и о привлечении молодежи.

Различные документы РОВС'а поступали от А. П. Архангельского из Брюсселя, от В. К. Витковского из Парижа и также доводились до сведения членов Общества [6].

Под влиянием РОВСовцев находился и Комитет Дня русского инвалида. В 1928 году учредителем Комитета Дня русского инвалида и его первым-председателем стал генерал-лейтенант А. К. Байов. После его смерти в 1935 году председателем Комитета был избран полковник А. Е. Кудрявцев, заместителем председателя – генерал-майор Э. А. Верцинский. Ревизионную комиссию возглавил генерал-майор А. О. Штубендорф.

Комитет поддерживал связь с одним из руководящих деятелей РОВС'а, председателем Комитета Дня русского инвалида в Париже генерал-лейтенантом А. А. Гулевичем. А. А. Гулевич до первой мировой войны занимал должность начальника штаба Петербургского военного округа, после революции перебрался в Финляндию, где находился в ближайшем окружении генерала Н. Н. Юденича. Вместе с ним в июне 1919 года он приехал в Эстонию. Первоначально его собирались назначить на пост начальника штаба Северо-Западной армии, но назначение не состоялось, и тогда он был направлен Н. Н. Юденичем в Париж со специальной миссией.

В помещении магазина «Русская книга», который служил и библиотекой и местом встреч русских, проживающих в Таллинне, и на квартире А. Е. Кудрявцева проходили собрания Комитета. В магазин-библиотеку поступали произведения Краснова, Галича, Наживина, Солоневича, журналы «Часовой» и «Морской сборник», «Архив русской революции», различные брошюры РОВС'а. Там же продавалась газета «Русский инвалид», основанная генералом Н. Н. Баратовым в 1930 году. После кончины Н. Н. Баратова главным редактором газеты стал генерал-лейтенант Н. Н. Головин.

Комитет вел оживленную переписку с заграницей, в том числе с Главным комитетом по сбору средств для инвалидов, но в связи с начавшимися арестами в 1940 году, все эти материалы, включая и протоколы заседаний правления Комитета, были уничтожены его активистами.

Комитет занимался благотворительной деятельностью и даже ежегодно жертвовал в пользу вдовы генерала П. Н. Врангеля, основавшего РОВС, небольшие денежные суммы. Секретарь правления Комитета А. В. Ефремов собирал биографические сведения о русских писателях, поэтах, ученых, проживающих в Эстонии (И. М. Тютюмов, П. М. Шелоумов, Игорь Северянин, В. А. Никифоров-Волгин и др.) для включения в альманах «Культурные русские силы зарубежья», который предполагалось издать в США [7].

После гражданской войны в Эстонии осталось немало бывших морских офицеров. В 1924 году они образовали Союз моряков, председателем которого стал капитан I ранга Н. Е. Гестеско. С 1929 года организация стала именоваться Кассой взаимопомощи бывших русских моряков. С 1928 года и вплоть до 1940 года должность председателя правления занимал капитан I ранга Э. К. Шульц. Особой активностью отличались капитан I ранга С. С. Политковский, В. Е. Дмитриев, П. А. Кисляков, М. И. Шишмарев, Д. Я. Федоров и другие. Во второй половине 1930-х годов в поименном списке членов Кассы числилось 137 человек.

Касса взаимопомощи преследовала благотворительные цели по оказанию помощи нуждающимся офицерам. Денежные средства складывались из членских взносов. Традиционный для моряков день храмового праздника морского училища отмечался ежегодно 6 ноября специальным вечером. На вечерах бывали и эстонские морские офицеры, служившие ранее в российском флоте.

Правление Кассы взаимопомощи поддерживало связь с Парижем, в частности, с вице-адмиралом М. А. Кадровым, который являлся председателем Военно-морского Союза, входившего в РОВС [8].

В своей работе РОВС опирался на полковые объединения. Руководителем и организатором Объединения офицеров лейб-гвардии Егерского полка стал его бывший командир генерал-лейтенант А. П. Буковский. Центр Объединения, основанного в 1921 году, находился в Белграде и ему подчинялись отделы в Болгарии, Югославии, Париже, Лондоне, Финляндии.

В свою очередь, Объединение офицеров лейб-гвардии Егерского полка входило в состав Гвардейского объединения (генерал-лейтенант А. А. Гулевич). Гвардейское объединение возникло в 1921 году в Белграде, когда участники белых армий стали объединяться в полковые объединения бывших гвардейских полков. Это Объединение, в дальнейшем находившееся в Париже, включало в себя союзы гвардейских офицеров во всех странах.

Полковое объединение офицеров лейб-гвардии Егерского полка в Эстонии возникло в 1925 году по предложению, последовавшему из Парижа. Возглавлял его генерал-майор А. О. Штубендорф. В состав объединения входили А. К. Байов, В. В. Нотбек, П. А. Алексеевский, братья Заркевичи – Владимир Владимирович и Сергей Владимирович и другие. А. О. Штубендорф переписывался с А. П. Буковским, и через него полковое объединение входило в состав РОВС'а в качестве коллективного

члена. Помимо этого, были установлены контакты и с другими зарубежными объединениями лейб-егерей [9].

Ежегодно в Эстонии собирались воспитанники Петербургского Константиновского училища, офицеры Преображенского, Семеновского, Павловского гвардейских полков. Проходили встречи выпускников Николаевского инженерного училища (генерал-лейтенант В. В. Малков-Панин, Голицинский, Потоцкий, С. В. Киришбаум, А. Е. Кудрявцев), Академии Генерального штаба (О. А. Крузенштерн, А. К. Байов, А. Е. Вандам, З. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, Д. К. Лебедев, В. В. Малков-Панин и другие), а также эстонские генералы И. Лайдонер, Ю. Тывранд, П. Лилль. Помимо этого, отдельные офицеры вступали непосредственно в полковые объединения за рубежом. В частности, генерал-майор Э. А. Верцинский входил в состав Союза царско-сельских стрелков, возглавляемого генералом Нагаевым. Во время своих поездок за рубеж он встречался со многими деятелями РОВС'а (генералы В. К. Витковский, Глобачев, Васмонт, Левстрем и др.). Э. А. Верцинский, помимо личных контактов, получал информационные сводки РОВС'а и фактически был в курсе основных вопросов, рассматриваемых РОВС'ом [10].

Подводя общие итоги, можно отметить, что в политической жизни русской эмиграции 20-30-х годов Русский Обще-Воинский Союз сыграл заметную роль в сплочении белого движения и считался наиболее крупной и авторитетной организацией. Правда, деятельность РОВС'а развернулась и в Эстонии не столь активно и масштабно, как это было за рубежом.

Литература

1. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. Москва: Алгоритм, 1999. С. 593.
2. Русский Обще-Воинский Союз. Краткий исторический очерк. Сост. И. Б. Иванов. Санкт-Петербург, 1993. С. 4.
3. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг. Документы и материалы. Учебное пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. Москва: Гуманит. изд. Центра Владос, 1999. С. 7.
4. ФЭГА (Филиал Эстонского Государственного Архива), ф. 129, дд. 1444, 18587, 25571, 26724, 26726, 26737, 26759, 28968; ф. 130, дд. 6350, 11566 (т. 1, 2), 13199, 15093 (т. 1).
5. ФЭГА, ф. 129, дд. 2073, 17883, 18117, 18747, 25445, 26609 (т. 1), 26734, 26735, 26756, 28314, 28965 (т. 1); ф. 130, дд. 3799, 6122, 6350, 8664, 12306, 15049.
6. ФЭГА, ф. 129, дд. 1444, 25418, 26609 (т. 3), 26759; ф. 130, дд. 1663, 11566 (т. 1), 13305.
7. ФЭГА, ф. 129, дд. 26759. ф. 130. д. 11566 (т. 1, 2).
8. ФЭГА, ф. 129, дд. 26737, 26760 (т. 1, 2).
9. ФЭГА, ф. 130, д. 1663.
10. ФЭГА, ф. 29, дд. 1444, 26753, 26756, 26759; ф. 130, д. 1663.

ЕВГЕНИЙ КАЛЬЮНДИ

РУССКИЕ В ШАХМАТАХ ЭСТОНИИ В XX ВЕКЕ

В энциклопедических словарях шахматы называются игрой. В словаре современного русского языка это – игра на доске, разделенной на 64 светлые и темные клетки, между 16 белыми и 16 черными фигурами по установленным для них правилам передвижения. Во французском «Ларуссе» это – игра на доске в 64 клетки посредством 32 фигур различной ценности, в «Уэбстере» на английском языке говорится об игре чистого искусства посредством фигур, передвигаемых поочередно игроками, пока король одной из сторон будет так атакован, что не сможет быть защищен.

Один из ярчайших шахматистов современности Давид Бронштейн говорит об этом так: шахматы вовсе не игра на доске, не фигуры и клетки, а отрасль культуры, которая по содержанию представляет собой искусство, а по форме – многочисленные способы общения коллективов и личностей. В понятие «шахматы», толкуемой как отрасль культуры, входят, во-первых, публичные мероприятия (индивидуальные и командные соревнования, сеансы одновременной игры, лекции, игра вслепую); во-вторых, любительские, домашние или клубные встречи; в-третьих, решение задач и этюдов (шахматная композиция); в-четвертых, шахматная литература и периодика; в-пятых, теория шахмат с ее элементами – стратегией, тактикой, техникой, дебютами, окончаниями; в-шестых, история шахматной мысли; в-седьмых, связь шахмат с науками – кибернетикой, теорией математических игр, теорией графов, логикой, психологией; в-восьмых, заочные шахматы (по переписке, по Интернету, телефону, радио, телеграфу)... А сегодня шахматист без базы данных и своего компьютера прямо-таки немислим! [9].

Простите за столь длинное введение, но мне хотелось уточнить, о каких шахматах здесь пойдет речь. Я говорю не о той игре, в которую играют в парке или поезде, а о шахматах как явлении культуры, переходящем сегодня в профессионализм. И, более конкретно, – о шахматах среди русских в Эстонии в двадцатом веке.

И все же придется сделать еще одно отступление.

До XVII века в Эстонии русского населения практически не было. После Северной войны здесь, как и во всей Прибалтике (т. е. в Эстонии и в Латвии), долгое время сохранялось т. н. «Остзейское особое положение», и русское население было здесь незначительным.

В то же время шахматы известны здесь были со стародавних времен. При археологических раскопках шахматные фигурки обнаружены в Раквереском замке, на месте францисканского монастыря в Вильянди [8], на месте Молодежного (ныне – Городского) театра в Таллинне (на ул. Айда) [4]; много фигурок было найдено при раскопках замка в столице Ливонского ордена Цесисе. В тринадцатом веке в домини-

канском монастыре св. Екатерины монах Маврикий в своих проповедях приводил аллегории на темы шахматной игры - назидательные истории, с которыми он познакомился во время учебы в Париже. В начале второй четверти XIII века магистр всего Немецкого ордена Вернер фон Орзельн запретил прусским и ливонским рыцарям играть в карты и кости, но разрешил шахматную игру. Около 1350 года ректор тартуской домской школы Штефан перевел с латыни на средненижнегерманский язык популярную в те времена шахматную поэму (содержащую мораль о победе добра над злом) доминиканца из Ломбардии Якобуса Цессолы и преподнес ее тартускому епископу (поэму из 5886 стихов издало в 1883 году в Тарту отдельной книжкой Ученое эстонское общество) [6]. Множество упоминаний о шахматах содержится и в материалах XVI века – и в завещаниях граждан, и в шедеврах таллиннских ремесленников, для которых изготовление комплекта шахмат являлось экзаменационной работой, а также в распоряжке Таллиннской Большой гильдии и в известных записках путешественника Адама Олеария, где он говорит, что в шахматы играют в Таллинне, Тарту и Нарве, что подтверждал и следовавший с Олеарием известный немецкий поэт Флеминг [7].

В эту в шахматном отношении благоприятную среду попадают постепенно и приезжающие сюда русские.

Первый контакт здешних шахматистов с Петербургом отмечен уже в XVIII веке. Известно, что Карл Филип Амелунг (из Выйзику в южной Эстонии) играл в шахматы с князем Потемкиным [3]. В 1838-1839 годах была сыграна одна из первых в мире партий по переписке между Тарту (играл один из сильнейших шахматистов века Кизерицкий [5], которого позже во Франции называли «сильным русским шахматистом») и Петербургом (играл известный русский шахматный мастер и теоретик Яниш) [3]. Во второй половине XIX века в Пярну (а с 1879 года – в Риге) жил сильный шахматист Андрей Ашарин [13], который был известен также и как писатель и переводчик (в т. ч. и Пушкина) на немецкий язык.

События двадцатого века, о котором мы сегодня говорим, следует начинать с 1897 года, когда лучший российский шахматист и один из сильнейших шахматистов мира Чигорин посетил Таллинн по пути домой после участия в международном турнире в Берлине (позже, во второй раз, он приезжал сюда в 1903 году). 4 и 5 октября 1897 года великий русский шахматист выступал с сеансами одновременной игры в Ревельском клубе. В связи с этим событием у местных любителей возникла идея создания своего шахматного кружка.

Постепенно появляются и местные русские шахматисты. Первым среди них хочется назвать Г. Волченко, который был одним из инициаторов создания в 1903 году русского шахматного общества. Общество было названо именем Михаила Чигорина. Председателем его стал Н. Тихменёв, секретарем – Волченко. Вначале шахматисты собирались на квартирах, а с 1905 года они получили постоянное место для сборов в гостинице «Золотой лев» на улице Харью (здание разрушено при бомбардировке Таллинна в марте 1944 года). Волченко участвовал в Балтийских турнирах (без

особого, правда, успеха). По инициативе этого общества стали проводиться турниры Эстляндской губернии. Сохранился написанный великолепным каллиграфическим почерком рукой самого Волченко сборник партий первого Эстляндского турнира, состоявшегося на пасху 1905 года с 18 апреля по 5 мая (хранится в библиотеке Таллиннского шахматного центра Пауля Кереса) [12]. Эстляндские турниры продолжались вплоть до 1910 года, как, впрочем, и деятельность самого Общества Чигорина. Волченко к этому времени переехал в Варшаву, а без него, видимо, не нашлось ему достойной замены.

Для истории деятельности русских шахматистов ценны подаренные В. Архангельским (через Н. Лесную) Историческому музею «Записки о шахматной игре» одного из членов чигоринского кружка Константина Бежанинского, юриста по профессии. Среди шахматистов кружка можно отметить еще М. Мясоедова из Раквере, А. Хмелевского, В. Онуфриева, Ю. Терлецкого из Таллинна. Кстати, в 1904 году был отпечатан и издан типографским способом Устав чигоринского общества на 19 страницах.

Говоря о дореволюционном периоде и русских шахматистах в это время, следует добавить, что в 1908 году была издана книжечка по шахматной композиции: Орест Евещкий, 125 шахматных задач. Юрьев, 1908 [10]. Известность Евещкого как составителя шахматных задач выходила за пределы Эстонии: он участвовал в международных конкурсах составителей. Отмечу, что имя Евещкого довольно часто мелькало на страницах эстонской печати и в годы первой Эстонской Республики (например, в газете «Пяэвалехт» в 1929 году). И сегодня еще его задачи оставляют хорошее впечатление.

Можно сказать, что в начале XX века в Эстонии не было ни одного по-настоящему сильного шахматиста из русской среды (сравнимого, например, с упомянутым выше Ашариным).

Правда, в изданном в 1965 году первом томе по истории шахмат в Эстонии говорится, что в 1905 году в Йыхви жил и работал (лесником?) один из известнейших в мире составителей шахматных этюдов Алексей Троицкий. Однако никаких подробностей об этом человеке до сих пор найти не удалось.

В межвоенный период отмечается некоторая деятельность в области шахмат в русских обществах. Например, известно, что в обществе «Витязь» существовал шахматный отдел, принимавший участие и в общеэстонских командных первенствах. В Нарве выступало (и принимало участие в первенствах страны) общество «Святогор». Выдающихся русских шахматистов это время не дало, в то же время появляются шахматисты хорошего «среднего уровня». Так, к примеру, в международных встречах Таллинна и Хельсинки постоянно играют Г. Недзвецкий (известно, что он жил в Копли, а в упомянутых матчах выступал на довольно высоких досках; любопытно, что ему удалось в 1930 году на международном турнире в Таллинне победить гроссмейстера Е. Боголюбова, входившего в элиту мировых шахмат), М. Рождественский (который на первом первенстве Эстонии в 1924-25 годах занял третье место). С 1934 года начинает встречаться фамилия Н. Чернова (сменившего позже фамилию на «Ганура»). В

различных соревнованиях предвоенного периода можно встретить множество русских фамилий (таллиннцы Хомяков, Кусков, Петров, Ларюков, Голиков, а также Сыстриков из Тарту, Румянцев из Нарвы и Александров и Михайлов из Раквере и др.).

Любопытно отметить, что большим любителем шахмат был работавший в Тартуском университете известный деятель культуры Б. Правдин, который принимал участие в сеансах одновременной игры против посещавших Тарту гроссмейстеров.

В последние годы предвоенной эстонской независимости впервые в эстонских шахматах появляется фамилия А. Е. Гильдебрандта, выпускника таллиннской русской гимназии, эмигрировавшего в конце войны в Швецию (проживающего и сегодня там и время от времени посещающего Эстонию) и ставшего мировым именем в области шахматной композиции; всякое упоминание о нем как «яром антисоветчике» в советской печати было строго запрещено. Из русских имен в этот период встречается фамилия Шилова, занявшего в 1943 году девятое место на первенстве Тарту. Его фамилию можно позже встретить среди участников первенств зарубежных эстонцев в 1954 и 1955 годах в Монреале, где он дважды занимал первое место. Кстати, о нем говорится, что он родом из Синди из семьи русских эмигрантов. Здесь же упомяну другого многократного чемпиона Эстонии в эмиграции Ивана Романенко (из Таллинна), известного скрипача, выступавшего и на некоторых открытых первенствах Соединенных Штатов. Эстонский зарубежный шахматный журнал признавал его бесспорным лидером эстонских шахмат в изгнании. В тех же эстонских турнирах за океаном принимал участие еще и некий Тимченко. Наконец, следует назвать еще одно имя – Игоря Кулламаа, наполовину русского. Он начинал играть еще до войны (был школьным другом умершего недавно в Новой Зеландии международного мастера Ортвина Сарапуу, двадцатикратного (!) чемпиона этого островного государства и участника многих Всемирных шахматных олимпиад и множества крупных турниров). Кулламаа участвовал во многих соревнованиях в Эстонии и еще сегодня, будучи уже ветераном, продолжает оставаться сильным шахматистом [11].

Совершенно иначе следует рассматривать участие русских в шахматной жизни послевоенного периода. В самом начале этого времени можно отметить участие в соревнованиях ряда прибывших сюда военнослужащих (Поляков, Валдаев, Горячев, Иванов и ряд других), пребывание которых было здесь временным. Вскоре их имена пропали из таблиц в эстонских турнирах. Исключением был, пожалуй лишь «старший матрос» Павел Кондратьев, впоследствии сильный ленинградский мастер и автор шахматных книг высокого качества. В 1946 году он стал чемпионом Таллинна, в 1947 и 1948 годах был серебряным медалистом на первенстве Эстонии, а в 1949 году занял там же третье место. Он выступал и в командных соревнованиях за коллектив республики.

В дальнейшем здесь жили короткое время сильные советские мастера Корчмарь и Жуховицкий. Из местных молодых шахматистов в это время начинает звучать имя умершего недавно Владимира Рождественского, впоследствии спортивного журналиста, который в следующие полстолетия являлся постоянным участником сильных тур-

ниров в Эстонии, неоднократным чемпионом Таллинна и даже медалистом первенства Эстонии. А в 1951-1953 годах он участвовал впервые в первом первенстве Эстонии по переписке, и в следующем, втором первенстве, стал уже чемпионом Эстонии. Впоследствии международная шахматная федерация ФИДЕ присвоила ему звание международного мастера по переписке. В это же время из местной русской среды начали выступать Е. Виноградов, ныне здравствующий В. Гарбер, ставший впоследствии доктором философии В. Хютт, Р. Киммельфельд (впоследствии мастер спорта и тренер сборной Москвы).

Говоря о последних сорока годах XX столетия нет смысла заниматься перечислением множества фамилий. Для этого имеется ряд причин. Первой из них можно назвать то, что, в отличие от довоенного периода, уже не существовало отдельно русских шахматных обществ и шахматная жизнь протекала в это время единым потоком. Во-вторых, количество шахматистов русского происхождения все возрастало и механическое их перечисление не является одновременно мерилем вклада их в общую шахматную культуру. Да и – «лицом к лицу лица не увидать» – для настоящей оценки вклада каждого из них требуется некоторая временная дистанция.

Поэтому для заключительных десятилетий века ограничусь лишь некоторыми обобщениями и назову несколько наиболее известных имен.

Первой среди всех хочется назвать Ларису Вольперт, которая проживала некоторое время в Тарту и в 1955 году приняла участие в (мужском) первенстве Эстонии (не закончив, правда, его). Л. Вольперт – международный гроссмейстер, трехкратный чемпион СССР среди женщин, участница ряда циклов на первенство мира. Сейчас Лариса Вольперт – доктор филологических наук, известный во многих странах ученый из Тартуского университета. После переезда на постоянное жительство в Тарту она перестала принимать участие в турнирах на высоком уровне, но время от времени продолжала выступать за команду Тарту [13].

В настоящее время в сборной Эстонии вторым шахматистом страны является гроссмейстер Михаил Рычагов, в олимпийскую сборную входили или входят международный мастер Александр Вейнгольд, а также Сергей Зюкин (уже однократный чемпион страны), Роман Сергеев (все – из Таллинна) и Владимир Жаворонков из Нарвы. Среди женщин высокие места (даже второе) на первенстве СССР занимала Татьяна Фомина, участвовавшая и в розыгрыше мирового первенства, международным мастером является Моника Цыганова (Таллинн), начавшая свой спортивный путь в Кохтла-Ярве.

В настоящее время число русских шахматистов в стране все увеличивается. Все больше русских мальчиков и девочек приходит в шахматные школы. Приведу такой пример: летом 1998 года я был представителем эстонской юношеской сборной на первенстве Европы в Австрии. В команде из 10 участников лишь один был эстонцем!

Хотелось бы добавить еще, что определенную роль в развитии русских шахмат сыграл ветеран Йоханнес Тюрн, с 1923 по 1930 год, а также в 1941 году – чемпион

Эстонии, трижды участвовавший в составе сборной Эстонии на Шахматных олимпиадах (в 1936, 1937 и 1939 годах), когда Эстония заняла третье место в мире. Он, владевший в совершенстве русским языком, перевел на русский язык ряд великолепных шахматных книг гроссмейстера Пауля Кереса, что также явилось определенным вкладом в здешнюю русскую шахматную культуру.

Литература

1. Amelung, F. Zur baltischen Schachgeschichte // Baltische Schachblätter, h. 6, Berlin, 1898.
2. Kaljundi, J. Malest Vanas Tallinnas // Vana Tallinn, III (VII), Tallinn, 1993.
3. Kerkovius, P. Friedrich Amelung // Baltische Schachblätter. H. 11, Riga, 1908.
4. Lange, K., Tamm, J. Archäologische Untersuchungen in der Tallinner Altstadt in den Jahren 1983-1984 // ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused. 1985, nr. 34, kd. 4, tahvel XXXII 11/10.
5. Lisowski, T., Maciej, B. Zagadka Kieseritzkyego. Sylwetka wybitnego szachisty I polowy XIX wieku. Fakty, partie, komentarze. Warszawa, 1966.
6. Meister Stephans Schachbuch. Ein mittelniederdeutsches Gedicht des vierzehnten Jahrhunderts // Separatabdruck der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Band XI. Dorpat, 1883; Schlater, W. Meister Stephans Schachbuch. Glossar // Verhandlungen der Estnischen Gelehrten Gesellschaft. Band XIV, Dorpat, 1885; Amelung, F. Meister Stephan von Dorpat und sein Schachgedicht // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1883.
7. Nottbeck, E. v., Neumann, W. Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval. Reval, 1897.
8. Selirand, J. Über die Untersuchungen des Franziskanerklosters in Viljandi // ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused. 1982, nr. 31, kd. 4, lk. 200. Tahvel XXII, 4-8.
9. Бронштейн Д., Смоляр Т. Прекрасный и яростный мир. Субъективные заметки о современных шахматах. Москва: Знание, 1977.
10. Евецкий О. 125 шахматных этюдов. Юрьев, 1908.
11. Кулламаа И. Шахматный ход в «долину без жизни» // Вышгород. 1999, № 4-5.
12. Первый эстляндский шахматный турнир. Сборник партий турнира. Составитель – секретарь ревельского шахматного общества Чигорина В. П. Золченко (рукопись).
13. Шахматы. Энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990.

В статье также использована фактография из книги "Male Eestis", Tallinn: Eesti Raamat, 1965, и в меньшей мере – из последующих томов этого неперидического издания, а также периодическое издание эстонских шахмат за рубежом "Eesti male" (Estonian Chess Magazine), New York. New Yorgi Eesti Haridus-Seltsi Maleklubi, 1959-1975. Много приведенных фактов основаны на личных воспоминаниях автора.

ИРИНА КЮЛЬМОЯ

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЯЗЫКА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ

Современное состояние языка русской диаспоры Эстонии во многом определяется ее историей, тем, как и в каких условиях складывалась диаспора и, разумеется, тем, каков ее состав сегодня. С этой точки зрения существующая русская диаспора Эстонии делится на две количественно неравные части: немногочисленное компактно проживающее, в основном старообрядческое, население Западно-го Причудья, появившееся здесь в конце XVII – начале XVIII века, и остальное русское население, значительная часть которого поселилась в Эстонии сравнительно недавно, с послевоенного времени, и живет компактно в северо-восточной части страны. Оставшуюся же часть можно охарактеризовать как расселившуюся дисперсно, хотя в крупных городах – Таллине, Тарту и Пярну – тоже есть районы, где проживают преимущественно русские.

Появление русского населения в Эстонии относят в основном к XVII веку. Сначала это были купцы, поселявшиеся в таких торговых центрах, как Нарва и Тарту, затем в Восточной Эстонии появляется довольно значительное число русских крестьян, рыбаков и ремесленников, а в конце века на побережье Чудского озера возникают целые деревни русских старообрядцев, бежавших из России от преследований официальной православной церкви после никонианских реформ.

Постоянные поселения старообрядцев в Причудье формируются к концу 1730-х годов. На западном побережье Чудского озера возникают три группы старообрядческих поселений, из них одна – на острове Пийрисаар. Старообрядцы могли жить здесь относительно изолированно и сохранять свое вероисповедание, ибо соседи-лютеране считали раскол внутренним разногласием русской церкви и не вмешивались в отношения староверов и сторонников реформ. К концу XIX века состав старообрядческого населения Причудья стабилизируется, чему содействуют также экономические причины [7, 78]. Из-за отсутствия пахотных земель и плодородных почв жители региона получают свой доход от занятий огородничеством, рыболовством и отходничеством (строительными работами в городах), такое их положение не привлекает новых переселенцев. Массовая миграция прекращается, в дальнейшем население увеличивается только за счет естественного прироста и достигает максимальной цифры – 8000 – к началу второй мировой войны.

В послевоенный период число жителей сокращается. По данным переписи населения 1989 года, в городах Муствеэ и Калласте, в волостях Рая, Пейпсияэре и Пийрисаар проживало 6085 человек, из них русских – 67 % (4078 человек), эстонцев –

30 % (1808), других национальностей – 3 % (199). 87 % русских (3547 чел.) родились в Эстонии, это в основном потомки старообрядцев [1, 1170].

Население этого региона составляют преимущественно жители поселков и маленьких городков, которые сохранили в качестве родного русский язык. В то же время 46 % русских в нем свободно владеют эстонским, совсем не владеют только 3 % (в среднем по стране, по данным переписи 1989 года, только 15 % русских свободно владели эстонским, в последние годы это соотношение, несомненно, изменилось: русских, владеющих эстонским языком, стало гораздо больше). Следует отметить также, что и среди эстонцев Причудья процент свободно владеющих русским языком был значительно выше (44 %), чем в среднем по стране (30 %), таким образом, можно говорить о ситуации массового билингвизма [по данным 1, 1173].

Второй языковой особенностью региона является сохранение в той или иной мере старообрядческих говоров, по ряду черт сходных с псковскими, но в то же время отличающихся от них, прежде всего в силу их функционирования в иноязычном окружении. С псковскими говорами их сближает недиссимилативное аканье и яканье. Следует отметить, что влияние эстонского языка на русские говоры Западного Причудья было значительно меньшим, чем на говоры Северного, которые к настоящему времени практически исчезли. В Западном Причудье это влияние проявляется в основном на лексическом уровне (например: *редель* – приставная лестница, из эст. *redel*; *люнчик* – подойник, из эст. *lõpsik*; *кельжи* – сани, санки, из эст. *kelk* и др.), не касаясь грамматики. Кроме того, есть целый корпус слов, вообще не затронутый таким влиянием – конфессиональная лексика.

Воздействие иноязычного окружения было более значительным на севере и юго-западе Причудья, в деревнях Обозерья (побережье Псковского и Теплого озер), где оно заметно как в лексике, так и в фонетике (/среднее) и морфологии (употребление глагольного вида). Правда, говоры сохраняются преимущественно в речи старшего поколения, в речи молодежи наблюдаются лишь диалектные вкрапления, ощутимо также сильное влияние просторечия. Приблизительно так можно охарактеризовать ситуацию с языком старожильского русского населения Эстонии.

Функционирование русского языка в остальной части Эстонии подчиняется несколько иным закономерностям. По данным переписи 1989 года, на северо-востоке, в Ида-Вирумаа, проживало 32,6 % русских – 154354 человека [2], большая часть их приехала сюда после второй мировой войны с одним из миграционных потоков 1946-1950-х или 1970-х годов. Подавляющее большинство этих людей не имело ранее никаких связей с Эстонией, местный уклад жизни и обычаи были для них непривычны. Основная масса приехавших поселялась в Таллинне и промышленных центрах северо-востока, где в ряде городов почти не стало эстонского населения (например, в Нарве русские составляют 85 % жителей).

В 1989 году 90 % всех приехавших жили в городах и составляли 40 % городского населения страны [там же]. Многие из этих людей, особенно направленные сюда по

распределению после окончания вузов, не задерживались в Эстонии, состав этой группы населения не был стабильным.

В 90-х годах, после распада СССР, русское население Эстонии оказалось в новой и необычной для себя ситуации – диаспоре. Это коснулось и тех, кто приехал в страну сравнительно недавно, и тех, кто родился здесь и прожил в Эстонии значительную часть жизни, и даже немногочисленных потомственных граждан страны. Связи двух последних групп с Россией были уже достаточно слабыми. В то же время эти люди стали иностранцами на своей родине, ощущение неприкаянности неизбежно порождало кризис идентитета. Эти факторы отличают современную русскую диаспору в бывших союзных республиках от той, что возникла во многих странах Европы и Азии после Октябрьского переворота в России. Следует учитывать и то обстоятельство, что тогда эмигранты уезжали в другие государства и были психологически готовы приспособиться к государственному устройству, быту и языку другой страны. Современная диаспора сложилась в результате распада одного государства и возникновения новых, тогда как вся предшествующая миграция была внутригосударственной.

С точки зрения характеристики языка важно и то обстоятельство, что эмиграцию 1920-х годов составляла преимущественно интеллигенция, владевшая литературным языком, сильным стимулом для развития и сохранения которого служило полное отрицание советского языкового стандарта. Выходили газеты, издавались книги, работали известные писатели. Тем не менее, наблюдалось замедление языкового развития, происходила определенная консервация языка. С. И. Карцевский говорит также о формировании особого арго со значительным количеством «заимствований из языка той страны, где обосновалась данная категория эмигрантов» и видит в этом серьезную лингвистическую проблему, заслуживающую внимания и исследования [3, 43].

Спустя 70 лет диаспора оказалась иной. По данным переписи населения 1989 года, из 1000 русских, живущих в Эстонии, 133 имели высшее, 203 – среднее специальное образование [2]. Однако люди, получившие советское среднее специальное, а порой и высшее образование, особенно техническое, далеко не всегда владели корректным литературным языком. Среди приехавших были представители самых разных регионов страны, их речь содержала элементы разных говоров, городского просторечия и т. д. Косвенное воздействие этих факторов прослеживается и сейчас.

Позитивное влияние оказывали относительно тесные контакты с языком метрополии, как личные, так и через средства массовой информации. Язык СМИ был строго нормированным, это касалось и передач на русском языке эстонского радио и телевидения. Если не принимать во внимание сверхидеологизированное содержание передач и советский бюрократический стиль со множеством эвфемизмов, то в целом влияние СМИ на культуру речи было положительным в отличие от современной ситуации, когда печать и эфир заполнены неоправданно большим количеством разговорных и просторечных элементов, сленгизмов и варваризмов. Нормирующая функция СМИ практически исчезла. На существующие в Эстонии СМИ на русском языке, кроме

упомянутых факторов, оказывает сильное влияние еще и государственный язык. Исследования, проведенные при кафедре русского языка Тартуского университета, позволяют говорить о целом ряде особенностей, отличающих язык русских СМИ Эстонии от языка СМИ России.

Наиболее заметны отличия, обусловленные влиянием эстонского языка. Это прослеживается на примерах употребления латиницы в русском тексте в названиях фирм, учреждений, организаций, в названиях газет и журналов, которые, в отличие от традиции десятилетней давности, больше не транслитерируются. Названия латиницей появились и в российской прессе, но там они, как правило, встречаются в рекламе, тогда как в русской периодике Эстонии такие вкрапления могут встретиться практически почти в любом публицистическом жанре: в репортаже, хроникальной заметке, интервью, реже, быть может, лишь в очерке. Например: *владелец хельсинкской Hartwal-Arena* (Молодежь Эстонии, 20.10.2000, далее – МЭ), *здание строит эстонская фирма "Merko Ebitus" по заказу "SRV Kinnisvara"*; *как сообщил BNS пресс-секретарь МИД Эстонии* (МЭ 18.02.2000) [подробнее об этом также 6, 90-91].

С одной стороны, латинский шрифт в русском тексте затрудняет чтение, с другой, – употребление его в основном оправдано: он облегчает идентификацию фирмы или организации, что было бы сложно при транслитерированном написании. В то же время довольно часто вкрапления латиницей вряд ли можно признать уместными, как в примере: *Потерявший управление Mercedes врезался в придорожное дерево* (МЭ, 18.02.2000), где распространенное название марки машины, давно ставшее употребительным в русском написании, почему-то сочли необходимым дать в такой форме. Следует заметить, что в написании марок автомобилей и выпускающих их фирм нет единообразия не только в разных газетах, но даже внутри одного текста в одном и том же номере газеты (ср. День за днем, 4.08.2000.).

Своеобразие языка русских газет Эстонии проявляется и в синтаксисе предложения и текста, где наиболее очевидные случаи – интерферирующее влияние эстонского порядка слов, союзных средств, управления, неправильная сочетаемость лексем: *каждое решение, касающееся детей, не должно усугублять сложившуюся на сегодняшний день ситуацию*; *она скорее касается свободного временипровождения детей* (МЭ, 20.10.2000). Русскоязычные газеты Эстонии по некоторым показателям ближе к эстонским газетам, а не к российским, а именно: здесь больше вводных слов, указывающих на источник информации или на внутритекстовые связи, тогда как в российской прессе доминируют вводные слова, выражающие оценку или отношение автора, что свидетельствует о большем стремлении русских газет Эстонии к объективности и меньшем – к оценочности [4, 172].

Общей тенденцией в наше время в СМИ многих стран является расширение сферы употребления разговорной речи и просторечия. Вообще, как отмечалось, язык диаспоры обычно более консервативен в своем стремлении сохранить «правильность, литературность», чем язык метрополии, что приводит к некоторой законсер-

виновности, архаичности, но в данном случае это оказывается в определенной мере положительным свойством, ограничивающим вторжение разговорных и просторечных выражений в печать. Тем не менее, примеры такого вторжения встречаются: *остается только надеяться, что участие в мероприятиях ... общественных деятелей и политиков ... привлечет внимание правительства и ... сподвигнет их на какие-нибудь конкретные действия* (МЭ, 20.10.2000).

Если попытаться определить тенденции, характеризующие развитие русского языка нашей диаспоры, то следует обратить внимание прежде всего на устную речь, звучащую в повседневном общении и в средствах СМИ – на телевидении и радио, ибо именно спонтанная устная речь является гибкой, динамичной и поэтому подверженной изменениям системой, которая влияет и на кодифицированный литературный язык. Проведенное по заказу программы «Радио 4» (программа эстонского радио на русском языке) прослушивание передач (215 часов) и сравнение с результатами такого же прослушивания 1994 года выявило следующую картину.

Одной из самых распространенных ошибок при обоих прослушиваниях было неправильное ударение, встречающееся и в передачах слышимых в Эстонии радиопрограмм России: *ходятА́йствовать* вместо *ходятА́йствовать*; *собрА́ла* вместо *собра́ла*; *зА́йм* вместо *заё́м*; *кОрысть* вместо *коры́сть* и др. Однако наиболее показательны не эти ошибки, а различные синтаксические – неряшливо построенные предложения и словосочетания с неверным согласованием в числе (*часть пожарников ста́ли гаси́ть*), неправильным употреблением союзов (*ближе к русским, не́жели чем к эсто́нцам*) или неправильным управлением (*на бо́льшинстве автозаправочных ста́нциях этого́ города Росси́и; обмен о́пыта* вместо *обмен о́пытом*).

В ряде случаев некорректно употреблены причастные и деепричастные обороты, при употреблении деепричастий подчас забывают о правиле единого для личной формы глагола и деепричастия субъекта действия, что может быть ошибкой носителя языка, но может быть обусловлено и эстонским влиянием. Понятно, что в радиопередаче мы часто имеем дело не с подготовленным текстом, а со спонтанной разговорной речью, для которой характерны и самоперебивы, и повторы, и преобладание бессоюзных конструкций и другие свойственные неподготовленной устной речи особенности. В то же время ведущий должен донести свою мысль до слушателей, сделать ее понятной и воспринимаемой на слух, поэтому именно синтаксис должен быть корректным в первую очередь. Но, как оказалось, именно он подвергается разрушению прежде всего. В языке радиопередач это, по-видимому, объясняется тем, что ведущие, как правило, люди с высшим образованием, стараются избегать, например, кáлек (прямых переводов с эстонского), в определенной мере сознательно регулируя свое словоупотребление.

Разрушение же синтаксиса, проникновение чуждого русскому языку порядка слов, неправильного управления, употребление разговорных и просторечных

конструкций происходит не столь явно, говорящий сам не замечает этого или не задумывается над этим, между тем количество ошибок именно такого типа за последние пять лет увеличилось. Думается, что этот факт свидетельствует об определенной тенденции.

Несколько неожиданными были ошибки в употреблении вида глагола у авторов, для которых русский язык явно родной. Обычно их допускают иностранцы, не владеющие русским языком в совершенстве. Неправильное употребление самой характерной для русского языка и других славянских языков грамматической категории, возможно, случайность, обусловленная спонтанной речью или просто оговорками и вряд ли позволяющая говорить о неустойчивости категории, однако в некотором отношении она все же показательна и требует еще исследования.

В сфере устной речи у нас есть также наблюдения над сленгом русской молодежи Эстонии. Естественно, в нем много общего с молодежным сленгом России, по крайней мере, если судить по имеющимся словарям сленга. В частности, например, в сленге как России, так и Эстонии бросается в глаза обилие заимствований из английского языка.

В то же время сленг русских Эстонии отличается прежде всего заимствованиями из эстонского и многообразными дериватами на их основе. Варваризмы в сленге школьников часто употребляются для обозначения школьных реалий, при этом, как правило, они являются грамматически оформленными, т. е. «соотнесенными с грамматическими классами и категориями» [5, 37] русского языка: *классь*, *музыка*, *контрольтё* (*kontrolltöö* контрольная работа), *вихик* (*vibik* тетрадь), *пиналь* (*pinal* пенал), *келль* (*kell* звонок).

Характерны также суффиксальные образования от заимствований, к которым присоединяется русский суффикс, чаще всего диминутивный, т. е. происходит грамматическое освоение слова: *исик* (отец *isa+ик*), *лапсик* (ребенок *laps+ик*), *каксик* (*оценка* «два» *kaks+ик*), *кроники* (*kroon+ики*). Иногда наблюдается также грамматическая адаптация по аналогии с русским словом, как бы вторичное грамматическое оформление: *келлики* (*kell+ик+и*), ср. *plurale tantum* часы).

Представлены и другие суффиксы, не только диминутивные: *эстичка* (преподаватель эстонского языка из *eesti keele õpetaja*), *кюльмовато* (*külm+оват*). Реже встречаются универбы: *каубушка* (из *kaubamaja* универмаг), *эстикельша* (из *eesti keele õpetaja* – преподаватель эстонского языка).

Глагольные заимствования предполагают обязательное грамматическое освоение слова, суффиксы здесь облигаторны: *мытлить* (*mõtlema* думать; «Что ты мыт-лишь?»), *кыйкнуться* (1. закончить; 2. потерять рассудок, сойти с ума; 3. разбить; *kõik+ну+ть+ся*), *максовать* (*maksma* платить). Глагол *максовать* уже настолько «освоен» русским языком, что допускает различные варианты перфективов *замаксовать*, *отмаксовать* и два имперфектива *максовать* и *максать*. Встретились и весьма любопытные глагольные универбы: *сайтарить* (из формы 2 лица ед. ч. эст. перифрастического глагола *said aru* понял), ср. *айльбиякнуть* (из англ. *I'll be back*).

К сожалению, мы пока не располагаем другими записями разговорной речи, которая, несомненно, заслуживает более детального и глубокого исследования.

Таким образом, в развитии языка современной русской диаспоры Эстонии отчетливо прослеживается тенденция к изменениям под воздействием как эстонского языка, так и различных стилистических пластов и социолектов русского, последнее характерно, разумеется, и для языка метрополии. Тенденция к сохранению и некоторой консервации языка проявляется пока менее ярко, вероятно, прошло еще мало времени после установления новых государственных границ, не говоря уже о том, что процесс консервации более заметен извне, а не изнутри данного сообщества.

Литература

1. Berg, E. Kulu, H. Peipsivenelased // Akadeemia, 1996, nr. 6 (87), 1164-1183.
2. Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel. Tallinn, 1995.
3. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин, 1923
4. Костанди Е. Коммуникативная структура предложения и текста в русском и эстонском языках. // Emakeel ja teised keeled II. 18.-20. oktoober 1996. Ettekanded. Tartu, 1996. №. 165-173.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. Москва, 1968.
6. Кюльмоя И. Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000 С. 84-93.
6. Рихтер Е. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976

НАТАЛЬЯ ЛЕСНАЯ

О СОХРАНЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭСТОНИИ В XX ВЕКЕ

Процесс восстановления Эстонской Республики побудил местных русских к самостоятельному решению своих национальных проблем и проблем образования, так как Россия, не в первый раз ставшая для них иностранным государством, решать их более не может. Отсутствие опыта объединения многих повергло в растерянность. Первыми стали объединяться потомки местных русских, припомнившие опыт Эстонской Республики 20-30-х годов, с ними стали сотрудничать некоторые «советские» русские. Довольно быстро был найден общий язык. Для большинства же местных жителей, чьим родным языком оказался русский, возникшие проблемы стали проблемами русскоязычных людей.

Был период, когда эстонцам, да и русским тоже, казалось, что у русских в Эстонии нет ни корней, ни культуры. Фактически отсутствовала общедоступная информация по этому вопросу, а большая часть литературы и документов, из которых можно было хоть что-нибудь почерпнуть, лежала в спецхранах, только что открытых для исследователей, о чем многие люди даже не подозревали. Да и коренные русские в начале перестройки не спешили открывать посторонним свои, бережно хранимые, семейные архивы. Но при первом же, весьма поверхностном обзоре, выяснились весьма любопытные детали из жизни местных русских, которые дали основание говорить и о глубокой укорененности их на эстонской земле, и о многовековой культурной преемственности.

Впервые сосчитаны были податные русские Лифляндской [1] и Эстляндской [2, 116] губерний во второй половине XIX века. В пределах Эстонии их численность была более 25 тысяч при общем населении 882 тысячи человек [3, 43]. Это примерно 2,8 % от общей численности населения. В то же время культурно-просветительская деятельность русских приобрела общественный характер. Одним из проявлений самодеятельности русских стало учреждение Русских Общественных Собраний в Нарве в 1876 году [4] и в Ревеле в 1893 году [3]. Одно за другим создавались благотворительные, музыкальные, театральные, гимнастические, учительские, библиотечные и литературные общества и кружки.

В XIX веке местная русская культурная жизнь развивалась в тесном взаимодействии с российской, в XX веке это продолжалось до первой мировой войны и революции 1917 года. С образованием Эстонской Республики начался 20-летний

период изоляции местных русских от России, который способствовал консолидации русских и образованию более однородного общества к концу 30-х годов.

После подписания Тартуского мирного договора с Советской Россией Эстонская Республика получила территории с русским населением на правом берегу реки Нарвы (часть бывшей Санкт-Петербургской губернии) и с русско-эстонским (Печерский уезд бывшей Псковской губернии). В результате численность русского населения в Эстонии резко возросла, в основном за счет присоединенных земель, а также русских эмигрантов. В 1922 году русских в Эстонии было около 92 тысяч человек (8,2 % от общей численности населения), из них около 40 % проживали в Печорском крае, около 26 % – в Причудье и Принаровье, в крупных городах – около 20 %, остальные были разбросаны по всей территории республики [6, 69-70].

Основные силы русской интеллигенции в 20-е годы были направлены на то, чтобы дать молодежи русское образование и русское воспитание. В 1919 году эстонским правительством по просьбе русских была учреждена должность русского национального секретаря для решения вопросов образования и культуры при Министерстве просвещения [7]. Первым русским национальным секретарем стал А. К. Янсон. В 1923 году по его инициативе был создан Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии, впоследствии ставший самой массовой организацией русских.

В 1925 году по инициативе немцев был принят закон о культурной автономии. Представители русского национального меньшинства только в 1937 году подали прошение правительству с просьбой предоставить русским культурное самоуправление, но оно не было удовлетворено в связи со сменой Основного закона в стране [8]. Русская фракция в парламенте боролась за изменение закона об автономии, так как он не подходил русским, большинство которых компактно проживало в сельской местности на окраинах республики. Закон о культурной автономии был создан в расчете на небольшое национальное меньшинство, проживающее в городах [9, 118-128].

Фактически Союз русских просветительных и благотворительных обществ стал организацией, проводящей не только просветительскую работу, но и за неимением других структур подготавливающей условия для экономического подъема русских окраин [10]. В 1940 году эта работа была прервана.

Работа русских культурных, просветительных, благотворительных, спортивных и благотворительных организаций частично организовывалась и финансировалась государственными организациями, местными самоуправлениями и иностранными организациями. Так, например, большую помощь русским с 1920 по 1922 год оказывала американская организация «Христианский Союз Молодых Людей» [11]. Но даже в составе многонациональных международных организаций русские сохраняли свою национальную самобытность.

Большой проблемой для русского национального меньшинства стал уход от активной работы стареющей и умирающей русской интеллигенции [12]. Получившая

среднее образование в немногочисленных русских гимназиях молодежь часто не имела средств для продолжения образования в эстонских вузах. Открытые в 1923 году в Таллине Русские Политехнические курсы давали знания по программе высших технических учебных заведений России, но не давали диплома, как государственные учебные заведения Эстонии. Занятия проходили в помещении русской гимназии по вечерам. Днем же студенты зарабатывали себе на жизнь [13]. Это единственное русское высшее учебное заведение в Эстонии, по понятным причинам, не могло взять на себя задачу воспроизводства русской интеллигенции в полном объеме. Государственные же высшие учебные заведения готовили эстонские национальные кадры. Правда, были в этих вузах русские студенческие общества и корпорации, но по влиятельности они, естественно, не могли сравниться с эстонскими.

После 1934 года, когда были запрещены почти все политические партии, национальные культурные организации стали одной из немногих разрешенных форм общественной жизни. По инициативе снизу в Нарве в 1937 году и в Печорах в 1939 году прошли внегосударственные слеты русских хоров [14 и 15]. Они способствовали консолидации русского населения, но, естественно, не могли решить его культурных, образовательных и экономических проблем. После событий 1940 года местная русская интеллигенция сильно пострадала от репрессий.

В 1940 году были закрыты все русские организации, газеты и журналы. Информация о них долгие годы была закрыта в спецхранах. Надолго замолчала уцелевшая местная интеллигенция, подальше были убраны уцелевшие семейные архивы. Но тот факт, что в 1991 году в короткий срок удалось собрать материалы для выставки «Русская культура в Эстонии» в Историческом музее Эстонии, организовать передачи на радио и телевидении, наладить выпуск статей, а позднее и книг по истории русских в Эстонии, восстановить деятельность ряда закрытых в 1940 году русских организаций и открыть новые, свидетельствует о сохранении живой преемственности в культурной традиции, о восприимчивости к национальным формам развития культуры и тех русских, которые получили советское воспитание.

Автор надеется, что инициатива Русского исследовательского центра в Эстонии по созданию Биографического словаря, рассказывающего о лучших представителях местных русских и о тех представителях русского народа, которые внесли вклад в развитие культуры Эстонии, будет воплощена в жизнь. Тогда все увидят, какой вклад внесли эти люди в русскую, эстонскую и мировую культуры. Автор выражает свою искреннюю благодарность тем представителям эстонской интеллигенции, которые поддерживают сегодня культурные начинания русских или даже сами занимаются изучением и пропагандой лучших достижений русской культуры вообще и местной – в частности.

Литература.

1. Материалы для Этнографии России. Сост. А. Ф. Риттих. Прибалтийский край. XV, XVI, XVII. Санкт-Петербург, 1873. Статистическая таблица 1873 г.

2. Энциклопедический словарь «Брокгауз и Эфрон».
3. Советская Эстония. Энциклопедический справочник. Таллинн: Валгус, 1979. С. 43.
4. Нарвское Русское Общественное Собрание. Краткий исторический очерк. 1876-1926. Нарва, 1926.
5. Устав Ревельского Русского Общественного Собрания с изменениями, утвержденными 14.12.1893 и 2.12.1895. Ревель, 1898.
6. Пумпянский Л. Велико ли русское население Эстонии? // Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 1931, № 3-4. С. 69-70.
7. Riigi Teataja. 1919, nr. 44.
8. Вестник Союза ... 1938, № 11. Рубрика «Работа Союза».
9. Модеров Г. Э. О культурной автономии // Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 1931, № 8-10. С. 118-128.
10. См. материалы делегатских съездов Союза и экономических съездов: ЭГА, Ф. 2800 и Вестники Союза (1927-1940).
11. Созидательная работа среди русских в Эстонии. О 25-летней деятельности Американского Христианского Союза Молодых Людей русским людям в Эстонии. Подписана секретарем русского отдела Н. Ф. Федоровым. Без даты. Ревель.
12. Семенов Б. Положение просветительской работы в Печерском крае // Вестник Союза... 1930, № 10-11 С. 151.
13. ЭГА, 1784, О. 8, Д. 12. Воспоминания бывших студентов.
14. Всегосударственный слет русских хоров. Нарва, 1937.
15. 2-й русский певческий праздник в Эстонии / Под ред. М. Н. Шувалова, Н. Н. Пенькина, И. Ф. Соловского. Петсери, 1939.

ЮЗЕФ ЛИВШИЦ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАН ЭСТОНИИ И ИНОСТРАНЦЕВ

Одной из сложных проблем для русских людей после восстановления независимости Эстонии стало обретение легального статуса для дальнейшего проживания на территории государства. Речь не идет о тех, кто приобрел гражданство по рождению. Не имеются в виду и те, кто прибыл в Эстонию относительно недавно. Основной контингент русских, испытывавших на себе тяготы обретения легального статуса, состоит из людей, поселившихся в Эстонии в советское время и являющихся в юридическом смысле иностранцами.

Между тем, должна быть полностью исключена постановка вопроса о том, что эстонское законодательство устанавливает прямо и непосредственно дискриминационный подход по этническому принципу. Этнический фактор в правовом отображении представлен не дискриминационным курсом к национальным меньшинствам (в том числе и к русским), а приоритетной ориентацией по отношению к представителям титульной нации. И то лишь в трех отношениях: в виде определения цели государства как сохранение «эстонской нации и культуры на века» (преамбула Конституции), закрепления статуса эстонского языка как языка государственного (статья 6 Конституции), предоставления каждому эстонцу права поселиться в Эстонии (статья 36 Конституции).

Проблема, следовательно, перемещается из этнически-содержательной плоскости в плоскость формально-статусную. Юридическое значение приобретает не национальная принадлежность того или иного лица, а его отношения как личности с государством, и эти отношения не ставятся в зависимость от национальности.

Другой вопрос, что фактически значительная часть тех людей, для которых взаимоотношения с восстановленным эстонским государством приобрели проблемный характер, являются русскими, а если сказать точнее, – россиянами. В силу хотя бы количества и удельного веса русских среди неграждан и нелегализированных иностранцев, постоянно проживающих в Эстонии, приобретает значение не только текст, но и контекст правовых норм. Его возможно выявить путем так называемого исторического толкования норм права, производимого с учетом общественно-политической ситуации, когда принимались соответствующие законы, состояния массового сознания коренных жителей, находившегося под большим воздействием средств массовой информации, высказываний отдельных «болтливых» законодателей, делавших тайное явным.

Но все-таки текст правовых норм, отметим это еще раз, кроме названных приоритетных установок для титульной нации, этнически беспристрастен. Все это необходимо учитывать при анализе законодательных актов, закрепляющих конституционно правовой статус граждан и иностранцев, и, в первую очередь, – Конституции Эстонской Республики.

Ни одна из предыдущих Конституций Эстонии (1920, 1934, 1938 годов) не уделяла этому вопросу столь большого внимания, как ныне действующая. Свою роль сыграла необходимость на конституционном уровне отразить один из наиболее существенных ориентиров либерально-демократического пути развития Эстонии, принципиально отличающий его от того, что имело место при советском режиме. Важно также было развить традиции конституционного закрепления прав, свобод и обязанностей, заложенные еще первой Конституцией ЭР 1920 года. Существенное влияние оказал и мировой опыт развития прав человека, наполнившийся к концу XX столетия многими ценными приобретениями.

С другой стороны, на том, как в Конституции ЭР 1992 года решен вопрос о соотношении прав человека и прав гражданина, отразились конкретно-исторические особенности того момента, когда Эстония восстановила свою государственную независимость. В том числе и с учетом этно-демографической ситуации. Удельный вес титульной нации снизился до уровня 60 %. Сузилась сфера использования эстонского языка. Обеспокоенность за будущее нации нашла свое отражение в вводной части Конституции, где, как уже говорилось, целью восстановленного государства провозглашается обеспечение сохранности эстонской нации и культуры на века.

Нельзя сказать, что перечисленные обстоятельства оказывали свое воздействие на законодательное закрепление конституционно-правового статуса человек и гражданина в одном направлении. Напротив: образовались сложные противоречия между стремлением сделать, как должно быть (в соответствии с доминировавшей в то время идеологией), и учетом реальных возможностей новой жизни; между желанием реституции и необходимостью новаторских реформ; между заботами о судьбах эстонской нации и обоснованием прав человека безотносительно к его национальной принадлежности.

Перечисленные и многие другие противоречия наложили свой отпечаток на содержание второй главы Конституции.

Задача дать перечень прав, свобод и обязанностей человека и гражданина во всем их объеме и многообразии практически не может быть решена. Многие права, свободы и обязанности кратковременны, образуются по конкретному поводу в разнообразных житейских ситуациях. Имеется множество таких прав, свобод и обязанностей которые находятся за пределами правового регулирования.

Но и те права, свободы и обязанности, которые имеют юридическое значение, тоже не могут быть уложены в жесткий перечень. Эту невозможность предопределяют диспозитивные нормы. Многие, содержащиеся в нормах объективного права

положения, относящиеся к рассматриваемому вопросу, имеют «отраслевой характер» (имущественные, трудовые, брачно-семейные, в области предпринимательских отношений и т.п.). Таких прав неопределенное множество.

Учитывая невозможность полного перечня компонентов конституционно-правового статуса человека и гражданина, ст. 10 Конституции предусматривает, что перечисленные в главе второй права, свободы и обязанности не исключают иных прав, свобод и обязанностей, вытекающих из смысла Конституции или согласующихся с ним и отвечающих принципам человеческого достоинства, социального и демократического правового государства.

Тем не менее, глава вторая Конституции ЭР содержит положения, которые имеют исключительно большое значение для всей системы эстонского права. Основные права, свободы и обязанности отражены именно в нормах, которые включены в текст Конституции.

Термин «основные» означает, что нормы, в которых закреплены права, свободы и обязанности, обладают, как и Конституция в целом, высшей юридической силой. Кроме того, они «основные» еще и потому, что права, свободы и обязанности, устанавливаемые разными отраслями права, опираются на нормы главы второй Конституции ЭР.

Даже при беглом взгляде на эту главу видно, что нормы одних ее статей относятся к каждому человеку, а других – только к гражданам. Тем самым проводится различие между правами человека и правами гражданина. Иначе говоря, каждый гражданин Эстонии, имея свои основные права, обладает еще и правами человека. Но не каждый, кто располагает правами человека, может быть носителем прав гражданина. Различия прав человека и гражданина признаны во всем мире, и сделано это уже давно. Так что эстонская Конституция в этом отношении не составляет исключения.

Права человека в значительной части относятся к так называемому «естественному праву». Согласно соответствующей теории эти права появляются у человека при рождении, существуют до смерти, государство к происхождению естественных прав имеет лишь косвенное отношение. Оно не наделяет ими человека, а лишь санкционирует их наличие. Человек становится обладателем этих прав в силу естественного порядка вещей (с теологической позиции – по воле Бога, по естественно-познавательной – под влиянием законов природы и человеческого бытия). Закрепляя в Конституции такие права, государство придает им юридическое значение. Право, закрепленное в признаваемых государством источниках, в отличие от естественного права в его изначальном состоянии, называется позитивным правом.

Государство не должно лишать человека того, что ему принадлежит на естественном, а не только юридическом основании. Естественные права не должны быть отчуждаемы. Так, отказ Эстонии от смертной казни можно обосновывать наряду с другими и той причиной, что право на жизнь каждого имеет естественно-правовое происхождение.

Другой вопрос, что практика реализации идеи естественного права насыщена нарушениями прав человека и со стороны законодателей, и со стороны чиновников, часто оказывающихся совершенно бесконтрольными.

Права гражданина в большей части являются правами не естественными, а приобретенными. Они создаются государством для своих граждан, но эти права могут не предоставляться другим лицам. Государство имеет возможность расширять или сокращать контингент носителей того или иного приобретенного права. Например, установив, что избирать членов парламента могут только граждане, обладающие избирательным правом, оно в то же время предоставляет право избирать членов собраний местного самоуправления и иностранцам, отвечающим некоторым требованиям. Но быть избранными, как в парламент, так и в собрания местного самоуправления, могут только граждане.

Ограничение прав иностранцев – явление общепризнанное и имеет глубокие исторические корни. Но, как широко известно, проблема здесь существует, и она очень болезненна.

Многие иностранцы – это не вновь прибывшие на постоянное место жительства в Эстонию, а люди, прожившие на эстонской земле всю свою сознательную жизнь, а нередко – и родившиеся здесь. До восстановления независимости они в юридическом плане имели такие же права, как и коренные эстонские жители. Ограничение их прав в современных условиях ставит этих людей в униженное положение, а в социально-экономическом аспекте – часто обрекает на бедственное существование.

Серьезным же препятствием для получения эстонского гражданства являются высокие нормативные требования к знанию государственного языка (в последнее время эти требования смягчены). Ограниченный объем свободного времени для изучения языка, материальные затраты для оплаты обучения, субъективно-психологические преграды, часто обусловленные преклонным возрастом, а нередко и ущербными лингвистическими способностями – все это становилось труднопреодолимыми барьерами в забеге на дистанцию, которая называется «эстонское гражданство». В результате получилось, что почти на одну треть населения Эстонии не распространяются права граждан.

Практически грань между естественными и приобретенными правами весьма подвижна. Некоторым правам второй группы может придаваться статус неотчуждаемых прав (например, гражданство, полученное по рождению). У государства отмечаются тенденции перевести то или иное естественное право в разряд приобретаемых и начать распоряжаться, кому предоставлять такое право, а кого его лишать. Тогда речь может идти о нарушении прав человека со стороны государства, против чего с попеременным успехом ведут борьбу правозащитные организации как международного, так и внутреннего масштаба.

Если при определении статуса человека и гражданина принять в расчет нормы не только конституционного, но и ряда других отраслей права, то можно установить

довольно-таки дробную картину статусных групп людей, находящихся в Эстонии. Выделим эти группы.

1. ГРАЖДАНЕ ЭСТОНИИ

Принято считать, что гражданство – это устойчивая политико-правовая связь человека с государством, которой определяются их взаимные права и обязанности, установленные Конституцией и иными законами.

Различаются граждане трех разновидностей:

- ***граждане по рождению (получившие гражданство от родителей)***

Такое происхождение гражданства называется *филиацией*. Эта категория граждан обладает всей полнотой прав и свобод. Как уже говорилось, этих лиц ни при каких случаях нельзя лишить гражданства Эстонии. Президентом Эстонии может стать только гражданин по рождению. Наличие гражданства по рождению у супруга(-и), с которым брак существует не менее пяти лет и продолжается, дает право военнотружущему, уволенному из вооруженных сил иностранного государства, ходатайствовать о получении гражданства Эстонии;

- ***граждане, получившие гражданство по собственному или иному ходатайству и отвечающие требованиям введенных законом цензов***

Такое происхождение гражданства называется *натурализацией*. К натурализации примыкает *получение гражданства за заслуги*. В отличие от граждан первой группы «натурализованных» за проступки, перечисленные в законе, можно лишить гражданства. Дети натурализованных граждан так же, как и дети, относящиеся к предыдущей группе, приобретают гражданство с момента рождения, но при дополнительном условии. Они должны были появиться на свет после вступления в силу с 1 апреля 1995 года нового для того времени Закона о гражданстве.

Если для этого возникают основания, лишения гражданства не могут избежать и лица, получившие его за заслуги. Что же касается тех, кто *восстановил* свое гражданство, ранее утраченное в несовершеннолетнем возрасте, то их статус зависит от прежнего гражданства.

- ***граждане Эстонии по рождению, имеющие гражданство другого государства***

Таких граждан называют *бинатридами*. Хотя в Эстонии двойное гражданство не признается, но Эстонское государство не способно этих граждан заставить отказаться от гражданства другого государства под угрозой лишения эстонского гражданства. Принцип неприкосновенности гражданства по рождению закреплен не только в Законе о гражданстве, но, и что самое главное, – в Конституции. Всякие разговоры, которые ведут отдельные чиновники, по поводу однозначности для всех запрета иметь двойное гражданство, с конституционно-правовой точки зрения совершенно беспочвенны. На граждан Эстонии по рождению такой запрет не распространяется.

Бипатриды имеют дополнительные ресурсы в области прав и свобод. Например, с паспортом гражданина США можно в безвизовом порядке посещать значительно больше стран, чем с паспортом гражданина Эстонии. Можно находиться под защитой американского посольства, что в критических ситуациях становится немаловажным.

Одной из привилегий всех видов граждан, отличающих их от многих иностранцев в Эстонии, считается возможность безвизового посещения целого ряда государств. Летом 2000 года таких государств насчитывалось 26.

ИНОСТРАНЦЫ

Ранее приведенное определение гражданства можно встретить в учебниках, но не в законах. Законы, в том числе и Конституция ЭР, никакого определения гражданства не дают, оно как бы подразумевается. Но то, что тут подразумевается, – это важно, особенно, когда имеется в виду Конституция. В Основном законе все имеет серьезное значение: и его буква, и глубинный смысл его положений.

Конституция ЭР, не давая определения гражданства, не содержит также и определения иностранца. Это определение дает Закон об иностранцах от 8 июля 1993 года. Иностранцы определяются методом исключения. Все, кто не являются гражданами, но находятся на территории Эстонии или претендуют на это, считаются иностранцами.

Тем не менее, и в Конституции неоднократно говорится о гражданах иностранных государств и о лицах без гражданства, на которых распространяются те или иные основные права (см., например, статьи 9, 13, 30 Конституции ЭР). Путем грамматического толкования соответствующих статей Основного закона нетрудно установить, что слово «иностранных» является прилагательным к существительному «государств». Отсюда может быть сделан вывод, что иностранцами согласно смыслу Конституции считаются только граждане других государств, пребывающие в Эстонии. Тогда как к этой категории не относятся лица без гражданства.

Образуется коллизия (противоречие) между нормами Основного закона и нормой Закона об иностранцах, даже не относящегося к числу конституционных законов. Подобного рода коллизии должны всегда разрешаться в пользу конституционных норм.

Но практика, в том числе и Департамента по делам гражданства и миграции, идет по противоположному пути, отдавая приоритет не Конституции, а простому закону.

Если же следовать конституционному пониманию, то ни один апатрид не может быть привлечен к административной ответственности за нелегальное проживание и депортирован из Эстонии, так как он не является иностранцем. Получается так: или необходимо изменять Конституцию, или прекращать административные преследования нелегалов как иностранцев, незаконно пребывающих на территории Эстонского государства.

По Закону об иностранцах можно выделить несколько групп лиц, на которых распространяется действие закона:

- **иностранцы – граждане других государств, имеющие постоянный вид на жительство**

То, что эти лица имеют гражданство другого государства, открывает для них ряд дополнительных возможностей (прав) по сравнению с теми, кто такого гражданства не имеет. Например, право безвизового пересечения границы государства, гражданами которого они являются. Право получать защиту от «своего» государства. То, что они имеют постоянный вид на жительство в Эстонии, делает их обладателями прав, в максимальной степени приближенных к правам эстонских граждан.

- **иностранцы – граждане других государств, имеющие срочный вид на жительство**

По сравнению с предыдущей группой иностранцы данной категории могут быть обременены необходимостью получения разрешения на работу, проходить в последующем процедуру получения постоянного вида на жительство, при определенных условиях – продлевать срочный вид на жительство.

- **иностранцы, не имеющие гражданства никакого государства**

Такие лица называются *апатридами*. Апатриды должны получать особый паспорт – паспорт иностранца (alien's passport) сроком действия до 10 лет, куда делается отметка о срочном или постоянном виде на жительство. Правовое положение апатридов характеризуется несколько большими сложностями, чем иностранцев – граждан других государств (особенно при пересечении границы и пребывании на территории других государств).

Для всех иностранцев, проживающих в Эстонии на основании вида на жительство, введено ограничение для выезда за пределы государства. Их пребывание за границей свыше 183 дней в году возможно только тогда, когда они зарегистрируют продление срока нахождения вне пределов Эстонии. Крайней санкцией за невыполнение такого требования может стать аннулирование вида на жительство.

- **иностранцы, пребывающие в Эстонии на основании визы или разрешения на безвизовый въезд на территорию государства**

Визой является выдаваемое иностранцу разрешение на въезд на территорию Эстонской Республики через пограничный пункт, открытый для международного сообщения. Виза не требуется гражданину иностранного государства, с которым заключен договор о безвизовом передвижении, гражданину иностранного государства, в отношении которого Эстония в одностороннем порядке отказалась от требования визы, при оговоренных в законе условиях, например, участникам организованной туристической поездки. На перечисленных иностранцев распространяется юрисдикция Эстонского государства, но они не имеют право работать. Сам факт кратковременности нахождения на территории Эстонии естественным образом ставит осуществление их прав в ограниченные временные рамки.

Правовое положение рассматриваемых иностранцев определяется не только Конституцией ЭР и Законом об иностранцах, но и Правилами выдачи виз, утвержденными постановлением правительства Республики от 16 января 1998 года № 6 (Riigi Teataja I, 1998, 8; ПАЭ, 1998, № 8.)

- **беженцы**

В соответствии с международной Конвенцией о статусе беженцев от 28 июля 1951 года, ратифицированной парламентом Эстонии, беженцами считаются лица, не имеющие эстонского гражданства и желающие находиться на территории Эстонии. Они стремятся жить в другом государстве по той причине, что не могут или не хотят пользоваться защитой государства своей гражданской принадлежности из-за опасений стать жертвой преследований по признаку расы, национальности, гражданства, вероисповедания, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. По Закону о беженцах от 18 февраля 1997 года (RT I, 1997, 19; ПАЭ, 1997, № 22) лицом, ходатайствующим о предоставлении убежища, является иностранец, который, находясь в Эстонии, в том числе в пункте пограничного контроля, ходатайствует перед правительством Республики о предоставлении убежища. Пока беженец убежища не получил, он содержится в особых условиях под контролем органов государства. Ему выдается свидетельство, удостоверяющее личность и статус. При получении убежища беженец становится обладателем срочного вида на жительство со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

- **нелегалы**

Нелегалом считается лицо, находящееся в Эстонии, но не имеющее на то законного основания. Проблема нелегалов очень острая. Их много. Точных данных на этот счет нет. Регистр нелегалов только начал создаваться. Приблизительные показатели колеблются в пределах 30-80 тысяч человек. Часто встречаются лица, ставшие нелегалами по причинам, от них мало зависящим: из-за отсутствия в прошлом постоянной прописки, из-за ведомственного характера прописки и др. Нелегалы всегда были и будут. Но это, как правило, криминальные или асоциальные элементы.

В Эстонии же, кроме них, появились *«формальные»* нелегалы, не подпадающие под формальные требования законодательства. Такие нелегалы возникли после 12 июля 1996 года как не сумевшие к установленному законом сроку оформить себе срочный вид на жительство из-за отсутствия требуемых документов. К этой же группе должны быть отнесены и военные пенсионеры бывшей Советской Армии, которые могут становиться нелегалами по несколько раз в году из-за затягивания правительством на 3-4 месяца вынесения решения о продлении им видов на жительство.

По Закону об обязательстве выезда из страны и запрете на въезд, принятому в начале 1999 года, все, кто незаконно находится в Эстонии, подлежат депортации и другим видам административной ответственности. Но это не единственное лишение, которым подвергаются эти люди.

Сейчас регистр нелегалов должен учитывать три их группы: иностранцев, которые зарегистрированы в качестве нелегалов; иностранцев, которые имеют предписание на выезд; иностранцев, в отношении которых принято решение о выдворении.

Остается надеяться, что дальнейшая рационализация законодательства сможет ввести проблему нелегалов в цивилизованное русло.

• **иностранцы – граждане Европейского Союза**

Уже в настоящее время эта категория (наряду с некоторыми другими категориями лиц) имеет право ходатайствовать о срочном виде на жительство вне иммиграционной квоты. Права граждан Европейского Союза в дальнейшем, по всей видимости, будут расширяться. Ожидается предоставление им права быть избранными в собрания местных органов самоуправления. Им будет предоставлена возможность работать в государственных структурах Эстонской Республики. Предполагается усиление их социальных прав. Получается, что эта категория иностранцев может оказаться в самом привилегированном положении.

Для всех разновидностей граждан и иностранцев имеется определенный набор общих основных прав, свобод и обязанностей, определяющий конституционно-правовой статус человека и гражданина. Этот статус закреплён преимущественно в статьях с 8 по 55, включенных в главу 2 Конституции ЭР. Но отдельные права и обязанности предусматриваются в статьях других глав (статьи 57, 58, 124, 130, 156). Учитывая, что названные конституционные нормы относятся к разным областям общественных отношений, а сами эти нормы разнообразны, возникает необходимость приведения их в систему.

По предмету конституционно-правового регулирования в рамках системы можно выделить:

- нормы, устанавливающие общие положения для всех прав свобод и обязанностей;
- нормы, закрепляющие личные (гражданские) права и свободы;
- нормы, закрепляющие политические права и свободы;
- нормы, закрепляющие права и свободы в области социально-экономических отношений и культуры;
- нормы, закрепляющие обязанности.

Из контекста Конституции просматривается возможность включения в систему основных прав, свобод и обязанностей не только их классификации по предмету правового регулирования, но и по другим основаниям. Такими основаниями являются:

- общность основных прав, свобод и обязанностей для граждан и иностранцев;
- основные права, свободы и обязанности граждан;
- ограничения прав и свобод для граждан и иностранцев;
- ограничения прав и свобод для иностранцев.

Ограничения прав иногда называют латинским словом «клаузулы» (*clausula*, т. е. оговоренное условие, заключение). Конституция ЭР во многих случаях не только провозглашает права и свободы, но и вводит ограничения для их использования при определенных обстоятельствах или для определенных категорий лиц. Это и есть клаузулы. Клаузулы или прямо формулируются в статьях Конституции, или подразумеваются. Если, скажем, для гражданина устанавливается какое-то право, которое не может принадлежать иностранцу, то для последнего такое положение означает ограничение в правах. В итоге образуются горизонтальные и вертикальные классифи-

каторы, которые могут быть использованы для построения многоуровневой системы по рассматриваемому вопросу.

С учетом того, что нормы Конституции ЭР о правах, свободах и обязанностях многочисленны и зачастую объемны по содержанию, представим их в таблице с использованием лишь номеров статей, в которых они закреплены.

Предмет регулирования	Субъекты прав, свобод и обязанностей			
	Граждане и иностранцы	Граждане	Граждане и иностранцы (клаузулы)	Иностранцы (клаузулы)
Общие положения	9-14, 130	13	11, 130	13
Личные (гражданские) права и свободы	15-26, 33-36, 40-46, 49-51	36, 44	20, 26, 33, 34, 35, 40, 44, 45	36, 44
Политические права и свободы	47, 48, 50, 52, 156	8, 30, 48, 57, 58, 124	47, 48	8, 30, 48, 57, 58, 124
Права и свободы социально-экономические и в области культуры	27-29, 32, 37, 38, 39	31, 32	29, 32	28, 29, 31, 32

Конституция ЭР является нормативным актом прямого действия. Суд при вынесении своих решений в необходимых случаях может ссылаться на нормы Конституции ЭР. Более того, как указывает часть вторая статьи 15 Конституции ЭР, суд следит за соблюдением Конституции и признает не соответствующими Конституции любой закон, иной правовой акт или действие, которыми нарушаются установленные Конституцией права и свободы или которые иным образом противоречат Конституции.

То, что многие нормы об основных правах, свободах и обязанностях предельно конкретны, предполагает необходимость и других норм, имеющих общее назначение. Последние содержат обобщающие положения, как бы вынесенные за скобки всех иных норм.

Из раздела таблицы, отведенного общим положениям, можно было бы сделать вывод, что права и свободы граждан и иностранцев в Эстонской Республике уравниваются. Для граждан устанавливается преимущество только в одном отношении: быть под защитой своего государства при нахождении за границей. Это не предусмотрено для лиц без гражданства (заметим, что практика иногда отходит от нормы Основного закона, и консульские учреждения занимаются делами эстонских апатридов). Но не будем спешить делать окончательные выводы. При рассмотрении других прав и свобод нетрудно будет такой вывод поставить под сомнение.

Возникает другой вопрос. Почти все перечисленные права и свободы содержатся в нормах, которые могут быть отнесены к категории норм-принципов. Встречающиеся же ограничения прав и свобод иностранцев предусмотрены конституционными

ми нормами-рамками или даже еще более конкретными нормами-регуляторами. В какой-то мере образуется правовая коллизия, выражающаяся в том, что нормы-принципы не устанавливают ограничений прав и свобод для иностранцев, а более конкретные нормы их предусматривают. Разрешение этой коллизии состоит в следующем.

Эстонской юриспруденции известен постулат, согласно которому уточняющие нормы имеют приоритет по отношению к уточняемым нормам. Следовательно, именно уточняющие нормы должны применяться в спорных случаях. Уточняющие нормы предметнее, конкретнее уточняемых норм. Они легче для использования.

Нормы-принципы, тем не менее, не могут сбрасываться с правовых счетов. Их предназначение состоит в том, чтобы устанавливать ориентиры для других норм. Если для иностранцев предусматриваются ограничения в правах и свободах по сравнению с гражданами Эстонии, то, исходя из смысла норм-принципов, эти ограничения должны быть несущественными. Они, как сказано в статье 11 Конституции ЭР, не должны искажать сущности ограничиваемых прав и свобод. Общая же их сущность распознается при анализе норм-принципов.

Личным (гражданским) правам и свободам посвящена довольно большая группа норм Конституции ЭР. В нее включаются главным образом такие права и свободы, которые образуют неотъемлемые личные ценности. Право на жизнь, на честь и доброе имя, на свободу и неприкосновенность личности, на свободную самореализацию, на неприкосновенность семейной и частной жизни, на свободу совести, вероисповедания и мысли, право сохранять верность своим мнениям и убеждениям и другие. В приведенном перечне содержатся примеры личных прав, имеющих связь с важными жизненными потребностями человека.

К этой же группе относятся права и иного рода. Благодаря им открывается возможность государственной защиты прав и свобод. Это – право каждого на обращение в суд; права подсудимого, обвиняемого, подозреваемого в уголовном процессе; презумпция невиновности (предположение о невиновности лица до вступления в силу в отношении него обвинительного приговора) и другие.

Клаузулы в области личных прав, как видно из таблицы, в основном распространяются как на граждан, так и на иностранцев. Они продиктованы совершенно естественными причинами, вытекающими из необходимости обеспечения интересов не только каждого, но и всех, соображениями безопасности и обеспечения правопорядка. Так, статья 20 Конституции, провозглашая право на свободу и неприкосновенность личности, содержит и указания на шесть случаев, когда человек может быть лишен свободы.

В отношении иностранцев ограничения в правах этой группы образуются прежде всего в связи с учреждением особых прав граждан, которые не предусматриваются для иностранцев. В качестве примера можно привести норму статьи 36 Конституции, согласно которой ни один гражданин не может быть выслан из Эстонии и ни одному ее гражданину нельзя препятствовать поселиться в Эстонии. Кроме того, эта статья закрепляет для граждан право ограниченной экстрадиции (выдачи иностранному государству), которое не имеет к иностранцам никакого отношения.

Правда, другая клаузула для иностранцев (ст. 44 Конституции) имеет иной характер. Она устанавливает ограниченные по сравнению с гражданами возможности получения информации от государственных органов. Права иностранцев в этой части могут быть ограничены законом. В данном случае проявляется способ ограничения, свойственный иным группам конституционных прав.

О содержании политических прав и свобод говорит их наименование. Эта группа представлена правом всех лиц без предварительного разрешения собираться и проводить собрания; правом каждого обращаться с заявлениями в государственные учреждения и органы местного самоуправления; правом каждого вступать в некоммерческие общества и союзы и другими правами.

В этой группе заметно возрастает удельный вес прав, которые принадлежат только гражданам Эстонии. Только лицо, один из родителей которого имеет гражданство Эстонии, вправе быть гражданином Эстонии по рождению. Гражданам принадлежит право занимать должности в государственных учреждениях и в местных самоуправлениях. Только граждане могут состоять в политических партиях. Только граждане участвуют в выборах парламента и могут быть избраны в парламент и в собрания местных самоуправлений, участвовать в голосовании в ходе референдума.

Как видно из таблицы, величина клауз, общих для граждан и иностранцев, в этой группе по сравнению с предыдущей резко сокращается, но значительно возрастает число ограничений, относящихся к иностранцам. Политическая сфера традиционно относится к области наиболее сильных контрастов между правами граждан и правами иностранцев. Хотя в наше время усилия международных организаций и направлены на смягчение больших перепадов в политических правах и свободах.

Социально-экономические права и права в области культуры образуют группу, включающую ряд жизненно важных устоев материального, социального и духовного благополучия людей.

Через эту группу прав хорошо просматриваются те исходные посылки, из которых проистекают проводимые в эстонском обществе преобразования. Эти посылки состоят в том, чтобы по возможности ограничить управленческое вмешательство государства в жизнь общества. Основной упор должен быть сделан на самоорганизующее начало общественной жизни, когда каждый индивид имел бы возможность проявить свою инициативу в различных сферах жизни, особенно – в экономике. Государство же берет на себя задачу охранять личные и коллективные права и свободы, защищать «слабых». Это то, что называют либеральной моделью общественных преобразований.

Хотя в статье 10 Конституции ЭР упоминается идеал социального государства, но такая общая декларация выпадает из всего контекста 2-й главы Основного закона. И тогда становится понятным, почему в Конституции не провозглашаются, а тем более не гарантируются многие социально-экономические права: право на труд, на достойное материальное обеспечение и т. п.

Конституция ограничивается лишь провозглашением нахождения семьи под защитой государства и установлением принципиальных основ жизнедеятельности

семьи. Устанавливается право каждого на помощь со стороны государства по старости, нетрудоспособности, по случаю потери кормильца, по бедности. К этой группе относится и ряд других высоко ценимых прав.

Тем не менее, несмотря на их значимость для повседневной жизни каждого, и здесь отмечается довольно большое число ограничений в правах, адресованных иностранцам. Таблица свидетельствует, что общие ограничения в правах для граждан и иностранцев закреплены в двух статьях Конституции, а клаузулы для иностранцев – в четырех статьях. Причем, ограничения для иностранцев распространяются на такие несомненно существенные возможности, как право выбора себе рода занятий, профессии, места работы; право заниматься предпринимательством и вступать в коммерческие объединения и союзы; право приобретать в собственность имущество. Правда, перечисленные ограничения не абсолютны, их введение в действие отнесено к ведению текущего законодательства. Оно может вводить или не вводить эти ограничения для иностранцев. Но тут возникает еще один юридический вопрос.

Значительное большинство клаузул, общих для граждан и иностранцев, предусмотрено в тексте статей Конституции. Это весомо. Получается, что Основной закон провозглашает право и сам же его ограничивает. Как право, так и клаузула оба имеют одинаковую юридическую силу.

Клаузулы же для иностранцев Конституция как бы делегирует текущему законодательству. Но при этом текущие законы не ставятся Конституцией в какие-либо рамки. Иначе говоря, предел ограничения прав не устанавливается, кроме общей нормы, что эти ограничения не должны исказить сущность ограничиваемых прав. Последнее нуждается в толковании и в конкретизации через клаузулу, относящуюся к конкретному ограничиваемому праву. Другими словами, получается, что текущее законодательство способно изменить содержание Конституции. Так создается еще один парадокс, объяснить который очень сложно.

Блок «обязанностей» представлен весьма скромно. Для каждого важна обязанность, вытекающая из естественной природы вещей: уважать и учитывать права и свободы других людей, а также соблюдать законы. Введенная специально для граждан других государств и лиц без гражданства обязанность соблюдать конституционный строй Эстонии по существу содержится в предыдущей норме. Важна также и «экологическая» обязанность. Особой обязанностью граждан является участие в обороне государства, а также – быть верными конституционному строю и защищать независимость Эстонии.

Характеристика правового статуса граждан Эстонии и иностранцев приведенными положениями не исчерпывается. Нет такой отрасли эстонского права, которая не участвовала бы в регламентации правового статуса эстоноземельцев. В данной же статье решалась только одна задача: очертить контуры проблемы, просматриваемые через призму Основного закона Эстонского государства, имея в виду ее значение для русского населения.

КОРИЙ МАЛЫЦЕВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЛЛИННА

Изучение проблем этнической идентификации русского населения Эстонии в последние годы начинает представлять не только академический интерес. Вопросы идентификации встают главным образом перед «постсоветскими» людьми в Эстонии, особенно молодежью, вследствие существенных изменений в их жизни. При этом основными факторами, заставляющими людей задуматься над своей идентификацией, по результатам проведенных автором зондирующих интервью, являются:

- продолжающееся уже почти десяток лет экономическое и политическое обособление русской общины в Эстонии от своей культурной метрополии (существующей сейчас в форме Российской Федерации),
- продолжающееся почти столько же этническое давление на русскую общину со стороны радикальных политических структур эстонского государства (выражается главным образом в форме дискриминационных нормативных актов, нефинансирования культурных нужд русской общины и т. п.),
- необходимость определения своей этнической принадлежности (при оформлении документов, например, паспортной анкеты, а также в целом ряде ситуаций этнически окрашенного общения).

История русской общины в Эстонии, однако, уже знала период, когда сходные с перечисленными внешние факторы также заставляли людей задумываться над своей этнической идентичностью. Это время Эстонской Республики 1918-1940 годов, особенно 30-е годы, когда разные поколения русских в Эстонии определяли себя в условиях и отчужденности от СССР, и национального радикализма власть имущих в республике. Вследствие этого представляет особый интерес исследование этнической идентификации старожильского русского населения Эстонии (в силу исторических факторов сконцентрированного, как известно, в основном в Таллинне и в Причудье). По финансовым причинам (работа финансировалась из скромных общественных средств) исследование проводилось только в Таллинне.

Исзушаемыми когортами в социально-психологическом исследовании этнической идентификации русского старожильского населения выбраны совокупность русских по происхождению и/или основной культуре жителей Таллинна, проживших на территории Эстонии к 1940 году как минимум 10 лет (основная когорта), а также

совокупность их потомков в двух поколениях (детей и внуков), также проживающих на территории Таллинна. Длительность пенза жизни в Эстонии до 1940 года была выбрана исходя из формирования к 10-15-летнему возрасту личности человека в мере, достаточной для осознания себя в мире. Для увеличения адекватности содержания ответов в основной когорте был введен также образовательный ценз (как минимум среднее образование). На практике около 60 % респондентов имели законченное и незаконченное высшее образование. В ходе работы оказалось, что среднее и выше среднего образование было также у примерно 95 % потомков первого поколения и у 67 % потомков второго поколения (меньший уровень образования объясняется относительной молодостью последних). Возраст 43 % респондентов основной когорты составлял 71-80 лет, 24 % – более 81 года. Мужчин в основной когорте было около 25 %. Таким образом, ожидаемый уровень общей компетентности всех когорт был довольно высок. Родились в Эстонии около 58 % респондентов основной когорты (около 36 % их родились в России) и около 92 % респондентов из обеих когорт потомков.

В работе использовался метод устного опроса на основе опросного листа (с уточнением неясных ответов методом интервью) и с предварительным пилотажом методики (в объеме около 10 % от объема выборки, составлявшей 101 человека, из них 53 человека в основной когорте и остальные – в когортах потомков).

Опросный лист имел частично рандомизированную последовательность из полужакрытых вопросов, по ряду вопросов использовались карточки с вариантами ответов. В качестве эмпирических индикаторов этнической идентификации использовались восемь видов идентификации респондентов [1, 17]:

- прямая идентификация (самооценка этнической принадлежности),
- рефлексивная идентификация (оценка респондентами вероятной сторонней оценки их этнической принадлежности),
- формальная идентификация (зафиксированная в официальных документах),
- экспертная идентификация (по мнению друзей и знакомых),
- генеалогическая идентификация (по принадлежности большинства близких родственников),
- общекультурная идентификация (по основному языку мышления, детства, обучения, общения в семье, на работе, с друзьями),
- религиозная идентификация (по субъективной религиозной принадлежности),
- визуальная идентификация (субъективная – по самооценке, а также объективная – по оценке случайными встречными).

Последний предложенный вид эмпирической идентификации (по литературным, художественным, музыкальным произведениям) показал малую валидность (большинство предпочтений не было связано с определенными этническими характеристиками, а относилось к мировой классике). При обработке данных он не учитывался. Данные опроса кодировались вручную и обрабатывались с помощью програм-

мы SPSS. Существенность различий групп ответов и респондентов оценивалась с доверительной вероятностью 0,9.

Результаты опроса показали, что в основной когорте 84-90 % респондентов, практически почти по всем эмпирическим индикаторам идентифицируют себя как русских (только по визуальной идентификации около 70 % считали себя внешне неотличимыми от эстонцев). Доля явлений маргинализации и субкультуризации не превышала 10-12 %. Но при этом около 50 % респондентов отметили, что они не хотели бы или не смогли бы жить в России (10 % считали, что русские в Эстонии – это «прибалтийские русские», которые отличаются от российских русских «укладом жизни», «темпераментом», «манерой поведения»).

Характерно, что высокий уровень русской этнической идентификации по большинству индикаторов сохранился и у потомков основной когорты. Но у потомков существенно снижается значение индикатора формальной идентификации (русская национальность в официальных документах в поколении детей примерно у 30 % и в поколении внуков примерно у 40 % заменяется эстонской). Этот эффект может быть объяснен влиянием политики усиленной формальной эстонизации в последнее десятилетие первой Эстонской Республики и реакцией на протекционистскую национальную политику в советский период.

Одновременно у поколения детей старожильского русского населения существенно (с 65 % до 17 %) падает свободное знание эстонского языка (статистически значимое различие). Более того, знание детьми старожильского населения эстонского языка становится практически равным уровню знания эстонского языка, зафиксированному эстонскими демографами у приезжих русских (18 %). То есть, как предсказывалось автором ранее (Международный colloquium по русским меньшинствам в странах Балтии, Травемюнде, октябрь 1996), знание эстонского языка оказывается более коррелированным с уровнем образования, чем с принадлежностью к старожильской или новожильской части русского населения. Этот эффект может быть также объяснен и влиянием политического фактора – действием политики насаждения всеобщего «русскоязычия» в советский период.

Таким образом, проведенное исследование этнической идентификации старожильского русского населения Таллинна показывает большую устойчивость содержательного ядра этой идентификации у рассмотренной группы населения. Эффект устойчивости этнической идентификации русских в Эстонии может быть объяснен значительными различиями между архетипами русской и эстонской культуры, на что уже указывалось эстонскими авторами [2. 1-2], однако эта гипотеза еще требует изучения.

Описанная работа является частью многоаспектного исследования характеристик интегрированности старожильского русского населения Эстонии. Автор выражает глубокую признательность бакалавру социологии Я. Варик за проведение трудоемкого полевого обследования и технической обработки массива первичных данных.

ВЫВОДЫ

1. Статистически в полевом исследовании установлена высокая степень фактической этнической идентификации русского старожильского населения Таллинна с русским этносом, причем в поколениях детей и внуков обследованных русских старожилов эта высокая идентификация, видимо, сохраняется.

2. У потомков русских старожилов выявлен существенный рост различия фактической и формальной идентификации – национальность по официальным документам в 30-40 % случаев меняется с русской на эстонскую, что объясняется реакцией людей на политические давления авторитарного и тоталитарного периодов прошлого.

3. В поколении детей русских старожилов выявлено отмечавшееся автором ранее существенное снижение знания эстонского языка, что объясняется реакцией людей на политику русификации общения в советский период.

Литература

1. Liebkind K. Minority identity and identification process: a social psychological study. Helsinki: Hki Academic Brokstore, 1984. P. 57.
2. Лаанемая А. Сравнение эстонского и русского архетипов культуры. Конференция «Инновационные технологии в процессе обучения в высшей школе». Таллинн: УКЦ. 1997.

ЮРИЙ МАЛЬЦЕВ

ВЕХИ ПУТЕЙ ПРАВОСЛАВИЯ В ЭСТОНИИ

Знание русской общественностью истории православия в Эстонии даже к юбилейному для христианства году оставляет желать много лучшего. Но хотя бы общая ориентация в этой сложной проблеме просто необходима для понимания происходящих здесь с православием событий, часть причин которых носит явно исторический характер. К настоящему времени по данной теме имеется достаточно обширная библиография. К сожалению, большинству выявленных публикаций времени первой Эстонской Республики и советского периода по этой теме носит острый, тенденциозный и политизированный характер. Правда, в последние годы стали издаваться и историко-аналитические работы на эту тему.

Так, на русском языке с 1991 года, кроме более 160 публицистических газетных откликов на актуальные факты, изданы обширное церковно-историческое исследование [1], к сожалению, практически не касающееся последних десятилетий; монография [2], являющаяся, правда, скорее «белой книгой» по внутриправославным разногласиям в Эстонии и потому носящая явный полемический оттенок, а также краткая статья автора данной статьи в энциклопедическом справочнике [3].

На эстонском языке за то же время, кроме более 140 газетных злободневных публицистических статей, вышла и своя «белая книга» – сборник документов [4], и свой краткий очерк истории православия в Эстонии [5, 6]. При этом русские и эстонские авторы приводят далеко не полностью совпадающие совокупности исторических фактов и часть фактов трактуют по-разному. Если прибавить к этому внутрицерковные и журнальные публикации, публикации в России и публикации, известные с начала XIX века, приходится заключить, что для создания только корректного анализа содержания работ по теме необходимо выполнение отдельного трудоемкого проекта.

Автор данной статьи ставил себе значительно более скромную задачу создания краткого хронологического обзора основных событий в истории православной церкви (церквей) в Эстонии путем систематизации только важнейших фактов, приведенных в указанных выше шести публикациях. При этом сопоставительные и источниковедческие исследования не проводились, вследствие чего предлагаемая работа имеет констатирующий и историко-краеведческий характер.

В XI веке православная вера пришла на эстонские земли из России (принявшей православие в конце X века – в 988 году) и была первой ветвью христианства, воспринятой эстонцами. Первым центром православия в Эстонии стал основанный Ярославом Мудрым в 1030 году город Юрьев (Тарту) с Георгиевской церковью. Несмотря на

историческую кратковременность существования этого центра (31 год), православные жители в Эстонии встречались еще крестоносцам в XIII веке.

В XIII веке в Эстонию вместе с крестоносцами пришел католицизм, и немногих сохранившихся православных эстонцев перекрестили в католичество, которое господствовало среди эстонцев около трехсот лет, затем его сменило лютеранство.

С XIV века на территории Эстонии снова стали строиться и действовать православные церкви русских купцов при их дворах в торговых городах Ревеле (Таллинн) и Дерпте (Тарту), и, вероятно, в русских деревнях, возникших в северном Причудье и на острове Межа (Пийрисаар).

В XV веке вследствие преследований православных верующих в Эстонии немцами-католиками православие обрело новых святых: священник Иоанн Шестник, который в 1471 году принужден был с супругой Вассой выехать из Дерпта во Псков, в 1473 году они приняли монашество и основали Псково-Печорский монастырь, сейчас они почитаемы как преподобный священноинок Иона и старица Васса, и священник Исидор, утопленный со своими 72 прихожанами в 1472 году в Дерпте на Крещение в проруби, позже он был канонизирован как священномученик Исидор Юрьевский.

В XVI веке игумен Псково-Печорского монастыря Корнилий, впоследствии канонизированный как преподобномученик, занимался на территории Эстонии миссионерской деятельностью, построив для православных эстонцев несколько церквей и школ. Во время Ливонской войны (1558-1582) на подвластной России части территории Эстонии действовало 10-15 православных храмов, были созданы Дерптская и Феллинская (Вильяндиская) епархии, возможно, в Дерпте также – монастырь.

В XVII веке, после перехода территории Эстонии под власть Швеции, сохранились только две православные церкви русских купцов – в Ревеле и Дерпте, действовавшие, вероятно, сезонно. Но уже во второй половине века в западном Причудье возникли постоянные русские, в основном рыбацкие, поселения с православными церквями, старейшее из которых, видимо, деревня Нос (Нина).

В XVIII веке во время Северной войны (1700-1721) на территории Эстонии православные богослужения совершали в соорудавшихся русскими войсками общих для русских и эстонцев полевых православных церквях или использовали под них прежние шведские здания. После войны в городах начали строить гарнизонные церкви, например, Казанскую армейскую и Симеоновскую морскую в Ревеле, Георгиевскую в Балтийском Порте (Палдиски), к концу века в городах северной Эстонии сформировались уже и гражданские православные приходы. Тогда же в Причудье стали возникать крупные селения старообрядцев-беспоповцев (новопоморцев и федосеевцев), построивших свои церкви-молеельни.

В XIX веке с 40-х годов среди эстонских крестьян началось движение по переходу из лютеранства в православие, в 1845-1848 годах православными стали около 65 тысяч жителей южной и островной Эстонии. Основными стимулами к смене крестьянами веры явились, видимо, сочувствие им русского православного духовенства после

неурожайных лет (1838-1841) и надежда на защиту от немецких притеснений. В XIX веке с 80-х годов перешли в православие тысячи эстонцев северной Эстонии, чему способствовало открытие церковными властями во Пскове, позднее и в Риге, духовных школ с изучением эстонского языка, перевод в 1843 году на эстонский язык основных православных богослужебных книг и развитие с 1846 года в Эстонии сети церковно-приходских школ.

В 1880-х годах при активном участии Эстляндского губернатора С. Шаховского был основан (открыт в 1891 году) в Куремяэ Пюхтицкий Успенский женский монастырь, начато строительство десятков провинциальных церквей и кафедрального собора Александра Невского в Ревеле, освященного в 1900 году. До 1916 года при государственной поддержке и на частные средства был построен также ряд городских и военных церквей и часовен, открыты Гефсиманский скит и подворья Пюхтицкого монастыря в Ревеле (1894) и в Петербурге, подворье Оренбургского женского монастыря (Иверская трудовая община) в Нарве. К 1917 году общее число православных храмов в Эстонии превысило 180, подавляющее большинство приходов (около 100 из приблизительно 130) были эстонскими и вели службу на эстонском языке, выходили три эстонских православных журнала. Однако, идея С. Шаховского о епископе-эстонце не была осуществлена из-за противодействия церковных властей и балтийских немцев.

В 1917 году по просьбам приходов новообразованной Эстонской губернии руководителем Ревельской епархии был избран первый епископ-эстонец Платон (Кульбуш), убитый эстонскими большевиками в январе 1919 года (вместе с протоиереями Н. Бежаницким и М. Блейве). В марте того же года Временный Совет Эстонской Епархии решил просить Русскую Православную Церковь (РПЦ) предоставить епархии автономию и, в дальнейшем, независимость (автокефалию). В ответ Московский Патриарх Тихон и Синод РПЦ решили признать автономную эстонскую Православную Апостольскую Церковь (ЭПАЦ) при духовном окормлении РПЦ, вопрос независимости отложили на усмотрение очередного Собора РПЦ (который из-за преследований РПЦ большевиками не состоялся).

В 1920 году архиепископом ЭПАЦ был избран Александр (Паулус). На основании решений Общего Собрания ЭПАЦ архиепископ Александр и Синод просили в 1923 году Константинопольского Патриарха Мелетия дать ЭПАЦ независимость ввиду фактической самостоятельности церкви и, вследствие настроений в России, прерванности ее связи с РПЦ. В результате Патриарх Мелетий по тем же мотивам томосом (указом) от 1923 года принял ЭПАЦ под свое духовное окормление, дал ей наименование Эстонской Православной Митрополии, расширил автономию и возвел главу Церкви в сан митрополита. По принятому Собором ЭПАЦ в 1935 году Уставу ЭПАЦ сохранила свое первоначальное название и еще более расширила свои права (до уровня, в основном соответствующего статусу независимой церкви).

В 1924 году в ЭПАЦ были образованы две епархии: Таллиннская (из приблизительно 120 эстонских, русских и смешанных приходов) и Нарвская (из приблизительно

но 30 русских приходов). Число приходов и монастырей увеличилось вследствие включения в территорию Эстонской Республики по Тартускому мирному договору Печорского края и Принаровья. ЭПАЦ имела Печорский Успенский мужской монастырь, Пюхтицкий Успенский женский монастырь (в Куремяэ) с подворьем в Таллинне, а также Нарвскую Иверскую женскую трудовую общину. Духовенство готовили на теологическом факультете Тартуского университета и в Печорской Духовной семинарии. Подавляющее большинство православных верующих составляли эстонцы, окормляемые многочисленными сельскими приходами.

В 1940-41 годах после присоединения Эстонии к СССР многие священнослужители стали жертвами репрессий, около 2500 приходских деятелей и тысячи прихожан были сосланы. В этой атмосфере, после двукратного обращения Синода ЭПАЦ к Московской Патриархии о воссоединении с сохранением автономии, решением Патриархии статус православной структуры в Эстонии был понижен до епархии, которая стала частью Балтийского Экзархата (отделения) РПЦ, а митрополит Александр был вынужден принести публичное покаяние за грех раскола.

Во время немецкой оккупации Прибалтики большая часть Нарвской епархии, Печорский и Пюхтицкий монастыри с Иверской трудовой общиной после годичной неопределенности снова вошли в состав Балтийского Экзархата теперь уже зарубежной юрисдикции Патриарха Московского (деятельность которого во время войны осуждалась РПЦ). В это время митрополит Александр по решению прежнего Синода ЭПАЦ в 1942 году зарегистрировал Таллиннскую епархию с рядом присоединившихся приходов при генерал-комиссариате Эстонии как «Эстонскую Апостольско-Православную Митрополию», вновь предусматривая юрисдикцию Патриарха Константинопольского.

В 1944 году перед занятием Эстонии армией СССР митрополит Александр выехал из Эстонии в Германию и позднее в Швецию, из Эстонии бежали также приблизительно 8000 православных эстонцев и 22 лица из духовенства, которые образовали эстонские православные приходы в основном в Швеции, Канаде, США, Австралии. В Швеции митрополит Александр образовал из части зарубежных приходов структуру ЭПАЦ в эмиграции. После его смерти в 1953 году она управлялась созданным в Стокгольме Синодом из 8 человек. Собранием церковной эмиграции был избран епископ Юрий Равеннский (Вяльбе), после смерти которого в 1961 году замещающим митрополита Эстонского в Швеции считался митрополит Шведский и Скандинавский. С 1950 года было начато издание духовного журнала, который с 1997 года вновь выходит в Эстонии.

В 1945 году, после окончания войны решением Московского Патриарха Эстонская Митрополия и Нарвская епархия были объединены в Эстонскую епархию РПЦ, в границах послевоенной ЭССР (без Печорского края и Принаровья), действовавшую до 1993 года. В епархии в 1948 году было 134 прихода, из них 23 русских. Уменьшение числа приходов оказалось следствием военных разрушений и уменьшения террито-

рии республики. В последующие десятилетия были закрыты еще примерно 50 приходов, во многом в результате действий советских властей, преследовавших религию. При этом число православных эстонцев значительно сократилось, а число православных русских увеличилось из-за миграции в Эстонию русских из других республик СССР. В 1978 году Константинопольская Патриархия в лице Патриарха Димитрия I объявила томос от 1923 года о принятии ЭПАЦ в свою юрисдикцию более не действующим.

Вскоре после восстановления независимости Эстонии в 1991 году православное духовенство и верующие разделились. Из 88 православных приходов эстонские (вначале 6, затем до 60) решили воссоздать в Эстонии независимую ЭПАЦ, а русские приходы (около 50) решили остаться в духовном окормлении РПЦ.

В 1993 году структура ЭПАЦ, управляемая стокгольмским Синодом, была официально зарегистрирована МВД Эстонии, как правопреемная от довоенной ЭПАЦ. В 1996 году Константинопольский Патриарх вновь принял ЭПАЦ в свою юрисдикцию и определил архиепископа Иоханнеса (из Финляндии) замещающим также митрополита ЭПАЦ. В 1998 году в этой церкви был избран викарный епископ Симеон (Кружков), вскоре умерший. В 1999 году Константинопольский Патриарх назначил главой этой церкви грека митрополита Стефана (Хараламбидес), до того служившего во Франции. Это назначение вызвало протесты среди эстоноцентричной части эстонского православного духовенства.

В том же 1991 году Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II своим томосом повысил статус Эстонской епархии РПЦ, восстановив автономную Эстонскую Православную Церковь. Но она и к концу 2000 года не имела официальной регистрации, так как в 1992 году МВД Эстонии, а затем и суды отказали ей в регистрации как правопреемной под именем ЭПАЦ. С 1991 года ее возглавляет архиепископ Корнилий (Якобс), ранее возглавлявший епархию РПЦ. Число православных верующих в этой церкви намного превышает число верующих, окормляемых зарегистрированной ЭПАЦ.

К 2000 году Пюхтицкий монастырь, возглавляемый игуменьей Варварой, и Таллиннский Александро-Невский приход, возглавляемый архимандритом Елисеем, являются ставропигиальными, то есть находятся в непосредственном подчинении Патриарха Московского. На Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 года епископ Платон (Кульбуш), а также протоиереи Н. Бежаницкий и М. Блейве в числе других новомучеников канонизированы как святые общецерковного почитания.

Как хорошо видно из представленного выше перечня основных фактов истории, с начала XX века в православии Эстонии отчетливо заметна тенденция обособления большей части эстонских приходов, которые трижды (в 1923, 1942 и 1993 годах) исторически почти синхронно с отделением Эстонии (с отрывом на 1-3 года) создавали эстонскую национальную православную церковь. При этом происходившие в XX веке воссоединения с материнской церковью (в 1941 и 1944-1945 годах)

совершались ими только под явным давлением обстоятельств. Русские приходы Эстонии почти столь же неизменно (за исключением довоенного периода репрессий в СССР и нескольких приходов в период немецкой оккупации, после репрессий НКВД в Эстонии) тяготеют к связи с Русской Православной Церковью, совершенно для них естественной. Третье тысячелетие от Рождества Христова православие в Эстонии встречает в третий раз отделенным от церкви-матери и второй раз (или третий, если учитывать разногласия между русским и эстонским духовенством Эстонии в 1930-х годах) разделенным внутри себя.

К сожалению, вследствие принятых пока весьма спорных судебных решений, над почти 30-ю русскими и смешанными приходами, окормляемыми архиепископом Корнилием, нависла реальная угроза насильственного прекращения богослужений в большинстве храмов и отнятия используемого приходами церковного имущества. Будем надеяться, что известная рассудительность эстонской стороны в сочетании со сдержанностью порывов и последовательностью русской стороны помогут разрешить этот конфликт без применения сторонами крайних мер и общеевропейского скандала.

Литература.

1. Патриарх Алексий II. Православие в Эстонии. Москва: Православная энциклопедия, 1999. – 703 с.
2. Прекуп И. Православие в Эстонии (краткий исторический очерк). Таллинн: AS Tõrkis, 1998. – 187 с.
3. Эстония-Eesti. Краткий справочник. Таллинн: KRK, 2000. – 115 с.
4. Dokumentide Kogumik EAÕK (1996-1999). 1999. – 104 с.
5. Kaljukosk, A. Õige(austamis)usk eestlaste seas // Usk ja elu, 1997, nr. 3-4. Lk. 3-7; 1998, nr. 1. Lk. 9-12.
6. Kaljukosk, A. Õigeusu pühakud Eestimaal // Usk ja elu, 1998, nr. 2. Lk. 3-6.

ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА

БУНТ ЕПИСКОПА ИОАННА ПЕЧОРСКОГО

Самым острым церковным конфликтом 1920-1930-х годов, едва не приведшим к выходу русских приходов из Эстонской Апостольской Церкви, стало дело епископа Печорского Иоанна.

Епископ Иоанн Печорский родился в 1893 году в Выруском уезде, в Любовке. Его мирское имя – Николай Александрович Булин. Он – сету и прекрасно владел эстонским языком, но, по-видимому, был больше человеком русской, нежели эстонской культуры. Учился в Санкт-Петербургской духовной академии. Во время первой мировой войны был мобилизован в царскую армию. Окончил школу прапорщиков, младшим офицером был отправлен на юго-западный фронт. Был командиром роты.

В мае 1918 года пострижен в монашество под именем Иоанн. В октябре 1918 года вернулся в Эстонию. Иоанн отличался смелым характером. Об этом говорит не только его участие в войне, но и бесстрашное поведение как священнослужителя. В начале 1919 года он отслужил панихиду по зверски убитому большевиками в Юрьеве епископу Платону. Местность была внезапно освобождена эстонскими войсками, поэтому Иоанна не успели расстрелять красноармейцы. С 1920 года Иоанн указом епископского совета был назначен управлять Печорским монастырем [1].

Епископ Иоанн, как отмечал Вл. Куламма в статье «Псково-Печорский монастырь», опубликованной в газете «Последние известия» в 1922 году, был, по отзывам, прекрасным организатором: «несмотря на свою молодость, настоятель пользуется авторитетом и любовью среди местного населения» [2]. Прекрасный оратор, он заработал свой авторитет не только красноречием, но и поступками. Епископ Иоанн был членом парламента. Когда в 1928 году был возбужден вопрос о разрушении в Таллинне собора Александра Невского, то епископ организовал православных в защиту этого храма: были крестные ходы, объединенные молебствия. После этого проект о срытии собора был положен под сукно [3].

Как и большинство крестьян Печорского края, епископ Иоанн был против нового стиля в православии и отказывался служить по новому стилю. Еще весной 1919 года он вместе с крестьянами ездил в Таллинн, чтобы просить разрешения у высших органов духовной власти праздновать Пасху по старому стилю [4].

Епископ Иоанн много занимался благоустройством Печорского монастыря. Монастырь с июля 1919 года относился к Ревельской епархии. В 1920-е годы монастырь был переименован в «Печорскую Успенскую Христианскую мужскую общину».

Деньги монастыря, хранившиеся в банке, пропали, большинство зданий, принадлежавших ему, было реквизировано под частные квартиры и учреждения. Но в первой половине 1920-х годов у монастыря сохранялась земля, и вся братия (30 монахов и до 30 послушников и служащих) была занята полевыми и сельскохозяйственными работами.

В мае 1925 года Государственный суд Эстонской Республики утвердил закон об отчуждении монастырских земель. Монастырю оставили лишь 16 десятин под постройками в Печорах и 50 десятин вне города. Естественно, что после утраты денег, зданий и земли монастырь обеднел. Парижский журналист Андрей Седых, побывавший в Печорах в 1929 году, писал: «Когда-то делались в монастырь ценные вклады не только золотом, серебром и иконами в драгоценных ризах, но и угодами, поместьями, целыми деревнями. Теперь ничего этого нет, монастырь обнищал, от бывшего богатства осталась только ризница и ее музейные сокровища» [5].

До 1925 года епископ Иоанн мог еще на свои средства ремонтировать храмы, чинить водопровод и т. д. После принятия закона об отчуждении земель монастырь попал в тяжелое положение и стал зависеть от денег, полученных от главы эстонского государства, министерства просвещения и меценатов. Но и в эти годы ремонт церквей продолжался. Так, в 1927 году ремонтировался Успенский собор, было проведено электричество в Михайловский собор, восстановлен звон на малой звоннице у Никольского храма [6]. Епископ Иоанн находил еще время руководить Печорским кружком любителей старины, собиравшим реликвии старого времени. Он помогал и Русскому Студенческому Христианскому Движению. В 1929 году в монастыре прошел съезд РСХД, душой которого стал епископ Иоанн [7].

В Эстонии в то время было две епархии: Ревельская, куда входили эстонские и смешанные приходы, и Нарвская, куда входили только русские приходы [8]. После смерти епископа Евсевия в 1929 году Нарвская епархия несколько лет оставалась, говоря церковным языком, вдовствующей. Епископу Печорскому Иоанну было поручено временное управление Нарвской епархией. В апреле 1932 года возник вопрос о новом епископе Нарвской епархии. В православных русских кругах называли три кандидатуры: епископа Иоанна (его хотело видеть на кафедре подавляющее большинство), протоиерея Анатолия Остроумова, настоятеля Юрьевского Успенского храма, и протоиерея Павла Дмитровского из Нарвы [9].

Это же время, весной 1932 года в Эстонии проходили выборы в Государственное собрание. Русская фракция добилась успеха, и вместо двух русских депутатов в Государственное собрание прошли 5 депутатов. По Печорскому краю был избран епископ Иоанн [10].

Собор православной церкви Эстонии, где производились выборы Нарвского епископа, состоялся 5-17 июня 1932 года и вызвал бурю страстей. В межвоенный период православных эстонцев было больше, чем православных русских. В синоде преобладали эстонские священники (свыше 100 человек), русские были в меньшинстве (60 человек).

В первый день Собора разбирался вопрос о Печорском монастыре. В докладе митрополита Александра Паулуса указывалось на необходимость отчуждения монастырского имущества [11]. После него выступил епископ Иоанн Печорский и осветил вопрос об имуществе монастыря.

В феврале 1928 года заместитель председателя Синода Николай Пятс потребовал от настоятеля монастыря заявления об укреплении монастырского имущества на имя Православной церкви Эстонии. Епископ согласился подать такое заявление, но при условии, что в крепостные книги будет внесена запись, по которой фактическим владельцем имущества остается по-прежнему монастырь. Синод согласился, и епископ получил доверенность на управление имуществом. В апреле 1930 года Синод потребовал от владыки доверенность и на своем экстренном заседании аннулировал свое прежнее постановление. Монастырь обратился в гражданский суд, чтобы защитить свои права. 3 июня 1930 года в монастыре появилась синодальная ревизия. Митрополит подал заявление за несколькими подписями, которое фактически требовало устранения Иоанна с должности настоятеля [12].

На Соборе было принято предложение одобрить деятельность Синода относительно имущества Печорского монастыря. Эстонские священники проголосовали «за», русские воздержались в знак протеста [13].

Во второй день обсуждался вопрос о назначении епископа Нарвской епархии. Русские приходы выдвинули кандидатуру отца Анатолия Остроумова. Один из эстонских священников выступил с речью, отвергая протоиерея Остроумова как человека, не владеющего эстонским языком, и предложил взамен епископа Иоанна. Потом выступил еще ряд ораторов, которые требовали избрания Иоанна на пост Нарвского епископа. Епископ Иоанн категорического отказался от Нарвской епархии. Против протоиерея Остроумова выступил протоиерей К. Кокла, который поставил ему в вину то, что он строго придерживается старого стиля [14].

Епископа Иоанна обвиняли в том, что он слишком часто отсутствует в монастыре. Иоанн объяснил, что он участвует в заседаниях Государственного собрания. Когда вторично прозвучало требование об избрании епископа Иоанна в Нарву с перемещением его из Печорского монастыря, Иоанн выступил с речью, в которой заявил: «Нарвской епархии я не приму, так как она имеет своего законно, единогласно избранного и одобренного митрополитом кандидата – прот. Остроумова. Я же остаюсь в монастыре, хотя бы простым монахом» [15].

Кандидатура епископа Иоанна, невзирая на его протест, все же была поставлена на голосование. Русские священники воздержались в знак протеста. За избрание епископа Иоанна проголосовало 94 члена Собора [16].

После обеденного перерыва в отсутствие настоятеля Печорского монастыря и многих делегатов было принято предложение о переходе монастыря на новый стиль [17]. 29 июня 1932 года епископу Иоанну был послан указ, согласно которому он

должен был передать все дела Печорского монастыря игумену Парфению и вступить на должность епископа Нарвской епархии. Иоанн отказался покинуть монастырь [18].

Летом 1932 года в эстонских газетах появились сообщения о намерении Иоанна покинуть Эстонию. Епископ Иоанн выступил на заседании Государственного собрания и заявил, что он никуда уезжать не собирается [19].

В начале августа 1932 года в монастыре появилась синодальная комиссия, чтобы принять имущество монастыря. Иоанн категорически отказался передать комиссии имущество и монастырские ключи. Члены комиссии получили ключи обманом (от сопровождавшего экскурсантов послушника Савватия). Комиссия выехала на монастырский хутор и начала описывать хуторское имущество [20].

11 августа 1932 года епископ Иоанн был отрешен от должности настоятеля Печорского монастыря. Население Печорского края заволновалось. Был составлен меморандум митрополиту Александру с просьбой приостановить эти роковые мероприятия, подписанный 10 тысячами верующими. Началась кампания по выживанию епископа Иоанна из монастыря. Ему отключали телефон, электричество, запретили давать монастырский хлеб и пользоваться монастырской баней [21].

В августе 1932 года в русских церковных кругах начал обсуждаться вопрос об отделении русских православных приходов от Эстонской православной церкви [22]. Сведения о церковном расколе вышли за пределы Эстонии. В парижской газете «Россия и славянство» появилась статья «У стен Печорского монастыря», посвященная монастырю [23].

Население Печорского края сочувствовало опальному епископу. Когда ему разрешили служить в храмовой праздник День Успения, то «дети и богомольцы обильно усыпали его путь цветами» [24]. У епископа уже было почти все отобрано. Корреспондент газеты «Старый Нарвский Листок» отмечал, что «владыка вынужден был, невзирая на холодную погоду, служить в легоньком летнем облачении, случайно у него оставшемся, т. к. все остальное, в том числе и его личное, опечатано» [25].

В конце августа начались судебные процессы, направленные против епископа Иоанна. По одному из этих дел он обвинялся в том, что взял на работу эмигранта-дьякона П. Ореца. По другому делу уполномоченный Петр Пятс подал прошение о насильственном выселении епископа из монастыря. В обоих случаях адвокатом был депутат Государственного собрания, юрист И. Горшков [26]. В начале сентября 1932 года в монастырь поступил указ о выселении из монастыря эмигрантов: послушника Петра Птицына и дьякона П. Ореца, а также бухгалтера И. Лебедева и монастырского кучера Ефима [27].

Общеизвестно, что в монастырях всегда живут нищие. Например, в конце 1920-х годов их насчитывалось в Печорском монастыре 33 человека. Синод запретил подкармливать нищих с нансеновскими паспортами [28].

В сентябре 1932 года епископ Иоанн встретился с главой государства Эйнбундом и министром внутренних дел и юстиции А. Андеркоппом, ознакомив их со своим

делом о назначении его епископом Нарвской епархии и с общим положением в Печорском монастыре [29].

19 октября 1932 года по указу митрополита епископ Иоанн и четверо эмигрантов были исключены из списков братии Печорского монастыря [30]. В конце октября 1932 года последовало решение суда о насильственном выселении епископа Иоанна из Печорского монастыря в 7-дневный срок. В течение этого времени он должен был сдать находящееся у него монастырское имущество и дела [31].

4 ноября того же года состоялось выселение. Судебному приставу и священникам пришлось столкнуться с толпой разгневанных женщин, выкрикивавших угрозы по адресу выселителей. Слышались возгласы: «Убейте нас, если хотите, за веру мы готовы умереть». Около монастыря собралось около 2 тысяч человек. Женщины, оскорблявшие должностных лиц, были доставлены в полицейский участок [32]. Иоанн вместе с двумя монахами поселился в городе Печоры. Заседания суда продолжались. 7 ноября было вторично заслушано дело о принятии Иоанном на работу советского поданного П. Ореца [33].

24 ноября 1932 года в Печоры прибыл священник Николай Лейсман, согласившийся занять место настоятеля Печорского монастыря [34]. Верующие почти не ходили в церковь, где служил Лейсман, но зато приходская Сорокомученическая церковь, где присутствовал Иоанн, была переполнена. Даже те молящиеся, которые присутствовали в монастыре в Михайлов день, после окончания там службы пришли в приходскую церковь [35].

Каждый приезд Иоанна в другие города Эстонии собирал толпы верующих. Так, 29 ноября 1932 года он приехал на похороны протоиерея П. Добронравина в Нарву. Народу было так много, что все желающие не могли поместиться в храм, где служил владыка [36].

В начале декабря 1932 года митрополита Александра посетила русская делегация из Юрьева во главе с В. Б. Булгариным, предложившая создать из русских приходов самостоятельную церковь. Митрополит ответил, что этот вопрос можно решить лишь на православном эстонском соборе, который соберется через два с половиной года [37].

27 декабря 1932 года было назначено епископу Иоанну крайним сроком для принятия Кафедры Епископа Нарвской Епархии. Иоанн принять кафедру отказался. И 30 декабря 1932 года он был уволен со службы в Эстонской православной церкви [38]. А 27 января 1933 года на должности настоятеля Печорского монастыря был утвержден Николай Лейсман, несмотря на то, что он не являлся даже монахом.

Дело опального епископа Иоанна Булина любопытно и сейчас. Конечно, причин его устранения несколько: 1) экономические – поскольку синод сам хотел получать доходы от монастыря; 2) политические – поскольку епископ Иоанн был активным депутатом Государственной думы; 3) церковные – так как при правлении епископа Ио-

анна служба проходила по старому стилю, а эстонские приходы и часть русских приходов уже перешли на новый стиль. Митрополит хотел навести порядок среди монахов Печорского монастыря, которые в эстонской прессе изображались негативно, как люди, не знающие эстонского языка и склонные к выпивке (книга «Setu-maa», воспоминания бывшего министра Хенриха Ларетей) [39].

С уходом епископа Иоанна местное население почти перестало посещать Печорский монастырь, но Сорокомученическая церковь, где бывал епископ Иоанн, по-прежнему не вмещала всех желающих. В феврале 1933 года было заслушано дело против епископа Иоанна. Его присудили к денежному штрафу за то, что он взял на службу эмигранта Петра Ореца [40]. После приезда нового настоятеля Николая Лейсмана священников печорских церквей заставляли служить по новому стилю. На некоторых священников были составлены полицейские протоколы. Ряду церквей не были разрешены крестные ходы, тогда как монастырю крестный ход был разрешен. В мае 1933 года, когда монастырь организовал крестный ход в Тайлово, богомольцев собралось так мало, что некому было нести иконы. Участвовали только сету, но и они в конце крестного хода ускользнули. Священникам пришлось за плату нанимать людей, чтобы донести иконы [41]. При епископе же Иоанне в крестных ходах участвовало до 10 тысяч человек.

Печорский монастырь занялся коммерческой деятельностью и отказался от благотворительности, перестав оказывать помощь русским эмигрантам. Началась внутренняя чистка монастырской братии. Обращения епископа Иоанна о признании незаконным решения июньского Собора об избрании его на Нарвскую кафедру оказались безрезультатными. Под давлением нового настоятеля на монастырском соборании было вынесено решение аннулировать доверенность, данную монастырем епископу Иоанну на ведение судебных процессов. Таким образом, 18 исков, предъявленных от имени монастыря православной церкви Эстонии, были прекращены [42].

События, изложенные в статье, могут вызвать у современных читателей ассоциации в связи с современными церковными конфликтами в Эстонии, но русские православные в начале 1930-х годов воспринимали эти нововведения как нарушение связи с историческим православием. Естественно, что это вызывало у них параллели с церковным конфликтом 1666 года, растянувшимся на несколько веков.

В 1920-е годы, когда православная церковь в Тарту перешла на новый стиль, некоторые православные стали ходить в старообрядческую молельню, где богослужение велось по старому стилю. Сопротивление старообрядцев переходу на новый стиль было в несколько раз сильнее, чем сопротивление православных. В 1933 году, когда борьба со сторонниками старогостиля усилилась, депутат П. Баранин, старообрядец, в статье «Церковь и государство» писал о том, что за 300 лет российское правительство не смогло сломить сопротивление старообрядцев. «И сейчас государственная власть не сможет заставить старообрядцев делать то, что правилами Св.

Апостолов и Вселенских Соборов запрещается и карается отлучением от Церкви» [43]. В 1937 году старообрядческие наставники даже высылались из родных мест за службу в молельнях по старому стилю.

Церковные разногласия привели к тому, что популярный священнослужитель епископ Иоанн Печорский остался без любящей и уважающей его паствы.

Епископ Иоанн и новый настоятель Печорского монастыря Николай Лейсман оба были репрессированы в первый «красный год». Советской власти было не до церковных настроений между русскими и эстонскими приходами.

Литература.

1. Архимандрит о. Иоанн // Последние известия, 1924, 1 апреля, № 87.
2. Куламма Вл. Псково-Печерский монастырь // Последние известия, 1922, 1 августа, № 173.
3. См.: Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 305-306.
4. См.: Из жизни печерян. // Свобода России, 1920, 7 марта, № 54.
5. Седых, Андрей. Там, где была Россия. Париж, 1930. С. 110.
6. См.: Синайский, Василий. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк. Рига, 1929.
7. См.: Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. Paris. Утмс-Press, 1993; У родных святынь. Второй съезд Русского Христианского студенческого Движения в Прибалтике. Печорский монастырь. 3-11 августа 1929 г. Tallinn, 1930.
8. О Нарвской епархии см.: Положение Нарвской (русской) епархии Эстонской Православной церкви. Б. м. Издание Нарвской епархии, 1925; 10 лет Нарвской епархии // Православный собеседник. 1934, № 7-8. С. 121-123; 15-летие Нарвской епархии // Православный собеседник, 1939, № 9. С. 122.
9. Вопрос о епископе Нарвской епархии // Старый Нарвский Листок (далее – СНЛ). 1932, 12 апреля, № 38.
10. Русская фракция // СНЛ, 1932, 2 июня, № 59.
11. См.: Меморандум митрополиту Александру. Нарва, 1932. С. 5.
12. Там же. С. 5-6.
13. Там же. С. 6.
14. Там же. С. 7-8.
15. Там же. С. 8.
16. Там же. С. 9.
17. Там же. С. 9.
18. См.: К вопросу о положении Православной Церкви в Эстонии. Таллинн: Изд. Русского Национального Союза, 1933. С. 64.
19. Заявление епископа Иоанна в Государственном собрании // Старый Нарвский Листок, 1932, 4 августа, № 85.
20. Отобраны ключи Печорского монастыря. Двери монастырских сокровищниц запечатаны // СНЛ, 1932, 11 августа, № 88.
21. Епископ Иоанн – без света и хлеба? // СНЛ, 1932, 22 октября, № 119.
22. Раскол в церкви. Русские приходы образуют отдельный союз? // СНЛ, 1932, 16 августа, № 90.
23. См.: У стен Печорского монастыря // СНЛ, 1932, 20 августа, № 92.
24. С. День Успения в Печорах // СНЛ, 1932, 30 августа, № 96.
25. Там же.
26. Два судебных дела против епископа Иоанна // СНЛ, 1932, 3 сентября, № 98.
27. Указ митрополита об удалении из монастыря русских эмигрантов // СНЛ, 1932, 8 сентября, № 100.
28. Углубляют смуту // СНЛ, 1932, 13 сентября, № 102.
29. Епископ Иоанн у главы государства // СНЛ, 1932, 22 сентября, № 106.

30. Епископа Иоанна исключают из Печорского монастыря. Копия указа митрополита // СНЛ, 1932, 25 октября, № 120.
31. Суд о выселении епископа Иоанна // СНЛ, 1932, 29 октября, № 122.
32. Насильственное выселение епископа Иоанна из монастыря // СНЛ, 1932, 5 ноября, № 125.
33. Очередное судебное дело против епископа Иоанна // СНЛ, 1932, 12 ноября, № 128.
34. Печеры // СНЛ, 1932, 24 ноября, № 133.
35. Михайлов день в Печерах // СНЛ, 1932, 26 ноября, № 134.
36. Встреча епископа Иоанна в Нарве // СНЛ, 1932, 1 декабря, № 136.
37. Церковный конфликт обостряется // СНЛ, 1932, 13 декабря, № 141.
38. К вопросу о положении Православной Церкви в Эстонии... С. 67.
39. Setumaa. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu, 1928. Lk. 351; Laretei, Y. Saatuse mängukanniks. Mälu jäänud märkmeid. Tallinn: AS "Abe". 1992. Lk. 113.
40. Судебное дело епископа Иоанна // СНЛ, 1933, 18 февраля, № 20.
41. Крестный ход в Тайлово. Печерский листок // СНЛ, 1933, 16 мая, № 52.
42. В Печерском монастыре // СНЛ, 1933, 10 октября, № 114.
43. Баранин П. Церковь и государство // СНЛ, 1933, 9 мая, № 49.

ИГОРЬ ПРЕКУП, СВЯЩЕННИК

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОСНОВА ОБРЕТЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

В контексте нашей конференции «Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее» тема нравственного достоинства приобретает национальный оттенок. Хотя коль скоро под «русскими в Эстонии» в силу национальной пестроты понимается общность не столько этнически, сколько духовно и культурно идентифицирующая себя с русской нацией (среди выдающихся представителей которой и чистокровный немец Даль, и еврей Надсон, не говоря уже о членах императорской фамилии), то нам в особенности уместно будет в качестве основы самоидентификации русских рассматривать не что иное, как Православие.

Именно Православие как мировоззренческая система сформировало русскую культуру; именно Православие как литургическое единство сплотило русских и воспитало национальное самосознание, чуждое этнического высокомерия; именно Православие, по мере его усвоения русскими людьми, преодолело междоусобную рознь и сплотило единое государство; именно Православие заложило в русском народе тот нравственный фундамент, который частично по инерции служил ориентиром ценностных приоритетов в межличностных отношениях и в советскую эпоху.

К сожалению, сегодня мы вынуждены говорить о проблеме *обретения* нравственного достоинства, а не только о его сохранении. Потому что именно Православие как мировоззренческая система в течение советского периода последовательно вытравлялось из культурной жизни (правда, начало этому процессу было положено еще в прошлом веке); именно Православную Церковь из всех вероисповеданий преследовали в первую очередь, закрывая и взрывая ее храмы, кошунствуя над ее святынями – мощами, иконами, издеваясь над религиозными и нравственными ценностями верующих, физически истребляя цвет духовенства и мирян, уничтожая или замыкая в хранилищах книги духовного содержания. Именно Православие пытались за счет некоторого поверхностного сходства подменить идеологией коммунизма и интернационализма; и, наконец, именно Православие, вернее те его остатки, что чудом уцелели в системе нравственных ценностей в советскую эпоху, пытаются сегодня окончательно выскоблить из душ наших современников, особенное внимание уделяя подрастающему поколению.

Справедливости ради, следует отметить, что современные условия построения «светлого демократического будущего» позволяют без особого ущерба для личного земного благополучия формировать альтернативу общепринятой модели воспитания

общества в духе либеральных ценностей. Но фундаментом такой альтернативы, простите за повторение, может быть лишь то, от чего в свое время сознательно отвернулись – Святое Православие. Современному обыденному сознанию – текучему, вечно изменяющемуся, не признающему никаких универсальных абсолютных ценностей (все относительно, каждый волен делать, что хочет, пока это не наносит ущерба личной свободе другого человека), провозглашающему целью жизни чувственные наслаждения и материально-политическое преуспевание – всему духу либерализма мы можем противопоставить одно – религиозно мотивированный образ мысли и жизни, а это и есть Православие. И нет другой неподвижной основы для ясного, трезвого осмысления своего положения в данное время, в настоящих исторических условиях. Нет иной (надежной) точки опоры для обретения, увы, утраченного национального, да и вообще, человеческого достоинства.

Почему? На этот вопрос или невозможно ответить, когда его задает неверующий, или же сам вопрос неуместен в устах верующего, во всяком случае, христианина. Тем не менее, опыт показывает и то, что, с одной стороны, нерелигиозные люди порой склонны соглашаться с правомерностью принципа веротрадиционности, и то, что, с другой стороны, многие христиане (крещенные, называющие себя верующими, даже ходящие в церковь), мягко говоря, не отягощают себя заботой и размышлениями о своем человеческом достоинстве и его связи с православием.

Все-то для нас важно – и жилье, и работа (карьера), и пропитание, и комфорт (сантехника, отопление, обстановка и т.д.), даже образование (больше, правда, как средство добыть место под солнцем, а не возможность развития) и, наконец, политические права, – но среди всех вышеперечисленных ценностей не обретается места достоинству человека. Кто-то может возразить, что эта тема присутствует незримо во всех упомянутых благах, ибо человек осуществляет свое достоинство, когда успешно стремится к ним. Иными словами, достойный человек тот, кто *состоялся как личность*, а именно: добился в жизни высокого положения, создал благополучную семью, обеспечил ее безбедное существование, дал хорошее образование своим детям, не попался на какой-нибудь нечистой сделке, а если и попался, то сумел защитить свои интересы и интересы своей семьи... Но из этого рассуждения следует, что честность, порядочность, благородство, гуманность, не говоря уже о таких сугубо христианских добродетелях, как вера, любовь, смирение, самоотверженность и др. – эти качества не то, чтобы совсем не находят себе места в бытующем представлении о человеческом достоинстве, но во всяком случае не являются его необходимыми условиями. Мы, христиане, порой, не смея самим себе признаться, проявляем приверженность этой системе ценностей в своих душевных устремлениях и поступках, а то и, ничтоже сумняшеся, декларируем ее как свое жизненное кредо. А так как это возможно лишь по причине духовного невежества, то попытка осмысления вопроса о человеческом достоинстве представляется нелишней.

Достоинство – понятие широкое. Употребляемое в греческом языке слово «аксия» означает и «ценность», и «достоинство». В одном своем аспекте понятие

достоинства тождественно понятию ценности, в другом же – достоинство как бы указывает на высокое место в иерархии духовных, нравственных, культурных или материальных ценностей того или иного человека, семьи, рода, народа, государства или, например, в кругу какого-нибудь объединения по интересам – будь то объединение представителей какого-либо направления в культуре или политическая партия. В зависимости от доминирующего мировоззрения, ценности, имеющие высокое достоинство в одном кругу, в другом будут котируются ниже, а то и вовсе отрицаться.

Говоря о человеческом достоинстве, мы подразумеваем набор признаков, придающих в наших глазах ценность человеку. То же относится и к понятию «национальное достоинство». Содной лишь маленькой поправкой или уточнением: если человек идентифицирует себя с каким-либо народом, ему обязательно свойственно и чувство национального достоинства. И наоборот, так как народ состоит из людей, имеющих общее происхождение со всем человечеством, а сам народ – лишь часть человечества, то основными ценностями, формирующими национальное достоинство, являются те, которые принято называть «общечеловеческими». Пожалуй, здесь и проходит водораздел между национализмом и патриотизмом: последний пытается спасти, укреплять и развивать национальные особенности на почве общечеловеческих ценностей, тогда как национализм есть попытка возвысить приоритет «национальных интересов» или «особенностей национального характера» над ними.

Например, патриотизм не толкает на вероломство и не побуждает унижать чужое патриотическое чувство. Патриотизму свойственно любить свое родное и уважать неродное и быть открытым для восприятия всего лучшего извне. Патриотическое чувство побуждает бороться за национальные интересы, но не в ущерб совети, у которой, согласитесь, нет национальности.

Национализм же, наоборот, изначально порочен с точки зрения общечеловеческих ценностей, как ориентированный на их попрание, если того «потребуют национальные интересы» – тогда все позволено: несправедливость, подлог, попрание закона и нравственности, убийство невинных людей и т. д.

Однако, возможен вопрос: а почему мы, собственно, так априорно уверены в приоритете общечеловеческих ценностей над ценностями конкретной общности – нации, сословия, политической или иной группировки? Не являются ли декларируемые с трибуны так называемые «общечеловеческие ценности» не более чем просто мифом? Не изменяются ли они сами с течением времени, и что мы под ними вообще понимаем? Тогда как народ, напротив, конкретен. И его интересы, в отличие от «общечеловеческих», более чем конкретны. Так, может быть, истинна именно эта ценностная ориентация, основывающаяся не на эфемерных представлениях и несбыточных мечтах, а на конкретном стремлении к конкретному благу конкретного народа (или клана, или индивидуума)? Посмотрите на тоталитарные государства, как их граждане бьются в истерике от счастья жить и трудиться под руководством гениального вождя! А ведь система, предоставляющая им (иллюзорно или на самом деле – это уже другой вопрос) работу и уверенность в завтрашнем дне, построена именно на по-

прании этих общечеловеческих ценностей. Но ведь ему, народу, за исключением кучки диссидентов, хорошо!

Так что же, в конце концов, провозглашается как проявление высшего человеческого достоинства: утверждение приоритета безликих «общечеловеческих ценностей» над конкретными интересами, или же приоритет конкретных интересов – лично *моих*, *моих* родных, *моей* корпорации, *моего* народа над тем, что, быть может, является всего лишь плодом воображения, массовым заблуждением?

Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Совсем не прост, если придерживаться атеистического мировоззрения, да и не всякое религиозное понимание сущности человека может что-либо весомое противопоставить вышеизложенной позиции.

Например, деистические представления, хотя и исповедуют Бога Творцом этого мира, но не Промыслителем. Мир продолжает развиваться по своим, пусть даже Богом данным, законам, но сам по себе, помимо Его Промысла. С такой позиции трудно что-либо обоснованно возразить.

Иное дело – теизм. Это религиозное мировоззрение, исповедующее Бога не только Творцом, но и Промыслителем. Бог не только сотворил «чудесный механизм», но заботливо направляет его деятельность к благой цели. И мы для Него не винтики, а дети, которых Он стремится собрать воедино и восстановить в их истинном достоинстве...

Вот мы вновь подошли к теме человеческого достоинства. Но уже не с позиции практической выгоды или общественных отношений, а, если хотите, с метафизической. С позиции истоков бытия как определяющих смысл существования мира или, как остроумно выразился один общественный деятель, с точки зрения «нравственной археологии». И эта метафизика коренится не в пустых и бесплодных мечтаниях, а в Божественном Откровении, которое человека рассматривает не как наиболее совершенный продукт эволюции, не как эволюционировавшую макаку, а как носителя образа Божия, как венец творения, как высшее из всех сотворенных существ, призванное Богом к усыновлению.

Это позиция теизма, наиболее полным и последовательным выражением которого является Православие, в троиственном единстве охватывающее богословское учение, богослужебную жизнь и практическую деятельность. И как бы мы ни пытались найти обоснование общечеловеческим ценностям вне Откровения, это все равно, что строить дом на песке. Тогда они, действительно, выглядят искусственно и надуманно. Только на почве Божественного Откровения, т. е. всего того, что Бог открыл людям о Себе, о человеке, о судьбах мира, общечеловеческие ценности обретают родную почву. Ведь именно на этой почве они и были выращены, здесь их корни. И только здесь оказывается возможным «отделить пшеницу от плевел». Из всей мешанины, которую нынче принято называть «общечеловеческими» ценностями, одни из них в свете Священного Писания сияют божественным светом Господних заповедей, другие же

проявляются как ценности «общечеловеческие» в том смысле, что все людям свойственен эгоизм.

Выявляя подлинные общечеловеческие ценности среди чуждых примесей, мы обретаем это понятие освобожденным от прежней неустойчивой призрачности, и оно становится подлинным критерием человеческого достоинства. А так как русским, эстонцем или кем бы то ни было еще может быть только *человек*, то получается, что достойным представителем того или иного народа может быть только *достойный человек*, т. е. человек, соответствующий замыслу Божию, отвечающий требованиям общечеловеческих норм в свете Его заповедей.

Все это как будто элементарно, даже как-то и неудобно об этом говорить, но практика показывает, что национальным героем порой становится человек, чья жизнь и близко не являлась образцом нравственности. Вспомним хотя бы царя Иоанна Грозного, которого нынче в иных кругах почтительно вспоминают, или тиранов нашего века, культы личностей которых поражают своей массовостью.

Но вернемся к понятию достойного человека. Что составляет это достоинство?

Когда мы говорим о достоинстве, то подразумеваем соответствие некоему стандарту, касается ли это материальной ценности или духовной, вещи, животного или человека – во всех случаях имеется в виду соответствие определенному стандарту, ниже которого – стыд и позор...

Каков же в таком случае стандарт, определяющий достоинство человека?

В разных социальных кругах вам его опишут по-разному. В одном кругу придается большое значение образованию, поставив нижним пределом среднее, а в другом даже и не упомянут об этой ценности. В одном на пьедестал возведут доброту, в другом же – мстительность. Разумеется, существует относительно устоявшийся в обыденном сознании образованных людей, мыслящих в духе «общечеловеческих ценностей», универсальный набор, якобы составляющий достоинство человека. Сюда входит внутренняя независимость, образованность, интеллигентность, ум, воля, общественное положение, репутация, материальные возможности, природная одаренность, внешний вид, мужество и смелость, честность, сила и великодушие, гуманность и пр. Не то, чтобы все этого стандарта придерживались, но признают многие.

Что ж, перечисленный набор хорош, только отражает ли он сущность человеческого достоинства? Если рассматривать человека как продукт развития европейской цивилизации, пожалуй, да. А в понимании православном – не совсем.

Начнем с того, что человек сотворен для вечной жизни, именно жизни, а не существования, которое может владеть бессмертная душа, поставившая себя вне Бога. Итак, вечность – то, к чему мы готовимся всей нашей земной жизнью. Стало быть, для человека истинную ценность может иметь лишь то, что сохраняется за порогом этой жизни – так называемые непреходящие, нетленные ценности, обогащающие душу, которые на самом-то деле и составляют достоинство человека. Ни одно из вышеперечисленных достоинств не является непреходящим. Все – тлен: и материальные, и

социальные блага, и красота, и смелость... Они лишь могут способствовать формированию достоинств духовных, непреходящих, но сами по себе таковыми еще не являются – их можно с одинаковым успехом использовать и на погибель души. И хотя это ценности положительные, все же их не следует считать абсолютными. Это все – относительные ценности. А какие тогда – абсолютные, вечные? Каков их критерий? С какой точки зрения это видно?

Ну, для начала, не «с какой-то», а «с чьей». Напоминаю, что мы рассуждаем в русле теистического мировоззрения, соответственно которому только Бог имеет бытие в Самом Себе; только Он вечен и Всесовершенен; духовный и материальный миры – Его творения; все, что доставляет естественную радость, – от Него, все, что причиняет страдания, – следствие грехопадения. Но то, что «от Него», при недолжном употреблении может навредить, а различные «следствия грехопадения» (изнурительный труд, болезни, скорби и т. п.), наоборот, могут способствовать исцелению души, если будут восприняты подобающим образом. Отсюда следует, что абсолютные ценности – те, которые являются таковыми с абсолютной же точки зрения – Божией.

Все злое, вредное в противоположность положительным ценностям определяется как отрицательные ценности. Зло, как и добро, может быть относительным или абсолютным. Если исходить из Откровения, то абсолютным Благом является Бог. Стало быть, абсолютным добром для человека следует считать совершенную причастность Богу, отсюда же следует, что абсолютным злом является то, что это единство разрушает и препятствует воссоединению. Другими словами, абсолютное добро – обожение; абсолютное зло – безбожие. Отсюда следует, что только добродетель, как богоугодное состояние души, имеет для человека ценность абсолютного добра, и только грех, как сатанинская разрушительная сила, является абсолютным и безусловным злом. Все прочие положительные и отрицательные ценности – относительны.

Но это, разумеется, не основание пренебрегать ими. Это и есть «неправедное богатство», т. е. ненастоящее, неистинное богатство (Лк. 16; 11), но все же вверенное нам Богом, от правильного распоряжения которым зависит, будет ли нам доверено богатство настоящее, истинное, духовное – вечное. Следует еще обратить внимание на то, что степень ценности определяется приносимой жертвой. Человек нередко бывает поставлен перед моральным выбором: поступиться совестью или жизненными благами (а то и самой жизнью), допустить чью-то гибель или самому погибнуть, сохранить личное достоинство или работу? И чем-то жертвует, что-то предпочитает, нередко жертвуя именно тем, что на словах возносил в ранг высших ценностей.

В свете вышесказанного, возвращаясь вновь к теме национального достоинства, национального чувства, мы определенно можем сказать, что бытие любого народа как такового есть ценность. И его интересы – ценность. И его наследие, и его настоящее, и его будущее – тоже ценность. И хотя ценность не абсолютная, но все же высокая. Высокая не в силу чьих-либо чувств, а потому, что разделение человечества на множество племен – не просто закономерное следствие демографических процессов,

но проявление Промысла Божия. Об этом в книге Деяний Апостольских свидетельствует апостол Павел, обращаясь к афинянам среди ареопага, говоря, что Бог «от одной крови... произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутивши ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян. 17; 26, 27).

Итак, смысл существования многообразия народов именно в том, чтобы единство этого многообразия осуществилось в Боге. А, значит, забота об индивидуальности, о национальной самобытности приобретает большой вес. Богоискательству способствует, разумеется, не родо-племенная рознь, а *некоторая разделенность в силу индивидуального своеобразия*, которая не дает очередному Интернационалу, этому мнимому общечеловеческому единству, подменить собою единство в Духе Святом, в истине и любви. Но... забота о национальной самобытности, о защите политических прав того или иного народа является богоугодным служением лишь до тех пор, пока не начинают попираяться заповеди Божии, пока эти права и самобытность не становятся чем-то вроде идолов, которым приносятся жертвы, и зачастую кровавые. Ибо хотя эти ценности велики, но все же нельзя забывать, что они не абсолютны.

Более того. Если отнестись к заботе о своем народе всерьез, если рассматривать интересы народа в свете понимания смысла его существования как части Божия замысла о спасении рода человеческого, то совершаемые в отношении какого-либо народа геноцид, насилие, репрессии, унижения, ассимиляция и прочие формы попрания заповедей Божиих не только не достойны звания человека, но и не могут составлять чей-либо национальный интерес. Если, повторяю, рассматривать «*национальный интерес*» масштабнее, чем доступ к энергоресурсам, расширение сферы политического и экономического влияния. Соучастие в грехе сильных мира сего путем ли молчаливого согласия или горячего одобрения не способствует истинному благу народа. А внешние достижения зыбки, «*ибо проходит образ мира сего*» (1 Кор. 7; 31).

Так что же из этого следует? Что, ради заповеди «не убий» уже и Родину с оружием нельзя защищать?!

Вопрос такой вполне к месту. Но одно дело – защита от нападающего врага, и другое – карательные экспедиции, даже когда население трудно назвать мирным. Одно дело – вынужденные меры во избежание гибели подвергающихся нападению, и другое – устранение конкурента со своей территории («своя территория» – тоже нередко спорное понятие). А кроме того, как явствует из Священной истории, Бог иногда допускает поработение иноземному владычеству в наказание (а слово «наказание» означает «научение»). И не всегда одобряет попытки сбросить иго. В одних случаях, внимая покаянным воплям избранных страдальцев, Он воздвигал им героя, который собирал народ на освободительную войну, а в других случаях устами пророка повелевал покориться захватчикам (2 Пар. 36; 11-21). Так что национальная свобода и политическая независимость тоже не попадают в категорию абсолютных ценностей.

В связи с этим вспоминается проповедь лютеранского пастора Густава Пийра по случаю 75-летия Эстонской Республики, произнесенная за торжественным богослужением в Таллиннском Домском соборе. Как и следовало, проповедь была посвящена теме свободы. Но подана была эта тема в довольно-таки неожиданном ракурсе. Проповедник начал с описания евангельского повествования торжественного входа в Иерусалим Христа Спасителя: «Господь въезжает на осле, Его встречают ликующие иудеи, которые видят в Нем своего Мессию, каковым Он и в самом деле является, но чего ждут они от своего Мессии?.. От чего пришел их освободить Христос? От римской оккупации? – Нет! Но Он принес им другую свободу. Что сказал об этой истинной свободе Христос? – «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8; 32)! А об истине что Он сказал? – «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14; 6)... Вот мы молимся: «Боже, храни Эстонию!». А можем ли мы сказать, что все, что делается в Эстонии, – угодно Ему?... И далее в том же духе.

Прежде чем коснуться положения русских в Эстонии сегодня, еще одно небольшое историческое отступление, потому что современная неблагоприятная ситуация – во многом порождение как раз советской эпохи.

Мы очень много говорим (и обоснованно возмущаемся) на тему некрасивого отношения «народа-победителя» к нетитульным народам Эстонии. Точнее, вызывает негодование не отношение народа, а его власть предрезающих представителей. Проблема получения гражданства, вида на жительство, сложности с трудоустройством в связи с нормативами по государственному языку, весьма неопределенное будущее для подрастающего поколения и молодежи, чудовищный уровень распространения наркомании именно среди русской молодежи, постепенная нравственная и интеллектуальная деградация детей и юношества... Перечень можно было бы продолжить и заключить его тупиковой ситуацией с Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата, которая с 1994 года находится на положении как бы неформальной организации: юридически не существует, но с ее фактическим бытием считаются.

Говоря о недоброжелательном отношении к русским в Эстонии, необходимо понять, что его истоки в негативе, накопившемся среди эстонцев в отношении к советской системе, а заодно и к той народной массе, которая эту систему олицетворяла. Он-то и продолжает изливаться на так называемое «русскоязычное население». Это, безусловно, низко, жестоко, глупо, наконец. Но не беспочвенно. Одно дело осуждать мстительность, особенно в отношении тех, кто лично не виновен ни в каких преступлениях, никого не оговорил, никого не лишил жизни, ничью судьбу не исковеркал, а другое дело – не признавать, что никакие финансовые вливания в экономику и культуру Эстонии не компенсируют и не отменяют ужаса, который воцарился здесь с приходом советской власти. А власть эта пришла только благодаря присоединению к Советскому Союзу. Как бы это присоединение ни называли – «оккупацией» или «инкорпорацией», суть его – насилие, оборванные жизни, унижения, неволя... И пришло это зло из СССР (для эстонцев – из России), опорой этого режима

были русские. А то, что сами же эстонцы «новую жизнь» строили, сами же доносы на своих же собратьев писали, после чего последние отправлялись в «путь-дорогу», сами не оказали вооруженного сопротивления в 1940 году – это все не аргументы. Негодяев, готовых погубить ближнего из-за мелочи, хватает в любом народе. Но без того режима, который был установлен «старшим братом», они были бы неспособны вредить. А потому нам в первую очередь, прежде чем возмущаться о попрании наших прав, следует осмыслить этот исторический факт. Не для того, чтобы устроить «покаянное шоу» или до конца жизни терзаться чувством вины, и уж, конечно, не для того, чтобы внушить нашим детям это чувство. Но почувствовать бы не мешало некоторую коллективную ответственность за то, что каждый раз происходило здесь по вступлении нашей победоносной армии, осознать свою причастность к тому злу, которое было принесено в этот край большевиками – это не мешало бы именно в борьбе за свои права, потому что понимание чужой боли, в том числе боли того, кто нам пытается причинить боль, необходимо для выстраивания отношений.

Вспомним также, как пренебрежительно с подачи государственной системы относилась большая часть приезжих к эстонскому языку (вплоть до того, что если не хочешь, чтобы ребенок учил его в школе, пишешь соответствующее заявление – и его освобождают от занятий). А борьба, которую развернуло Интердвижение против восстановления независимости ЭР? Это не только не дало распасться «образу врага» но еще и укрепило его. Но это «день вчерашний». А что мы имеем сегодня?

А сегодня спектр настроений среди русских в Эстонии даже слишком широк. Теперь те, кто игнорирует необходимость учить государственный язык, составляют исключительное меньшинство. Большинство же впадает в другие крайности. Какой-то массовый психоз: чуть ли не все кинулись, кто срочно эмигрировать, кто детей своих чуть ли не с грудного возраста пытается приспособить в эстоноязычную среду (садик, школу), кто забирает детей из одной школы (вблизи дома) и отправляет в другую (вдали, а то и в другом населенном пункте), якобы там английский язык с первого класса, с первого же класса вводится эстонский и преподаются некоторые предметы на нем же (когда ребенок еще родной-то не освоил толком и образное мышление его не развито).

Это поветрие обусловлено тем, что, с одной стороны, имеются широкие теоретические возможности выбора, как страны проживания, так и получения образования и работы (любая страна, любой вуз, любой род деятельности легальной и нелегальной в любой точке земного шара). Правда, не все имеют возможность этот выбор осуществить. А с другой стороны – ощущение бесперспективности здешней жизни, ориентации национальной политики на ассимиляцию (под вывеской интеграции), нерезко бесплодные усилия по изучению языка, слабое финансирование русской культуры, отсутствие у многих людей реальных возможностей переехать и устроиться в другой стране. И вот многие, испытавшись за будущее своих детей,

лихорадочно мечутся, стремясь устроить их в такие садики и школы, которые смогли бы обеспечить им так называемое «место под солнцем», причем под «эстонским» солнцем. Это либо эстонские садики и школы, либо те, в которых изучению языков уделяется повышенное внимание.

Спросите любого практикующего детского психолога (непредвзятого), и он вам ответит, что в раннем возрасте вредно перегружать детей дополнительными языками, о чем уже упоминалось выше. А что делать, если к 2007 году на гимназической ступени 60 процентов предметов в русских школах должно изучаться на эстонском языке?

Невозможно оставить без внимания и те психотравмы, которые получает русский ребенок, отправленный в эстонскую школу. И психологи не зря бьют тревогу. Бьют, правда, как-то кулуарно, не во всеуслышание, поскольку это, как правило, психологи, работающие в эстонских школах и не желающие потерять место. Поэтому пока что приходится, за неимением серьезных научных исследований на эту тему, довольствоваться личными сообщениями во время частных бесед. Это – что касается массового поступления русских детей в эстонские школы.

Но не лучше обстоит дело и с преподаванием некоторых дисциплин на эстонском языке в русских школах. В некоторых, например, первоклашкам вводят музыку и физкультуру на эстонском языке. Разумеется, отдают, чего не жалко, в том числе пение. И требование министерское выполняют, и не наносят ущерба основным дисциплинам. В самом деле, не физику же с математикой отдавать на растерзание! Но именно тут встает вопрос о национальном достоинстве. Кого мы растим, спрашивается?

Пусть в русских гимназиях учатся не только русские, но мы уже в самом начале статьи обозначили, что под русскими следует понимать не только этнических русских, но некое полиэтническое образование, объединяющее представителей разных национальностей, обладающих единым культурным самосознанием. Но давайте наконец определимся: имеет ли для нас ценность национально-культурный идентитет или это все отвлеченная болтовня? Если имеет – какую роль мы отводим в его формировании родному языку? И даже когда речь идет не о русских, украинцах, белорусах (т. е. славянах), а о татарах, армянах, евреях и других национальностях, которые обучаются не в национальных школах, а в русской, то разве не лучше ли им в процессе обучения приобщиться к русской культуре (не отвлекаясь при этом от своей родной), чем не приобщаться ни к какой, зависая в каком-то вакууме бескультурья? Но именно к этому сейчас подталкивают русскую школу. И уроки музыки на эстонском – один из наиболее эффективных шагов на пути этого культурного обескровливания.

Ведь язык – душа народа. А музыка, по меткому выражению директора православной гимназии «Ясенево» в Москве священника Алексия Сысоева, должна **«подавать слово и истолковывать его»**. Какой же еще предмет столь тесно связан с родным языком и питает душу, приобщает ее к сокровищнице родной культуры, как музыка?

Но именно его вводят на эстонском языке. А что же душа? Не до нее, когда под угрозой т. н. «жизненные блага»? А как же достоинство?

С. Говорухин как-то произнес такое сочное слово, как «быллоизация». Так вот, насильно человека, разумеется, «быдлом» не сделаешь, но создать условия для этого можно. И этот процесс идет. И мы делаем выбор: что нам дороже – душа, ее внутреннее богатство, укорененное в исторической памяти и культуре (словесной, музыкальной, изобразительной, декоративно-прикладной, других ее формах), или соответствие ценностному евростандарту – этому прокрустову ложу мира сего, «джентльменский набор» которого – карьера (включая образование), деньги, комфорт, здоровье, быт (семья, круг общения, связи). Причем, вопрос не стоит ребром: или – или. Но всего лишь: что предпочесть, чему уделить первоочередное внимание, *в какой-то лишь мере* урезав то, что остается на втором плане? Все приносится в жертву лугуманизированным запросам времени. А душа питается по остаточному принципу. Кого же мы в таком случае растим? И кто мы с вами после этого?

Но музыка – музыкой, а давайте наконец, в заключение, обратим внимание на ту основу, которая как никакая другая гарантирует именно обретение утраченного достоинства, и человеческого, и национального. Как уже говорилось выше – это Православие.

Размышляя о взаимосвязи человеческого достоинства и Православия, к месту будет привести отрывок из т. н. «Памятной записки Соловецких Епископов, представленной на усмотрение Правительства» (Обращение архиереев-узников Соловецкого концлагеря, своего рода программа Церкви по урегулированию отношений с государством, адресованная советскому правительству в 1926 году): *«Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб. коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высоты философского мировоззрения идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодотворения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но служи-*

ирую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на отум, отяняющий народы и расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения» [2; 170].

В цитируемом отрывке религиозное православное мировоззрение противопоставляется материалистическому мировоззрению коммунизма. Но либерализм – это другая ветвь материализма, через которую он оказался более жизнеспособным и добился несравненно больших успехов. Если СССР необоснованно называли страной развитого, торжествующего социализма, то либеральные страны Запада можно с уверенностью назвать «странами торжествующего материализма». Разница лишь в том, что религиозные ценности не уничтожаются грубо, а «культурно» вытесняются из массового сознания.

Мы же (все проживающие на постсоветском пространстве) оказались как бы между молотом и наковальней: с одной стороны, из миропредставления многих людей не изжиты стереотипы коммунистического мировоззрения, а с другой, – наша жизнь в срочном порядке перекраивается по либеральному стандарту «цивилизованного мира». Это особенно ярко видно на примере политики государства в отношении Православной Церкви: с одной стороны – попытка восстановить былой статус Церкви, которая была стеснена в своей деятельности в период атеистических гонений (что отвечает ценностям либерального мира), с другой же стороны – на практике имеем приоритет идеологии, попирающей закон (балласт коммунистического менталитета).

То же самое сплошь и рядом встречается в Эстонии среди русских: с одной стороны – массовое стремление принять крещение, с другой – неприятие (в основной массе) церковной жизни; с одной стороны – увлечение всевозможными духовными течениями (от харизматических сект протестантизма до оккультных обществ), с другой – завидная устойчивость внедрявшегося в течение десятилетий неприятия Православия как догматического и литургического единства (освящение куличей и пасок раз в год – не в счет); с одной стороны – открытость навстречу либеральным ценностям «просвещенной Европы», с другой – ни малейшей заботы (как правило) о том, чтобы предоставить детям возможность изучения Закона Божия в традиционной религиозно-мировоззренческой системе (тогда как, например, в Финляндии преподавание религиоведения в школе осуществляется таким образом, что если в классе учатся одновременно католики, лютеране и православные, то каждой группе будет предоставлен учитель своей конфессии).

Причем ценности либерального стандарта неплохо уживаются с коммунистическим балластом. Более того, упомянутый балласт получает как бы вторую жизнь на почве либерального стандарта – балласт как бы дает мне моральную санкцию на авторитарное поведение, а либеральный стандарт я могу использовать для ограждения себя от укоров совести, для оправдания своего эгоизма, чтобы «поставить себя» в отношениях с окружающими так, как угодно мне, моей «личной свободе».

На Рождественских Образовательных Чтениях, проходивших в Москве в 1999 году, Митрополит Кирилл отметил по поводу либерального стандарта: «Достоевский говорит: «Если Бога нет, то все дозволено». Ныне повсеместное утверждение современного либерального стандарта позволяет предложить несколько иное прочтение этой обжигающей сознание фразы: «даже если Бог и есть, то все равно человеку все дозволено». Ибо с точки зрения того стандарта жизни, с которым мы полемизируем, не существует никакой регулирующей нормы, которая ограничивала бы всевластие человеческой самости. «Каждый свободен в той мере, в какой его свобода не нарушает свободы другого» – этот основополагающий постулат либерализма, ограничивая всевластие человека в сфере общения с другими людьми, никоим образом не ограничивает человеческой самости. Апостол Павел говорит, что истинная свобода есть свобода от греха. Это подразумевает добровольное самоограничение человека, принесение им некоей жертвы, наложение на себя во имя спасения определенных духовно-нравственных уз. Либеральный же стандарт утверждает совершенно противоположное: совлечение со своего существа всего, что ограничивает, стесняет, не попускает, ибо идея свободы есть для него кумир превыше всякой веры в Бога» [3; 60].

Если же рассматривать свободу человека и его достоинство именно в свете православной веры, то поистине свободен лишь тот, кто не раболепствует греху, кто свободно сораспался Христу – сделал себя с Божией помощью неподвижным на грех и терпит в связи с этим неизбежные скорби, но с креста не сходит, не изменяет добровольно принятому Евангельскому стандарту ценностей, как бы его к этому не подвигала его собственная земная природа, или укоренившиеся страсти, или весь окружающий мир, на-все лады советующий: «Сойди с Креста!» Такой человек истинно свободен, ибо ничто преходящее не имеет над ним такой власти, чтобы заставить погрешить против своей богоподобной природы, против своего человеческого достоинства. И обретает он эту свободу в реальном, живом приобщении к своему Первообразу – Богу, освящаясь церковными таинствами, просвещаясь апостольским учением и ведя религиозно мотивированный образ жизни. Такой человек свободен без высокомерия, смиренен без слабости, жизнерадостен без сладострастия. Именно такая внутренняя свобода – основа обретения национального достоинства.

Можно сколько угодно метаться в разных направлениях: пытаться мимикрировать, ассимилироваться, надеясь тем самым избежать скорбей и лишений, воображая, что свобода и достоинство осуществляются, когда имеешь все, что положено полноценному гражданину; или можно, к примеру, развивать бурную общественную или культурную деятельность, отстаивая права своего гетто и его культурные традиции. Первое – подло, второе – поверхностно.

Только осознав себя православными (не по одному лишь факту крещения, но по своей таинственной приобщенности к Богу, обязывающей нас к тому, чтобы эта связь легла в основу и нашей личной жизни, и внешней деятельности), мы можем реально обрести себя. Именно от Бога человек получает силу к раскрытию своей личности.

освобождая ее от личины – гордой самости. Именно в процессе духовного роста формируется истинное мужество, благодаря которому он удерживается от опрометчивых поступков, не малодушествуя перед волнами житейского моря (вечно меняющимися массовыми настроениями, бытующими представлениями), но мудро отличая истинное от призрачного, мало-помалу следуя своим курсом.

Земные блага нам необходимы. Права и социальные гарантии должны быть предметом наших стремлений. Но что мы при этом положим в основу?

«Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6; 33). Но тут предстоит подвиг веры...

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1983.
2. Польский М., прот. Новые мученики российские. Москва, 1994.
3. Сборник докладов VII Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 1999.

ТИЙТ РОЗЕНБЕРГ

РУССКО-БАЛТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВО 2-ОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

XIX век, век национального подъема, назван и историческим веком, так как именно в это время начался подъем историографии во всей Европе. При формировании чувства коллективной идентичности история народа, т. е. историческое сознание и историческое объяснение, приобретала особое значение. Ни одно государство, народ или общность людей не могут существовать без своей истории – т. е. общего прошлого и его понятного и приемлемого для большинства объяснения. Именно история давала народу или его части легитимность, описывая его происхождение и место в этом мире. Это относится и к русским, проживавшим в прибалтийских губерниях России, для которых история также стала существенным средством самоутверждения.

Для русских, уже столетиями проживавших в Прибалтике в качестве меньшинственной национальной группы, *интерпретация местной истории* приобрела практическое значение только в последней трети XIX века. Тогда в процессе общественной и экономической модернизации, а также централизации государства, которая сопровождалась насильственной политической и культурной русификацией, стал заметно расти в Прибалтике слой русских чиновников, интеллигенции и буржуазии, удельный вес которого до тех пор был весьма скромным.

Основоположителем русско-балтийской историографии можно считать Юрия Федоровича Самарина (1819-1876), чья славянофильская критика «особого местного порядка» – балтийской автономии и верховной власти немецких господ, – с которой он впервые выступил в 1840 году, а затем, более усиленно – в 1860 году, основывалась на историческом анализе [1]. Его обращенная к русскому общественному мнению критика нашла практический выход в новом курсе русско-балтийской политики в середине 80-х годов, когда правительство поставило целью резко увеличить русское присутствие и власть в прибалтийских провинциях. Но в связи с этим возникла потребность в разъяснении здешнему русскому обществу его миссии, дабы способствовать утверждению у него, вместо прежнего меньшинственного, идентитета господствующего в государстве народа и указать тем самым на второстепенное место здешних коренных народов – эстонцев, латышей и балтийских немцев.

Выдающимся представителем малочисленной местной русской интеллигенции был Евграф Васильевич Чешихин (1824-1888), первый редактор газеты «Рижский Вестник», который вслед за Самариным наиболее весомо обосновал русско-балтийскую трактовку истории и создал в ней т. н. официальное направление [2].

После окончания Даугавпилской гимназии он изучал математику в Московском университете в 1843-1847 годах, где сблизился со славянофилами. После окончания университета служил военным чиновником в Польше и затем в 1862 году поселился в Риге, где прожил вплоть до своей кончины.

Считая, что в Риге нет ничего русского и современного, Чешихин стал в духе славянофильского панславизма добиваться национального пробуждения местного русского общества и тем самым подготовил почву для более современного централизованного административного устройства. С этой целью он начал издавать в 1869 году «Рижский Вестник», активно участвовал в различных русских общественно-культурных мероприятиях: был учредителем и председателем ряда обществ, литературных кружков, библиотеки, типографии, акционерного общества и банка, мужской и женской гимназий.

С 1870 года он углубился в изучение местной истории, опубликовав множество материалов и в своей газете. В 1876-1883 годах он опубликовал 4 объемистых тома – «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края». Целью сборника было способствовать улучшению знания истории края русским населением, а также ознакомление с переводами важнейших источников по истории Прибалтики и трудами немецких ученых.

Уже в предисловии к первому тому четко проявилась позиция Чешихина по отношению к балтийской истории: «Никакими естественными границами не отдален Прибалтийский край от коренных русских земель ... он есть не что иное, как продолжение той огромной равнины, которая составляет русскую государственную область ... тут, на этом клочке земли мир германский – немцы, датчане, шведы – столкнулись с миром славянским – поляками и русскими; тут, на этом клочке земли разыгралась драма, прологом к которой послужило появление в крае немецкого монаха и рыцаря и эпилог которой был заключен русским императором Петром I ... (тогда) край стал быгг тем, чем сулили ему быгг его географические условия, т. е. нераздельной частью Российской империи» [3, I-II].

Самым распространенным и основополагающим произведением Чешихина была вышедшая в первом издании в 1884 году (без указания автора) и предназначенная для народных школ Прибалтийских губерний «Краткая история Прибалтийского края» [3]. Она была написана по той же схеме, которую Чешихин предполагал разработать в своем основном труде – многотомной «Истории Ливонии с древнейших времен», из которой в 1884-1887 годах успели выйти лишь два первых объемистых тома и часть третьего, который из-за смерти автора был прерван на середине XIV века [4].

Цель обоих этих произведений, созданных непосредственно перед воплощением в жизнь правительственной политики русификации, становится ясной из посвящения автора: «гг. членам русских общественных учреждений в Ливонии, для споспешествования знанию прошлого этой страны и для укрепления среди них правильного разумения своего настоящего и задач будущего». Оба произведения были составлены по примеру труда величайшего русского историка XIX века С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (29 томов, 1851-1879), в духе великорусского шовинизма.

У С. Соловьева был заимствован и геополитический подход или географический детерминизм, который был кратко представлен уже во введении к вышеуказанному сборнику материалов 1876 года.

Хотя, по трактовке Чешихина, основными действующими лицами в здешней истории были представлены русские и немцы, а основной ее «осью» – борьба славянского и германского миров за «исконные русские земли», все же в его книгах много места, может быть, даже больше, чем в разработках балтийских немцев, посвящено и местным коренным народам, правда, с позиций великодержавного превосходства и унижительного отношения к последним. Так, например, описывая примитивный быт коренных народов Прибалтики, Чешихин отмечал: «родовая жизнь чуди (эстов) и латышей влекла за собою раздельность сил и совершенную невозможность противиться влиянию соседей, влиянию племен более сильных, энергичных и более даровитых. Такими соседями с востока для чуди были ильменские славяне, более известные под именем новгородцев, а для латышей – кривичи (белорусы)».

Говоря о расширении русского влияния и распространении православия мирным путем, автор частенько противоречит сам себе, как к примеру: «Чудь ... находилась под влиянием новгородцев ... что выражалось в данничестве, хотя и в гораздо меньшей степени, чем у латышей. Русские князья налагали дань на чудинцев, и великий князь Ярослав Владимирович в 1030 году на берегах Эмбаха (Амовжи) для удержания в покорности чудинцев построил русскую крепость, которую назвал Юрьевым. Но чудь не так легко покорилась русской гражданственности, как литовцы и латыши. Она делала нередкие набеги на новгородские земли; новгородцы, для укрощения непокорных, предпринимали частые походы на чудские земли».

С этого времени, т. е. с IX–XII веков, согласно Чешихину, на берегах Балтийского моря началось то, что было обусловлено природными условиями – присоединение к русскому государству. Но этот естественный процесс притормозился потому (опять-таки по причине природных условий), что через ливско-латышские земли наряду с великим греческим водным путем, из Скандинавии проходил второй водный путь в Киев и Византию. Его открыли бременские купцы, «верные слуги господни» и «честные епископы», из-за корысти и коварства начавшие также распространять здесь христианство, которые закрепились среди эстонцев-латышей, силой обратили их в католичество, изгнали русских из их ливонских городищ и поселений и образовали в Ливонии какое-то подобие государства («какое же государство они смогли основать на кусочке русского государственного пространства?» – патетически вопрошает Чешихин), а по существу – просто немецкую колонию, которая бы их кормила и поила.

Чешихин подчеркивал, что закрепление немцев на этих местах якобы исказило естественный ход событий в Ливонии и на протяжении столетий несло с собой сумятицу, распри, войны и кровопролитие... Победители жили под вечной русской угрозой, а побежденные думали только о свержении ига и рабства. Исконная русская вотчина попала под чужую (читай – неправильную! – Т. Р.) власть, которая сохранялась до 1710 года, когда ливонские владения согласно их естественной принадлежности

перешли обратно к России. Собираательство российских государственных земель продолжалось и после Петра Великого и завершилось в 1796 году [4, 1/4 и др.].

Связывая прошлое с современностью, Чешихин отмечал, что теперь наступило время ликвидации последствий промежуточного ненормального развития событий, и этот край с его обитателями вступает на путь воссоединения со всей великой русской семьей. Не уделяя в своих разработках особого места здешнему коренному населению, Чешихин тем не менее утверждал, что оно якобы с восторгом смотрит в сторону России, уверовав в ее историческую миссию.

Так выглядела история Прибалтики в трактовке Чешихина, и повторение этой концепции можно в дальнейшем встретить (с небольшими изменениями) во всех составленных русскими авторами обзорах по балтийской истории вплоть до конца царского времени. Только ни одно из них не было настолько подробным, как работы Чешихина, которые после их выхода в свет по своему размаху, объему и содержанию сравнивались с историей России С. Соловьева.

Вслед за вышедшими в период пика русификации работами Чешихина появились многие труды других русских авторов на более узкие темы, прежде всего о XIX веке и в основном по истории православия, а разработки более общего характера появились только 25 лет спустя в связи с 200-летним юбилеем присоединения Прибалтики к России.

Авторами примерно десятка юбилейных изданий, вышедших в основном в виде брошюр, из которых некоторые были опубликованы на эстонском и латышском языках, были местные русские правительственные чиновники, инспектора школ, военнослужащие или православные священники [5]. Основной упор в этих произведениях делался не столько на обосновании «исконных русских прав» на здешние земли, хотя о них и говорилось часто даже словами Чешихина, сколько на превознесении принесенного Россией в эти края мирного времени. Его противопоставляли прежним временам, которые были полны тяжелых испытаний и кровавых войн. При этом как бы забывалось, что одним из основных участников этих войн была Россия.

Автором одного такого подробного обзора истории Эстонии с приложениями, научными ссылками и иллюстрациями (94 с.) был военный историк, подполковник Двинского полка Владимир Иванович Годунов, поставивший перед собой следующие задачи: 1) осветить положение Эстонии в период до российских войн с целью завоевания этой территории; 2) дать более или менее полный обзор войн Российского государства с целью захвата Эстонии и Таллинна; 3) рассмотреть, что было здесь предпринято правительством России за прошедшие 200 лет.

В. И. Годунов утверждал, что «по своему географическому положению она (Эстляндия) самой природой была предназначена войти в состав России, которая, заняв всю Русскую равнину, рано или поздно должна была достигнуть на северо-западе своей естественной границы – Балтийского моря. Но прежде чем сделаться подданными России, аборигены страны, эсты, должны были испытывать в начале XIII века все ужасы завоевания родины пришельцами с Запада – немцами и датчанами. Затем около пяти

веков в Эстляндии происходили почти непрерывные внутренние смуты и войны... Эти войны сопровождалась страшными опустошениями страны и разорением жителей ея. Только присоединение Эстляндии к России в 1710 году Петром Великим дало прочный мир этому краю... Не будь Петра Великого, кто знает, как долго еще Эстляндия служила бы яблоком раздора между соседними державами? Как долго жители ея подвергались бы всем ужасам опустошительных войн?! [6, 3-4].

Другой автор, директор народных училищ Эстляндской губернии Иван Ильич Рогозинников, в брошюре, изданной Комитетом по установлению памятника Петру Великому в Таллинне, которая вышла двойным изданием на русском и эстонском языках и отдельно на эстонском языке и распространялась бесплатно в школах и волостных правлениях, писал следующее: «Окинув взором прошлое Прибалтийского края до присоединения его к России, мы видим, что это прошлое было полно ужасов непрестанных войн и междоусобий; двухсотлетнее же пребывание этого края под мощной охраняющей сенью Российского Двуглавого Орла – есть постепенный рост его благополучия. Сколько трудов понесено Венценосными Вождями земли русской за этот край. Сколько русской крови пролито и костей сложено на Прибалтийских берегах за их обладание. Какую неустанную заботливость проявляли Государи наши о мирном развитии края... В тесном единении с Державными Вождями земли русской и с нашей общей матерью Россией – залог дальнейшего благополучного развития Прибалтийского края» [7, 24].

Все вышеупомянутые русские авторы писали о балтийской истории в духе официальной правительственной политики – в духе великодержавного шовинизма, исходя из принципа «единый бог, единый властелин, единая отчизна, единый язык». Других подходов явно не могло и быть. Но общие подходы не всегда являлись показателями направленности всей русско-балтийской историографии. Ее представителей было намного больше. Среди них были люди с очень разными взглядами, которые, будучи историками или краеведами, относились по-разному и к истории народов, населявших здешние земли. С. Исаков совершенно справедливо отмечал, что в середине XIX века в Эстонии, особенно в Таллинне и Нарве, образовались русские культурные центры и в это же время появились первые эстофилы русской национальности, как, например, Василий Благовещенский, Василий Иванов и другие [8, 527]. Как следует из обзора С. Исакова о русскоязычной журналистике в Эстонии в XIX – начале XX века, русские авторы довольно много писали об истории Балтии [9].

Исследователь истории эстонской школы А. Лийм в историко-графическом обзоре проанализировал написанные в конце XIX – начале XX века труды русско-балтийских авторов по истории местного народного образования [10]. На основе анализа работ десятка авторов он выделил три направления. Наряду с представителями славянофильского или официально-консервативного направления (Н. Зайончковский, 1902; А. Вильев, 1905 и другие), которые последовательно оправдывали политику русификации, существовало и либеральное направление, куда входили такие авторы, как учитель русского языка и литературы тартуской городской школы и тартуской учительской семинарии Михаил Столяров (1895, 1897) и инспектор народных училищ Сергей Сахаров

(1916). Представители этого направления, как правило, более подробно использовали первоисточники и более объективно их трактовали, не идеализируя образовательную политику правительства в Прибалтике. Представители же демократического направления, такие, как В. Иванович (1906) и Антон Витаев (1913), осуждали деятельность российской бюрократии в области образования в национальных школах окраин, признавали право каждого народа на получение образования на родном языке и положительно оценивали народные движения, которые этого права добивались.

Как отмечает А. Лиим, различие консервативных, либеральных и демократических авторов отразилось в различиях трактовок – как по их охвату и направленности, так и по их объективности. О такой же дифференциации можно говорить и в отношении русских авторов, которые занимались историей и краеведением Прибалтики и в других областях историографии. В целом же история русско-балтийской историографии нуждается в более подробном и систематическом исследовании.

Литература

1. См. Thaden, Edward C. Jurii Fedorovich Samarin and Baltic History // Journal of Baltic Studies, 1986, vol. XVII, N. 4, 321-328.
2. См. Витвицкий Л. Памяти Е. В. Чешихина // Рижский вестник, 1893, № 291; Ветринский Ч. Е. В. Чешихин // Русская старина. 1899. Т. 1-2; Памяти Е. В. Чешихина: К двадцатипятилетию со дня его кончины / Под ред. Всева. Е. Чешихина. Рига, 1913.
3. См. Чешихин Е. В. Краткая история Прибалтийского края. Изд. 2-ое. Рига, 1894. С. 73 – В приложении даны краткая биография автора и обзор русификаторских реформ в Прибалтике в период правления Александра II.
4. См. Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Т. I. 1884. – 394 с.; т. II, 1885. – 73 с.; т. III, 1887. – 160 с.
5. Высоцкий И. И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710-1910 гг.). Вып. 1. Русская государственность. Рига, 1910. – 42 с.; Евфратова Л. П. Прибалтийский край (По поводу 200-летия присоединения Риги и других городов Прибалтийского побережья 1710-1910 гг.). Удостоено премии имени графа Строганова. Санкт-Петербург: Издание комиссии по заведыванию капиталом имени графа Строганова, 1912. – 28 с.; Пшеничников Л. Г. Русские в Прибалтийском крае (Исторический очерк). Рига: Изд. Рижского национального клуба «Русская беседа», 1910. – 27 с.; Сивицкий С. Н. К двухсотлетию Русского владычества в Прибалтийском крае. 1710-1910. Рига: Изд. Рижского Педагогического общества, 1910. – 47 с.; Юрьенс И. А. Прибалтийский край под русской властью. К 200-летию Юбилею присоединения Прибалтийского края к Русской Державе. Рига: Изд. Рижского Петропавловского православного Братства, 1910. – 24 с.
6. Годунов В. И. 1710-1910. Краткий очерк истории Эстляндии. К 200-летию юбилею завоевания ее Россией. Ревель: Изд. Комитета по сооружению в гор. Ревеле памятника Императору Петру I, 1910. – 94 с.
7. Рогозинников И. И. К двухсотлетию присоединения Эстляндии к державе Российской. Ревель: Изд. Комитета по сооружению в гор. Ревеле Императору Петру I, 1910. – 20 с.
8. Issakov, S. Venelased // Eesti rahvaste raamat. Rahvusvahemused, -rühmad, ja -killud. Tallinn: Eesti Entstüklopeedikirjastus, 1999. Lk. 525-539.
9. Issakov, S. Ülevaade venekeelsest ajakirjandusest Eestis // Eesti ajakirjanduse teed ja ristteed. Eesti ajakirjanduse arengust (XVII sajandist XX sajandini). Tallinn: Olion, 1994. Lk. 301-324.
10. Liim, A. Eesti kooli ja hariduse ajaloo historiograafia. Käsikiri. Tartu, 2000.

Ф. В. БУЛГАРИН В ЛИФЛЯНДИИ И ЭСТЛЯНДИИ

За последние годы Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859), который полтора века был объектом брани и презрения русского и советского литературоведения, постепенно выдвигается в фокус внимания исследователей эпохи Пушкина, Гоголя и декабристов. Серьезным изучением его жизни и деятельности занимаются как в России, так и на Западе, а также в Тарту. По нашим, может быть неполным сведениям, только в России за последнее время о нем опубликованы две, правда, очень неравнозначные работы [1], ему преимущественно посвящен целый выпуск одного из самых солидных международных литературных журналов НЛО [2], не говоря уже о множестве более мелких исследованиях и переизданиях его произведений. Он также стал объектом ряда диссертаций американских, европейских, российских, а также эстонских ученых.

Самым авторитетным и серьезным булгариноведом в мире стал известный московский литературовед А. И. Рейтблат, книга которого «Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение» (Москва, 1998. – 700 с.) по объему научно-справочного аппарата и комментариев может претендовать на звание булгаринской энциклопедии и одновременно дает панорамную картину его эпохи. В книге А. Рейтבלата опубликована почти вся переписка Булгарина с этим органом тайного надзора, причем две трети писем и записок напечатаны там впервые. Они дают почти полное представление о негласных занятиях Фаддея Венедиктовича, одновременно показывая, что доносчиком его назвать трудно, отдавая должное его наблюдательности и знанию людей. При этом не так важно, что авторство некоторых «писем и агентурных записок» остается спорным или его следует признать коллективным. Ведь это – живое дыхание эпохи, не искаженное знанием того, что было потом, как это бывает в мемуарах.

Слава доносчика и шпиона, как известно, сопровождала Булгарина всю жизнь и осталась его основной характеристикой и поныне. Разбор этих взглядов и слухов не входит в сегодняшнюю тему, но они оказали свое влияние на отношение к Булгарину и в Лифляндии, хотя здесь не особо интересовались русскими проблемами. В замкнутом кругу остзейского дворянства не любили пришельцев вообще, особенно русских дворян, к которым принадлежал Булгарин. Как он ни старался, но своей имматрикуляции в местное рыцарство добиться не смог. Наоборот, как увидим ниже, его даже пытались выжить.

Далее сосредоточим внимание на контактах этого человека с нашим краем и на судьбе его наследства здесь же, меньше останавливаясь на тех его мнениях и дейст-

виях, которые отражены в книге А. Рейтблата и легко обнаруживаются по указателям книги. Эта очень обширная тема может в короткой статье быть лишь слегка обрисована.

Лифляндским помещиком, т. е. владельцем имений Карлово и Саракусте Булгарин был половину своей жизни, более тридцати лет. Здесь в 1832-1840 годы родились его четыре сына и дочь, в Тарту похоронен он сам, жена и многие потомки. Купив имение Карлово на окраине города Тарту в 1828 году, он проводил здесь каждое лето, а в 1830-е годы жил почти безвыездно и написал здесь свой капитальный труд «Россия» [3]. Он перевез сюда и собрал здесь замечательную библиотеку и картинную галерею, тщательно собирал архив. Все это утеряно, и только часть его библиотеки находится в библиотеке Тартуского университета. Но к этому мы еще вернемся.

Булгарин появился в университетском Дерпте весной 1827 года, будучи уже знаменитым русским литератором и журналистом. Свои впечатления о городе и о Лифляндии вообще вместе с историческим обзором он опубликовал в нескольких номерах своей газеты «Северная пчела» (СП) того же года и включил их в третий том своих сочинений издания 1836 года. С тех пор в его периодических изданиях часто появлялись статьи и сообщения о лифляндской и дерптской жизни и людях. Они в общих чертах рассмотрены и кое-что в эстонском переводе опубликовано С. Г. Исаковым [4]. Кроме официальной прессы, Булгарин сообщал свои наблюдения и мнения и прямо в III отделение, в том числе очень метко характеризовал дух и мнения всех сословий края в том же 1827 году. Столь же меткие наблюдения и весьма критические соображения о предпринятых для преобразования местного управления и русификации края мерах содержатся в его последней длинной записке от 17 сентября 1854 года. Всего же писем, касающихся обстоятельств этого края, в книге Рейтблата более 30, и они вполне заслуживают отдельной публикации.

Хотя Булгарина, опираясь на позднейшие характеристики, считают очень контактным, он имел особый дар портить отношения с влиятельными кругами. Так, уже в первой упомянутой работе о Ливонии он дал самую нелестную характеристику остзейских дворян и их векового насилия над коренным населением. В отличие от многих нынешних политиков, Булгарин считал, что немцы-крестоносцы не принесли сюда культуру, а, наоборот, тормозили ее естественное развитие, и что без них этот край мог бы развиваться и торговать наподобие маленькой, но богатой Голландии. Он чуть ли не первый дал очень сочувственную и верную характеристику эстонцев, их хороших умственных способностей и внутреннего достоинства. Эта характеристика шла вразрез с обычно рисуемой немцами картиной. Когда в своих имениях (насчитывавших более 200 мужских душ) он почти наполовину сократил барщину и подати и добился расположения крестьян, это сочли дурным и опасным примером. Словом, дворянство его не любило, хотя и побаивалось – а вдруг пропечатает!

Были исключения среди образованных дворян и университетских профессоров, которые охотно общались с Булгариным. Иногда он держал у себя в качестве квартирантов и русских студентов, но им трудно было подчиниться его правилам.

Сохранилось интересное свидетельство об этих правилах, позволяющее также судить об образе жизни дерптских студентов. В 1829 году у Булгарина жили два брата Прокофьевых и А. Самойлов из Петербурга. После возвращения с каникул Булгарин предложил им подписать правила из 9 пунктов. Приведем их в сокращенном виде:

1. Собак г. студентам не держать.
2. Не стрелять ни в комнатах, ни во дворе, ни в цель в забор, в сарае, в гумне, в саду. Кто хочет стрелять, может идти в лес.
3. По ночам не отлучаться, ибо в 11 1/2 все двери в доме запираются, и честные люди спят или работают.
4. Кто не пришел к 2 часам на обед, к 7 часам вечера к чаю, для того особенно делать не будут. Ужин в 9, а при желании в 10 часов.
5. Через окна не лазить, ибо со стороны это видеть неприятно...
6. С трубками по двору не ходить, из опасения пожара.
7. Приходящих в гости студентов в сад, где гуляют дамы, не приглашать... Булгарин из своего дома не намерен делать трактира, а из сада – публичного гульбища.
8. Кроме серьезной болезни, обед в комнаты подаваться не будет.
9. Булгарин принимает в дом только студентов, с родителями которых он дружен, и надеется, что будет иметь дело с людьми благовоспитанными.

Студенты все-таки обиделись и взбунтовались. Братья Прокофьевы ушли на другую квартиру [5]. Вскоре из-за устроенной там пирушки старшему пришлось оставить университет, а также Дерпт. Русские студенты проводили его за город, за что понесли наказание [6].

О взаимоотношениях Булгарина с дерптскими студентами чаще всего судят по колоритному сюжету Юрия Арнольда (1811-1889). Его написанные в глубокой старости мемуары содержат много ошибок и компилятивных фантазий. К последним относится и красочное описание стычки дерптских студентов с Булгариным, когда они узнали, что *он опять настрепал на них жалобу* [7]. С. Исаков, опубликовавший этот отрывок в сборнике «Воспоминания о Тартуском университете», сомневается в датировке Арнольда: тот считал, что дело было в 1826 году, а Булгарин появился в Дерпте в 1827 году и купил Карлово в 1828 году [8].

Аналогичный случай описан также в мемуарах Н. Пирогова, который не уточняет времени события. Согласно найденным А. Рейтблатом в РГА документам, столкновение случилось осенью 1832 года, но он считает, опираясь на мемуары Арнольда, что их могло быть больше [9]. На самом деле, как свидетельствуют хорошо сохранившиеся акты университетского суда, речь во всех случаях идет об одном и том же событии осенью 1832 года. Арнольд никак не мог быть его прямым свидетелем, ибо покинул Дерпт в январе 1831 года, когда в патриотическом порыве ушел подавлять польское восстание.

«История» эта имела пролог и эпилог. Весной 1832 года университетский суд разбирал дело двух курляндских студентов, братьев князей Гидройс, причастных к

подделыванию городских марок (местных кожаных платежных знаков). Вероятно, об этом разговаривали Булгарин и хозяин имения К. фон Липгардт на обеде в Ратсгофе, а кто-то передал студентам, что они их всех называли жуликами и фальшивомонетчиками, что взбудоражило все корпорации. Ректором университета в то время был Паррот-младший (1791-1841), который 5 сентября 1832 года издал следующий публикат:

«Коммилитоны!

Шаг, предпринятый здешними студентами 28 авг., находится еще у всех в свежей памяти. На слова только одного из вашей среды толпа из двух-или трехсот человек выступила перед тех, кого они считали своими обидчиками, и поставила одного внутри и перед собственным домом, второго посреди улицы к ответу, забывая при этом, что в подобной ситуации даже самый скромный и уважительный вопрос теряет свой характер и принимает вид угрозы, забывая, что в силу какого-нибудь в общем естественного юношеского порыва невольное или необдуманное обстоятельство могло развязать несчастье. Учитывая, что закон защищает личность как виноватого, так и невинного, такое грубое нарушение божественного и человеческого права и закона должно вести за собой самое строгое наказание, если бы было совершено взрослыми мужчинами. В данном случае ограничились наказанием предводителей и строгим выговором остальным» [10].

Дело разбиралось даже в дерптском окружном суде, но все кончилось исключением всего трех студентов. Некоторые получили карцерное наказание.

Эпилогом стало объявление приговора, которое некоторые студенты «отметили», обычным способом выражения недовольства: в Карлове 12 октября было разбито окно, причем камень влетел в спальню и сильно испугал жену Булгарина в последней стадии беременности (их первенец родился 5 ноября). Хозяин обратился к куратору и потребовал строгого расследования. Оно закончилось исключением еще двух студентов [11]. До Ратсгофа, расположенного в почти двух верстах от города, студентам было сложно добраться, ибо для отлучки из города требовалось письменное разрешение. Поэтому обшিকা́ли карету Липгардта на улице, но тот новой жалобы не внес.

Булгарин уже в июне 1830 года опубликовал в трех номерах СП восторженно-хвалебный отзыв о городе и его жителях, обладающих всеми добродетелями и достоинствами, о времяпрепровождении и увеселениях. Он пришел к следующему заключению: «Вообще для любителя природы, для человека образованного, не имеющего честолюбия, не мучимого корыстолюбием, но ищущего спокойствия и тишины в кругу людей просвещенных, на лоне наук, словесности, приятных искусств, нельзя приискать лучшего местопребывания, чем Дерпт» [13]. Но более тесное знакомство с жизнью в Прибалтике оказалось для него не столь уж идиллическим.

Булгарин с осени 1826 года числился на службе в Министерстве просвещения, не имея ни определенных задач, ни зарплаты. Такая практика была широко распространена, ибо служба была необходима для получения «трудового стажа» и связанных с этим чинов, а неслужащий дворянин в николаевской России ни на какие привилегии

рассчитывать не мог. Ежегодно в мае месяце Булгарин брал «для поправления здоровья» отпуск на 4 месяца и приезжал в Карлово, а осенью обычно еще продлевал отпуск при помощи медицинской справки. Но в 1831 году, после некрасивой с обеих сторон полемики с А. С. Пушкиным и смерти своего друга, управляющего III отделением М. Я. Фока (1771-1831), отпуск продлить не удалось. Царь, который лично утверждал все кадровые вопросы, написал на представлении министра Ливена: «Нет причин отступить от правил, если хочет, может просить отставки», хотя Комитет министров до этого считал возможным просьбу Булгарина удовлетворить, принимая во внимание, что министр не возражал, и что Булгарин не получал жалования [14].

Глубоко обиженный Булгарин подал в отставку, поселился с осени 1831 года в Карлове, прожил шесть лет почти безвыездно, занимаясь историческими изысканиями для «России» и изданием собрания своих сочинений. Своему давнему другу А. Я. Стороженко (1790-1857), генерал-полицмейстеру Варшавы, он писал 9 сентября 1833 года: «Живу, как живет осина или береза, только что я чувствую, глотаю желчь и молчу. Пишу вздор, читаю умное, прогуливаюсь в пустыне, т. е. между немцами, разговаривающими от рождения до смерти о процентах и винокурении, и от скуки делаю детей» [15].

Все же он, как мог, старался расшевелить местную скуку и поначалу активно включился в светскую жизнь Дерпта. В своих воспоминаниях он пишет: «Во время постоянного моего пребывания в Карлове (от 1832 до 1837) снова завелись в Дерпте общежитие, веселость в обществах и гостеприимство – смело могу сказать, что и я несколько содействовал к оживлению усыпленного духа общежития. Теперь опять в Дерпте холодно, как в могиле! Вообще в немецком обществе должен быть *будильник*, француз или славянин, с горячею кровью – а не то немцы скоро задремлют» [16]. Этот текст написан в середине сороковых годов, когда Булгарин после смерти Пушкина в 1837 году опять поселился в столице, а с осени 1844 года вновь числился на службе, в комиссии коннозаводства.

В Дерпте он принимал участие в работе кружка для чтения, душой которого были местные литераторы. Сохранилось расписание этого кружка за осень 1831 года, где наряду с тремя шекспировскими и двумя комедиями Коцебу и «Дон Кихотом» Сервантеса был прочитан немецкий перевод повести Булгарина «Пароход» [17]. Можно предположить, что он также участвовал в устройстве музыкальных вечеров, которыми Карлово славилось еще при прежних хозяевах, музыкальной семье Крюденер. Известно, что в большом зале с исключительно хорошей акустикой иногда после почти облигаторного выступления в актовом зале университета давали концерты направляющиеся в Петербург или возвращающиеся оттуда знаменитости, в том числе пианист Ференц Лист и подруга И. С. Тургенева, французская певица Полина Виардо.

Невзирая на строгий театральный запрет, снятый с Тарту лишь в 1865 году, во многих бюргерских домах игрались любительские спектакли и даже небольшие оперы, а в 1841 году Булгарин пытался получить разрешение для директора немецкой

оперы в Або, гастролировавшей в Пярну, дать несколько оперных спектаклей на пригородной мызе Карлово. Однако директор театра Горнике получил от генерал-губернатора М. Палена отказ, мотивированный тем, что пребывание театральных трупп в Дерпте запрещено, а имение Булгарина лежит так близко к городу, что разрешить давать там спектакли значило бы просто обойти существующий запрет [18].

Отказ отчасти мог быть обусловлен тем, что к этому времени отношения Булгарина с местным дворянством и чиновниками заметно обострились, как об этом свидетельствует и его жалоба министру внутренних дел Перовскому от 27 апреля 1846 года. Но поскольку она не была отправлена в III отделение, то и не вошла в книгу А. И. Рейтблата – тот приводит лишь ссылку на ее публикацию. Это письмо для нашей темы существенно, а так как «Исторический вестник» не очень доступен, перескажем его содержание.

Булгарин рассказывает о том, как он, продав свое родовое имение в западных губерниях 18 лет назад, купил недвижимое имение Карлово, возле самого ученого Дерпта. Он называет себя первым и единственным русским дворянином, который таким образом водворился в заповедной стране, не принадлежа к замкнутой касте местного рыцарства – русские здесь владели только несколькими жалованными имениями. Его бы охотно выжили, пользуясь правом выкупа имения, но он заплатил наличными и весьма дорого, а гордые наследники имущества Левенвольдов и других правителей России не выдадут лишнего гроша, даже на пищу своему тшеславию! [19]. Ему чинили всякие неприятности, только чтобы отбить охоту у русских дворян приобретать владения в этой стране. Так, вспомнив гермейстерское распоряжение XV века, запрещающее вывозить продукты из города, арестовали слугу Булгарина на рынке, не трогая, впрочем, покупателей из других окрестных имений. В другой раз нашли старую карту и пыгались подчинить Карлово юрисдикции города. Продавая всякому песок для строительства, ему в этом отказывали.

Все терпеливо сносил, однажды в 1837 году Булгарин все же возвысил голос, когда на званом обеде у куратора русских дворян назвали освобожденными рабами, которые поэтому не могут равняться с вольным лифляндским дворянством. Хозяин Карлова напомнил, что и среди этого сословия немало внуков портных и сапожников, а что надменные лифляндские послы некогда должны были кланяться задю Ивана Грозного, как пишут сами лифляндские историки. С тех пор его считают прорусски настроенным, что «почитается там хуже чумы и проказы», и стараются, следуя своей системе ненависти к русским, делать его пребывание здесь неприятным.

При квартировании войск в отношении Булгарина постоянно нарушались и местные, и русские законы, Булгарин и на этот раз обращается с просьбой защитить его от произвола местных властей:

«Зная, что я приезжаю в мае месяце с семейством в Карлово, дерптский Орднунгсгерихт поставил в дом мой 40 казаков и семейного ротмистра, с шестью человеками прислуги и до 50-ти лошадей! Это уже не постой, а военная экзекуция или военный

пост! Между тем, в версте от меня, на мызе Ропка, принадлежащей г. Брашу, нет ни одного человека на постое, хотя его имение в двадцать раз более моего! Секретарь Ордунгсгерихта Страус сам привел команду на мою мызу и с насмешкою рекомендовал управляющему *гостей-земляков, которым я должен быть рад!* Можно ли подобные насилия и несправедливости терпеть в благоустроенном государстве, и где видано, чтоб в мирное время занять мызу военным образом? Дворовый скот мой должен погибнуть, потому что у меня берут последнюю солому на подстилку казачьим лошадям! Не говорю о других издержках.

И за что же такое гонение на мызу Карлово? Мужики мои никогда не были ослушными, а в числе семи мыз Дерптского округа, сохранивших по сию пору крестьянские запасные хлебные магазины и не требовавшие никакого пособия от казны, находятся две мои мызы: Карлово и Саракус. Подати всегда верно и в срок уплачиваются, и я могу смело сказать, что благоустройство и попечение о крестьянах в моем имении примерные, в чем сознаются, хотя не охотно, сами лифляндцы. Я упрочил благосостояние моих крестьян, уступив им безвозмездно половину рабочих дней, обязанность ставить подводы на 200 верст и всю подать натурою, и это водворило между ними довольство. Сверх того, я помогаю им, в случае падежа скота или неурожая, строю на свой счет дома и пользую в случае болезней. Такие поступки вредны, по мнению моих соседей, для края и подают дурной пример, – и вот они решились наконец разорить мое гнездо и даже не допустить меня в него, отдав его казакам!» [20].

Какие последствия имело это письмо, не удалось выяснить. Булгарин был в отставке более 13 лет – с 9 сентября 1831 года по 4 ноября 1844 года, когда устроился членом-корреспондентом специальной комиссии коннозаводства. До окончательной отставки 1 июня 1857 года в чине действительного статского советника он официально отпусков не брал, так что его приезды трудно зафиксировать [21].

Раздражение местных дворян в отношении дурного примера можно понять: формально раскрепостив крестьян, они оставили себе всю землю и все права, но без всякой ответственности за жизнь или смерть их прежнего живого инвентаря, ибо по идеологии «свободного контракта» помещик всегда мог найти на хуторного арендатора. Булгарин же поступал по идеологии крепостника, заинтересованного в сохранении рабочей силы. Он был и остался в то же время сторонником освобождения крестьян в России, хотя сам до этого не дожил.

Несмотря на неприязнь дворянства вообще и распространяемые слухи о Карлове, как о гнезде чернокнижника, колдуна или буки [22], Булгарин вкладывал много сил и средств в новостройки, перестройку замка и устройство сада. К середине века господский дом был выстроен в стиле неоготики, и Булгарин заказал местному художнику А. Хагену вид Карлова со стороны оврага. Сегодня это улица Парги. До войны акварель висела в гостиной дома Булгариных, а сейчас хранится в Национальном музее Эстонии [23].

Общительный, остроумный и гостеприимный Булгарин имел, конечно, и друзей. Даже предубежденные против него люди меняли свое отношение после личного

знакомства. В этом смысле показательны письма В. А. Стороженко своему отцу, после посещения Булгарина 24 июня 1843 года (день рождения): «Мы провели время очень приятно, потому что Булгарин – веселый и радушный хозяин. Вообще, чем более с ним познакомишься, тем более находишь в нем хороших сторон, не говоря о его уме; он человек добрый, готовый к услугам, постоянный в дружбе и благородный. Ровности характера трудно требовать от людей, загнанных обстоятельствами». Почти через год он пишет о нем же: «Я убежден, что он выше своей репутации, но, не зная человека, не естественно ли держаться общего мнения?» [24].

Это завело бы нас слишком далеко, если бы мы более подробно остановились на опубликованных в шеститомном фамильном архиве Стороженко переписке отца и сына или письмах Булгарина к ним обоим, хотя они содержат много любопытного. Сознывая, что он доверяет бумаге только то, что может быть напечатано, Булгарин в письмах к прежнему соученику по кадетскому корпусу и к его сыну все же более откровенен и непосредственен, чем обычно. Последнему он писал в феврале 1844 года: «Иду прямым путем и волею-неволею задеваю людей на дороге. Вот я похвалил Дерпт и Университет – и Вы увидите, или уже и видите, что за это приобрел более врагов, нежели друзей. “Зачем похвалили того, а не этого, зачем ставить меня на одну доску с другим, кто его просил?” и т. п. – вот что Вы услышите. Похваленные, чтоб показать, что они не напрашивали меня, станут ругать меня. Все это я знал наперед, ибо не раз уже испытал – и плевать хотел и на ласки, и на гнев людской! Была бы правда чтима и уважаема!» [25].

Друзья у Булгарина все же не вывелись. Сохранилось печатное поздравление в немецких стихах Булгарину ко дню рождения в 1855 году. Содержание стихов позволяет предположить, что они сопровождали подарок, который поныне сохранился у потомков. Это керосиновая лампа на бронзовой ножке, изображающей дерево, к которому прислоняется хорошо выполненная статуэтка Фаддея Венедиктовича [26].

Также сохранилась напечатанная похоронная речь католического священника Лешинского, построенная на двух библейских изречениях: *Не судите, да не судимы будете!* и *Одна мне остается могила!* [27] В этой речи процитирована метрическая справка о рождении Булгарина, добытая в 1831 году. Это несколько умаляет достоверность данных о славных предках (до легендарного Скандербеге XV века), но интересно было бы проверить оригинальную запись в Минской римско-католической церкви.

Булгарин похоронен 5 сентября 1859 года в фамильном склепе на лютеранском кладбище Тарту (католического кладбища в городе нет). В той же ограде похоронена его жена Хелене (1809-1889), которую он сам для себя воспитал и которая не имела ничего общего с характеристикой в памфлете Пушкина, а вслед за ним – в трудах многих исследователей. Впрочем, не исключено, что с публичными домами (вероятно, в Риге) в свое время могла быть связана знаменитая «Танта». Она управляла домом в Карлове, в то время как ее сестра, теща Булгарина, чахла в пригородной деревне и умерла там в 1830 году в возрасте 43 лет [28].

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ И НАСЛЕДСТВА

Печатное наследие Булгарина включает более 200 томов, в том числе около сорока томов романов, повестей и рассказов, остальное составляют годовые переплеты его периодических изданий. Все это еще ожидает разбора, ибо долго считалось, что «реакционное» вообще должно быть предано забвению. Но без изучения феномена многолетней популярности Булгарина как автора и авторитета его газеты в глазах читателей, развитие общественной мысли пушкинской эпохи остается просто непонятым. Об этом свидетельствует и бурное развитие булгарианы в последние два десятилетия.

В этой связи занимательна также судьба его наследства, которое осталось в Лифляндии и является главным предметом его завещания, копия которого находится сейчас у потомков в Германии.

Завещание Булгарина составлено на немецком языке после выхода им в отставку, 20 августа 1857 года в Дерпте. Свидетелями были два барона – Эмиль фон Штакельберг и Николай фон Розен, исполнителями – владелец соседнего имения Ропка фон Браш и секретарь земского суда фон Акерман.

По завещанию, все состояние должно перейти любимой жене, которая распорядится дальше. Наследство благоприобретенное состоит из имения Карлово с Руенталем (Лемматси), ценной библиотеки с картинной галереей, довольно значительного движимого имущества вне Лифляндии и денежной суммы от страхового общества, которая будет выплачена после смерти завещателя и часть которой погасит небольшой залог с имения.

В случае нового брака супруга лишается доходов с наследства и в управление им вступает старший сын Болеслав, который должен выплатить сестре Елене фон Александрович, уже получившей приличное приданое, из денег страховки наличными 15000 рублей серебром. Сын Мечислав, склонный к непутевой жизни, будет пожизненно получать ежегодно 600 рублей.

Поскольку супруга с согласия завещателя уже завещала принадлежащее ей имение Саракусте младшему сыну Святославу, то последний этим достаточно обеспечен и не должен иметь претензий на остальное наследство.

Имение Карлово с Лемматси, библиотека и собрание картин должны сохраниться неделимо в совместном управлении старших сыновей Болеслава и Владислава. Если же обстоятельства приведут к разделу, то имение, библиотека и галерея перейдут старшему сыну, а после оценки их стоимости независимыми экспертами половина этой стоимости подлежит выплате наличными, причем братья полюбовно согласуют условия выплаты.

Наконец, Булгарин выражал уверенность, что просторный господский дом в Карлово всегда предоставит кров любому из детей, попавшему в беду.

Булгарин скончался через два года. Младшие сыновья Мечислав (1836-1862) и Святослав (1840-1874) умерли неженатыми, старшие были женаты на дочерях времен-

ного петербургского компаньона Булгарина сестрах Ольхиных, но жена Владислава (1834-1894) рано умерла, и дети остались только от Болеслава (1832-1911). Его потомков пятого поколения сегодня в мире насчитывается не менее тридцати человек, но прямая мужская линия с фамилией «Булгарин» сохранилась только в Эстонии. Были ли потомки у дочери Елены, неизвестно.

Во время революционных событий 1917-1919 годов в Эстонии семья, по-видимому, находилась в Таллинне. Революционные солдаты устроили в доме настоящий пожар в ночь на 22 декабря 1918 года. По отчету Тартуского комитета по защите культурных ценностей, были разбиты антикварная мебель, картины, скульптуры, фарфор. Чудом спасли библиотеку, хотя часть книг солдаты успели сжечь. Подоспевшие члены комитета свезли библиотеку и остальные спасенные ценности в пустовавшую университетскую библиотеку (книги оттуда были эвакуированы в Воронеж еще в 1916 году). Там же хранилось более 10 библиотек, привезенных из других пустовавших имений, самая крупная – свыше 10000 томов – из имения Ратсгоф. Булгаринских книг было 5318, из них 3469 в переплете [29]. Остатки художественного собрания из Карлова включали по описи 834 листа медных гравюр и литографий, десяток писанных масляными красками картин, несколько фарфоровых и имеющих историческую ценность предметов [30]. Из перечисленных в этом списке семейных портретов поныне у потомков хранится изображение корнета, который мне удалось атрибутировать как портрет 20-летнего Болеслава Фаддеевича. Судьба портретов жены и дочери (в списке *m-me* и *m-lle*) неизвестна, как и других картин.

Владельцам позволили забрать свое имущество в начале 1920 года, но они предложили вновь открывшемуся университету купить всю библиотеку, запросив 160000 марок. Решение последовало не сразу, ибо руководителям библиотеки казалось, что собрание имеет некоторую библиофильскую ценность, но бесполезно для учебной работы эстонского университета. Об этом отказе и сообщил Министерству просвещения новый директор Ф. Пуксов (позднее Пуксоо) в письме от 4 февраля 1920 года [31]. Уже 16 февраля комиссия по просвещению во главе с министром К. Треффнером все же решила приобрести библиотеку за 105000 эстонских марок и подарить университету [32]. На скорую руку был составлен перечень купленных или покупаемых книг, не содержащий ни выходных данных, ни других характеристик, но зато много повторений. Вероятно, книги находились в беспорядке, а их переписывали по меньшей мере три человека [33].

Такая «инвентаризация» предоставила широкие возможности для злоупотреблений, что, в свою очередь, привело к последующей неверной оценке ценности этого книжного собрания, в свое время хорошо систематизированного и описанного владельцем и посетителями [34].

Сотрудница тартуской университетской библиотеки Н. Воробьева в начале 1990-х годов исследовала сохранившуюся поныне часть булгаринской библиотеки и пришла к выводу о ее весьма заурядном характере и напрасном хвастовстве Булгарина

ее ценностями [35]. Она даже пробовала на ее основе реконструировать литературные вкусы Булгарина, которые, кстати сказать, гораздо лучше отражаются в его бесчисленных рецензиях. Но она не пыталась понять, что могло случиться с коллекцией за год с лишним ее беспризорности, а еще раньше – пока она была в руках наследников. Вряд ли только библиофил Ю. Генс воспользовался случаем кое-что «заполучить» [36]. Кстати, названные Генсом «приобретения» – альбомы карикатур и «Ералаш» – перечислены в расписке о приеме на хранение гравюр и литографий из имения Карлово [37].

Всего в библиотеку свезли 5318 томов, а куплено было 5216 томов. Главное же в том, что характер составленного списка допускал то, что любой том можно было заменить другим. Например, все эксперты, к кому обращались до покупки библиотеки, признали ее библиофильскую ценность и называли в числе раритетов Энциклопедию Дидро XVIII века, но Воробьева сделала заключение, что Булгарин имел современные дешевые издания как этого, так и других редких изданий [38].

Еще примечательнее, что в составленный список не вошел ряд редкостей, перечисленных в подробном описании лектора Б. Правдина от 27 февраля [39]. Он писал, что убедился в «значительной антикварной ценности, безусловно превосходящей научное значение этого собрания книг, весьма пестрого по содержанию» и перечислил 22 редких капитальных многотомных издания. 9 из них не отражены в списке купленных книг, а если учесть и женеvское издание энциклопедии 1778-1779 годов, то окажется не менее 10 (у Правдина проставлены годы издания). Отсутствуют, например, парижское издание 1659 года путешествия Адама Олеария, «Древняя Российская Вивлиофика» Новикова, «История Российская» Щербатова и т. д.

Таким образом, можно сказать, что те 2000 книг, которые удалось установить Воробьевой, не отражают настоящего характера библиотеки, нельзя также делать никаких выводов и из отсутствия в библиотеке русских классиков, кроме Державина. Может быть, они стояли на самой подручной полке и попали в печь или разведенный солдатами на полу карловского белого зала костер, или просто были расхищены. Булгарин, безусловно, был знатоком книг и собирал их как капитал, ценность которого независимо от политических или биржевых потрясений неуклонно растет. Приведем еще раз описание этой библиотеки, сделанное при жизни Булгарина, а может быть, им самим:

«Редких и драгоценных книг множество; есть также коллекции чрезвычайно замечательные, напр. собрание всех карт России, от изданной при Годунове до позднейшей; тут же все самые редкие сочинения, относящиеся до истории России и славянских народов вообще, от епископа Гельмольда до Карамзина. Собрание лексиконов на всех европейских языках не менее важно – вообще филологическая, историческая и статистическая части чрезвычайно богаты. По части словесности библиотека обладает всеми латинскими, немецкими, английскими и французскими классиками и вмещает в себя все лучшее, что было напечатано на русском языке. Русских старопечатных книг много; собрание рукописей и автографов не только обширное, но и весьма замечательное» [40].

Нет никаких причин не верить этому описанию. Один посетитель определил количество книг в библиотеке, занимавшей весь флигель, в три тысячи томов, но их, скорее всего, могло быть больше. Кроме того, что сегодня налицо около двух тысяч книг, нет и следов карт, рукописей и автографов. Только одна арабская рукопись, роскошный иллюстрированный сборник, подаренный Булгариным университетской библиотеке и долго красовавшийся в витрине книжного музея, говорит о сокровищах этого исчезнувшего собрания. Кстати, следы остальных рукописей, подаренных Булгариным университетской библиотеке, исчезли в Воронеже [41].

Самую большую потерю представляет исчезновение булгаринского архива. В завещании он вовсе не упомянут, с нашей точки зрения, это ценнейшая часть булгаринского наследия. Он переписывался чуть ли не со всеми деятелями культуры и получал огромное количество писем от читателей и почитателей. Он хранил для будущих поколений испещренные карандашом цензора гранки своих периодических изданий и многое, многое другое. Кое-что попадало в дореволюционную печать, но кажется, что исследователей в Карлово встречали не очень приветливо, а может быть, даже стыдились своего облитого со всей сторон грязью предка, но и сами архивом не интересовались.

От правнука Булгарина, Николая Вячеславовича (1916-1981), я в 1975 году услышала реплику: «Если бы мы знали, чего эти бумаги стоили!» Он был в тот день не очень адекватен, но я все откладывала повторное посещение... Его младший, живущий в Таллинне брат (1919) и сестра, проживающая в Германии (1914), ничего не помнят о бумагах, якобы находившихся на чердаке дома на улице Философов и (якобы) использованных на растопку уже после войны.

Как пишет Н. Воробьева, «последним приветом исчезнувшего архива стал рукописный «Домашний журнал» за 1849 год, который вели дети Ф. В. Булгарина» [42]. Эта найденная в 1971 году (тогда дом был снесен), на том же чердаке тетрадь описывает лето семейства, проведенное в имении Саракусте, там же приводятся весьма сочувственные описания положения эстонских крестьян. Ныне она находится в отделе рукописей университетской библиотеки [43].

В этом снесенном в 1971 году деревянном доме семья Булгариных жила в течение предвоенной самостоятельности Эстонии, продолжая традиции русского культурного очага в Тарту. Молодое поколение лично прадеда и старыми бумагами не интересовалось, не имело даже представления о существовании какого-то архива. Ныне живущие дети помнят только, что в комнате был небольшой шкаф, в ящике которого были какие-то старые бумаги и письма. Они предполагали, что их могло забрать КГБ при аресте отца, Вячеслава Болеславовича (1881-1941), летом 1940 года. Так об этом неоднократно писали, в т. ч. и я [44]. Однако следов об этом изъятии в личном деле В. Б. Булгарина нет, там перечислены только его личные документы [45]. Тому, что старых бумаг и документов при обыске не трогали, есть и другое подтверждение.

Жена В. Б. Булгарина, Валерия Владимировна Рокосовская (1884-1945), переехала с дочерьми в Германию перед самой войной, уже после ареста мужа, в ходе дополнительного переселения немцев. Она смогла взять с собой все документы, касающиеся имущества и имения Карлова от начала XIX века. Я их лично видела, и там же находится оригинал цитированного выше завещания вместе с материалами пресловутого процесса Булгарина по имению в Минской губернии. Если семья догадалась забрать эти документы, то трудно допустить, что Валерия Владимировна, дочь бывшего тамбовского, затем финляндского губернатора, не разбиралась в ценности прочих хранимых в упомянутом шкафу бумаг. Но если она их вывезла, то что стало с ними дальше?

Эстонско-русский литератор Юрий Шумаков (1914-1997) до войны часто посещал дом Булгариных и видел этот архив. Существует переданный им потомкам список находившихся там материалов, но на склоне лет он в личном разговоре об этом уже не помнил, а также не приводит ничего конкретного в своей книге [46]. Переписанный далеким от литературы и биографии своего прадеда правнуком С. С. Булгариным список приводится ниже без изменений:

•Письма

1. письма Грибоедова (о своей работе "Горе от ума")
2. " Рылеева
3. " Жуковского
4. " Языкова Н.М.
5. " Пушкина
6. " князь Одоевского
- " Кноринга (литератор немец в русской лит. "Горе от ума") перевел.

Рукописи

1. "Горе от Ума" (Горе мое посвящаю Фадею)
2. Рукопись стихи Рылеева
3. " Жуковского (стихи) стихотворен посв. Левенстерну
4. " Языкова
5. " Воейкова "Сумасшедшем доме"

6. Произведения Ф. Б. Булгарина

а) "По Ливонии"

б) Выжигин

Певница Полина Виардо (из Франции) пела в Карлово

Франц Лист выступил в Карлово

Через посредство Ф. В. Бул. вышло в свет "Горе от Ума" в Ревеле на русском 20 лет позднее [47].

Разбор этого списка не входит в нашу тему, но его липовость исключена, ибо ни Шумаков, ни тем более правнук Булгарина не могли знать всех упоминаемых фамилий. В то же время это была малая, но очевидно ценнейшая часть знаменитого архива.

В то же время как раз эти материалы до сих пор не попали в научный оборот, хотя некоторые письма с пометкой «Из архива Булгарина» в дореволюционной печати появлялись. Не исключено, что на них могло быть наложено какое-то ограничение.

Остальное могло находиться на чердаке и пойти на растопку. Но кажется, что и это не все, и что окончательная гибель архива связана с обычной человеческой глупостью и алчностью. Сама эта история напоминает самый безвкусный приключенческий роман.

Господский дом в Карлово Булгарины в 1928 году продали городу Тарту для детского сада, а после войны там находилось общежитие педагогического училища и квартира бывшего господского садовника, переквалифицировавшегося в дворника. Соседние мальчишки лазили по подвалам и чердакам дворца в поисках якобы где-то спрятанного клада, но так и выросли, ничего не найдя.

Лет пять назад в Исторический архив пришел мужчина и предложил купить у него вырезную печать Булгарина, запросив 1000 долларов. Изделие из горного хрусталя тонкой выделки, величиной с голубиное яйцо, вероятно, когда-то относилось к набору письменного стола, только ручка была потеряна. Сделка не состоялась, но я поинтересовалась, откуда эта печать у него. Прямого ответа я не получила – мол, понравилась и купил на барахолке; а картина сложилась следующая. Он с детства жил по соседству с Карловым и увлекался легендами о кладе. Когда в 1983 году в квартире недавно умершего садовника случился пожар, он с друзьями был среди публики. Пожарные обнаружили в стене тайник, в котором были какие-то папки с бумагами, но было, очевидно, и кое-что посущественнее. Кажется, всем что-то досталось, и все дружно промолчали, не догадываясь, что проморгали самое ценное и сенсационное, теперь уже безвозвратно пропавшее. Я все же попросила его навести справки у бывших друзей, не прихватил ли кто хоть какую-нибудь папку, но после этого он не объявлялся (жил где-то в деревне).

Сегодня Карлово опять продано в частную собственность, реставрируется, и новая хозяйка любезно провела меня в полуподвальную квартиру садовника. Действительно, идеальное место для двойной стены в виде углубления от угловой печки до окна там имеется, что позволит устроить весьма вместительный тайник.

Подобные тайники всегда устраивались в переломные и опасные времена, и сделать его в комнате верной прислуги очень даже разумно. Но необъяснимо, что дом мог быть продан, а ценные вещи оставлены. А вдруг их оставили на хранение перед отъездом в Германию в 1941 году? Существовали же ограничения на вывоз ценностей и архивов. Кажется, этого мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и того, что же там действительно находилось.

Булгарин не безразличен ни для эстонской культуры, ни тем более для изучения темы «Русские (славяне) в Эстонии». В 1996 году его открыли для себя финны, собрав и издав его воспоминания и впечатления о финской войне и прогулке по Швеции [48]. Книга понравилась читателям, и финское консульство, пока находилось в Тарту, даже взяло на себя расходы по уходу за могилой ее автора.

Еще более интересный и познавательный сборник можно было бы составить из эстонских материалов наследия Булгарина.

Литература

1. Рейтблат А. И. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. Москва. Новое литературное обозрение, 1998. – 700 с.; Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. Москва: Изд. УРАО, 1998. – 208 с.
2. Новое литературное обозрение (НЛО). № 40 (6/1999). Москва, 1999.
3. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий, Фаддея Булгарина. Санкт-Петербург, 1837. История. Ч. 1-4. Статистика. Ч. 1-2. Авторство этого интересного и умного сочинения долго приписывалось главному автору двух томов статистики Н. А. Иванову. Доказательства авторства Булгарина см.: Салупере М. Ф. В. Булгарин как историк. // НЛО, 1999, № 40. С. 142-155.
4. См. Исаков С. Г. О ливонской теме в русской литературе 1820-1830-х годов. // Учен. зап. ТГУ. Вып. 98. Отрывки из «Прогулки по Ливонии» на эст. яз. см.: Postitõllaga läbi Eestimaa vene kirjanike kujutuses (XVIII sajandi lõpp – XX sajandi algus). Koost. S. Issakov. Tallinn, 1971. Lk. 230-251.
5. ОР РНБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
6. Исторический архив Эстонии (ИАЭ). Ф. 402. Оп. 8. Д.. 1506.
7. Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. 1. Москва, 1892. С. 151-153.
8. Mälestusi Tartu ülikoolist (17-19. sajand). Koost. S. Issakov. Tallinn, 1986. Lk. 437-438.
9. См.: Видок ... С. 601.
10. ИАЭ. Ф. 402. Оп. 8. Д.220. Л. 12.
11. ИАЭ. Ф. 402. Оп. 8. Д. 1492 и 1493.
12. Северная пчела, 1830, №№ 74-76.
13. Северная пчела, 1830, № 76.
14. РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 543 (об увольнении Булгарина). Л. 3, 21-22.
15. Стороженки. Фамильный архив. Киев, 1908. Т. III. С. 18.
16. Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. III. Санкт-Петербург, 1847. С. 80-81.
17. ОРРК библиотеки ТУ. Ф. 17. Д. 18. Л. 95.
18. ИАЭ. Ф. 1000. Оп.1. Д. 4699. Л. 77.
19. См. об этом также в переписке Доротеи фон Унгерн-Штернберг. Lebensbilder.
20. Исторический вестник. 1882. С. 722-724.
21. См. Гастфрейнд Н.А. Материалы для биографии Ф. В. Булгарина // Литературный вестник. Т. 1, кн. IV. Санкт-Петербург, 1901. С. 419-421.
22. Булгарин неоднократно сам эти слухи обыгрывал. Похоже, что и описание страха, навводимого на прохожих толками о чернокожишке или страшной буке, проживающем в Карлове, принадлежит ему самому. Статья о Карлове появилась в «Иллюстрации» 1847 года и перепечатана в «Историческом вестнике» (ИВ) 1884, № 9. С. 633-638.
23. В статье 1847 года воспроизведены два вида Карлова: до продажи Булгарину и в частично перестроенном виде. Вид окончательной перестройки по картине Гагена 1854 года см. в моей книге Tõed ja tõdemused. Sakste ja maitside jalajäljed nelja sajandi arhiivitõlmus. Tartu, 1998. Lk. 337.
24. Стороженки. Фамильный архив. Киев, 1906. Т. II. С. 137.
25. Стороженки. Фамильный архив. Киев, 1910. Т. IV. С. 257.
26. Zum Geburtsfeste des Herrn Staatsrathes von Bulgarin, Carlöwa am 24. Juni 1855. Dorpat, 1855. 4 S.
27. Rede, am Tage der Beerdigung des wirkl. Staatsraths und Ritters Thaddeus von Bulgarin gehalten am 5. September 1859 in der Römisch-Katholischen Universitäts-Kirche zu Dorpat von Pater Alphons Leschtschinski. Dorpat, 1859. 10 S.

28. ИАЭ. Ф. 1259. Оп. 2. Д. 1. Л. 280. Запись в метрической книге Нюоского прихода гласит: Каролине Магдалена Иде, ур. Траутманн, род. в Рендсбурге 1787, с 1814 г. вдова Андреаса Иде, мать госпожи фон Булгарин из Карлова. Она жила с некоторого времени в Руентале и умерла там же. В жизни она не пользовалась достаточным уважением к своей персоны. Раскаяние об этом подвинуло семью оказывать покойнице тем больше почестей. Ее кроткое сердце знало обетованную землю совершенства и стремилось туда. Мир ее праху!
29. Национальный архив Эстонии (НАЭ). Ф. 1108. Оп. 5. Д. 18. Л. 3, 16
30. Там же. Л. 75.
31. Там же. Д. 39. Л. 14.
32. Там же. Л. 14.
33. ОРРК библиотеки ТУ Ф. 4. Оп. 2. Д. 55. 45 лл.
34. См. ИВ, 1884. С. 637-638.
35. Воробьева Н.П. О круге чтения Ф.В. Булгарина (по материалам его библиотеки) // Чтение в дореволюционной России. Москва, 1995. С. 79-90.
36. Там же. С. 83. См также: Генс Ю. Заметки библиофила. Тарту, 1932. С. 31-32.
37. НАЭ. Ф. 1108. Оп. 5. Д. 18. Л. 74. Судьба указанных в этом списке произведений и собраний неизвестна. А были там, например: «Душенька» изд. Ф. Толстого, 62 медные гравюры; 64 гравюры путешествия Мейерберга в Россию XVII в.; собрание военных и жанровых картин 1850-1851, 200 шт.; в пяти сборниках было 105 карикатур; были виды Швеции, Финляндии, Крыма, московских соборов и т.д., всего 834 гравюры.
38. Воробьева. С. 84.
39. ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 4. Д. 453. Л. 8-9.
40. См. Воробьева. С. 81-82..
41. Там же. С. 82.
42. Там же.
43. ОРРК библиотеки ТУ Mscr-1211.
44. Salupere M. Ärapõlatud tartlasest // Edasi, 1989, 28. oktoober.
45. Копию этой части следственного дела С.Б. Булгарина мне в 1989 году предоставили из таллиннского отдела КГБ
46. Shumakov J. Tartu tiivustusel (Окрыленный через Тарту). Tallinn, 1985.
47. Список хранится у автора.
48. Faddei Bulgarin. Sotilaan sydän. Suomen sodasta Engelin Helsinkiin (Солдатское сердце). Helsinki, 1996. - 280 s.

ОЛЕГ СИДЕЛЬНИКОВ

РУССКАЯ ОБЩИНА ЭСТОНИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Нынешняя русская община Эстонии начала формироваться после 6 сентября 1991 года – дня признания независимости Эстонской Республики Верховным Советом СССР. В настоящее время численность ее составляет около 300 тысяч человек (точные данные последней переписи ЭР от марта 2000 года пока не обнаружены, только после их публикации можно будет судить о ее точной численности). В момент провозглашения независимости ЭР (второй республики) ее численность была больше – примерно 400–450 тысяч человек (т. н. русскоязычное население). На сокращение численности повлияли отъезд из Эстонии (и не только в Россию), а также сокращение рождаемости – как, впрочем, и у эстонцев.

Каков состав русской общины в настоящий момент? Он отличен от состава русской общины первой Эстонской Республики. Коренные русские – русские Причудья, потомки граждан первой ЭР – составляют не более 10 %. Подавляющее большинство (около 90 %) – это потомки приехавших в Эстонию после 1945 года. В социальном плане в 1991 году большинство русского населения республики составили работники предприятий союзного подчинения (около 80 %), слой интеллигенции был достаточно тонким, причем большинство ее представителей было из числа технической интеллигенции, работавшей на тех же предприятиях.

За прошедшие 9 лет независимости ЭР в русской общине Эстонии произошли следующие изменения. Если в начале 90-х годов община носила достаточно дисперсный характер, ее социальная структура еще не сложилась, то в 2000 году уже можно было говорить об определенной социальной картине. Большинство русских должно было искать новые источники существования после закрытия союзных предприятий. Серьезным препятствием для успешного решения данной проблемы является языковая политика нынешних властей. Подавляющее большинство русских не может устроиться на престижную работу именно из-за завышенных требований к знанию государственного языка. Результат этого – резко усилившаяся люмпенизация и маргинализация русского населения, особенно на Северо-Востоке Эстонии и в таллиннских районах Копли и Ласнамяэ. Лишь только единицам удалось добиться успеха и стать удачливыми предпринимателями. Как результат – низкие доходы русского населения. Русская община – это община бедняков. Средняя зарплата русского в Эстонии составляет около 50 % от средней зарплаты эстонца. 35 % русского населения получает зарплату меньше 2000 крон в месяц. Серьезным минусом для русских Эстонии является то, что у общины так и не сформировалась собственная национальная интеллектуальная элита.

В гражданском отношении русская община также разьединена: 40-50 % составляют неграждане, около 30-40 % – граждане России, от 20 до 30 % – граждане Эстонской Республики. Политическая активность русского населения за последние 9 лет имеет тенденцию к спаду. Так, например, на последних муниципальных выборах в Таллине проголосовало лишь около 40 % русских, имевших право голоса. Спаду политической активности русских способствует неверие в то, что можно добиться какого-либо существенного улучшения своего положения, неверие в то, что эстонское государство настроено одинаково беспристрастно ко всем своим жителям независимо от их национальности, разочарование в демократических принципах государственной политики ЭР. 85 % русских не считают эстонские порядки демократическими, ссылаясь на законы о языке, гражданстве и иностранцах, на засилье и всевластие бюрократии, на работу конкретных политических деятелей, а также на ссоры между русскими политиками и партиями, претендующими на представительство интересов русских Эстонии.

Главной проблемой для русской общины Эстонии сейчас является проблема выживания как национально-культурной общности: сохранение родного языка, системы образования на родном языке, религиозных учреждений (за 9 лет религиозность русского населения увеличилась: около 70 % считают себя православными). Выполнение этой задачи во многом зависит от русской молодежи – молодежи, выросшей уже в условиях независимой ЭР, от того, как она видит свое будущее в Эстонии.

Здесь складывается следующая картина. Подавляющее большинство русской молодежи настроено считать себя лояльным по отношению к Эстонской Республике, считает Эстонию своей родиной и хотело бы связать свою судьбу с Эстонией, считает важным и необходимым изучение и хорошее знание эстонского языка. В то же время 88 % опрошенных автором молодых людей желают видеть Эстонию как мультикультурную страну, где каждый человек может реализовать свои возможности независимо от национальности. Для формирования подобной позиции важную роль, по мнению автора, сыграло крушение в 1992-1993 годах двух мифов, весьма распространенных до этого в среде русских: первый – то, что все жители Эстонии автоматически получают гражданство, второй – то, что можно устроиться на престижную работу и сделать карьеру без знания эстонского языка.

Однако на пути выполнения этих желаний появились серьезные препятствия. Во-первых, это политика нынешних властей в области культуры, образования и религии, которую нельзя назвать иначе, как «этноид». Не вызывает особого восторга и провозглашенная программа интеграции, которая фактически сводится к навязыванию эстонского языка и культуры и которую иначе как программой ассимиляции назвать нельзя. Кроме того, в последнее время становится все более распространенной практикой, когда при реорганизации какого-либо предприятия штат сотрудников укомплектовывается по национальному признаку: русских увольняют в первую очередь и берут на работу в последнюю очередь, даже если они свободно говорят по-эстонски.

Каково поведение русских в данной ситуации? Некоторая часть родителей избирает путь добровольной ассимиляции: отдает своих детей в эстонские школы. Но таких меньшинство – около 15 %. Большинство русских (около 50 %) связывают улучшение своего положения со вступлением Эстонии в Европейский Союз – законодательство страны в таком случае может быть приведено в соответствие с европейскими нормами, а также откроется возможность отъезда на Запад с целью устройства на более высокооплачиваемую, чем в Эстонии, работу. В то же время надежды на Россию невелики. Не более 6 % русских верят в то, что российское правительство способно повлиять на эстонских национал-радикалов. Причины здесь следующие:

а) неспособность российских политиков и дипломатов установить контакт с русской общиной Эстонии,

б) убеждение многих русских в том, что «Россия нас предала».

Серьезные коррективы в поведение русских могут внести данные последнего социологического опроса эстонского населения об их отношении к русским: 46 % опрошенных выступают за отъезд русских из Эстонии. Неслучайно эти данные, а также сообщения о плане некоторых чиновников способствовать выезду русских из Эстонии вызвали серьезное беспокойство у большинства русскоязычного населения Эстонии. Одним из следствий этого может стать снижение уровня лояльности русского населения по отношению к ЭР и усиление чувства тревоги и беспокойства. Беспокойство вызвало также сообщение о создании в Тарту национально-радикального Эстонского освободительного движения (ЭОД), ставящего своей целью насильственную депортацию русских за пределы ЭР. Все это вызывает тревогу, и, как следствие, не будет способствовать повышению уровня лояльности русских.

Каковы возможные варианты развития ситуации? Во-первых, в самое ближайшее время рухнет миф о том, что у русских есть равные возможности с эстонцами сделать успешную карьеру в Эстонии, и в первую очередь – у молодежи. Безусловно, усилится тенденция (она уже и раньше была, но не так значительна) к отъезду русских из страны: так, по данным автора, в результате опроса части русских учащихся Таллина (12 класс и первый курс вузов) 9 % юношей и 12 % девушек заявили о своем твердом желании уехать из Эстонии, так как они не видят для себя здесь никакого будущего. 99 % опрошенных убеждены, что в эстонском государстве существует дискриминация по национальному признаку. Из числа желающих уехать 97 % высказало желание уехать на Запад, т. е. с Россией своего будущего большинство молодежи не связывает («Нас там никто не ждет, и мы там никому не нужны»). Одной из причин возникновения такого мнения можно считать и передачи Галины Вельман на эстонском государственном телевидении (ЭТВ) о жизни уехавших в Россию русских Эстонии. В то же время 98 % русской молодежи Эстонии назвали своими культурными столицами Москву и Петербург, а 92 % заявили, что смотрят только российские телеканалы. Но 96 % русской молодежи подчеркивают свое отличие от русских Российской Федерации – «Мы – русские Эстонии».

Каковы выводы? В целом можно сделать вывод, что идет сложный, противоречивый процесс формирования русской общины Эстонии. В нем (пока?) больше минусов, чем плюсов. Серьезными недостатками, по мнению автора, являются отсутствие в общине собственной национальной интеллектуальной элиты, слабость и неразвитость собственной национальной буржуазии, высокий уровень маргинальности. Можно также предположить, что и численность русской общины может сократиться (по подсчетам автора – на 36 % к 2010 году).

АНЖЕЛА ТАСА

БАНКРОТСТВО И «РУССКИЙ ФАКТОР»

С восстановлением Эстонской Республики социально-экономическое развитие стало осуществляться на основе традиционных принципов рыночной экономики, практическая реализация которых осложнялась ограниченностью природных, материально-технических, финансовых, социальных ресурсов, отсутствием собственного опыта предпринимательской деятельности и цивилизованной конкуренции, а также негативным воздействием государственно-управленческих, идеологических и политических факторов, повлиявших на дезинтеграцию общества. Жизненная сила принципов рыночной экономики с учетом их существенной модернизации в течение уходящего столетия в развитых странах могла бы в Эстонии за прошедшее десятилетие проявить себя в значительно большей степени, если бы не тормозящий эффект названных и других стоящих в этом ряду явлений.

Свою роль сыграло и искусственное обострение «русского фактора». Он в Эстонии определяется четырьмя обстоятельствами: геополитическим положением эстонского государства в соседстве с Россией, этническим составом населения со значительной долей русских и русскоязычных людей, значительной коммуникативной ролью русского языка, историей эстонского общества, переплетавшейся длительное время с историей российского государства. Но необходимо принимать в расчет и субъективные факторы, характерные для русских жителей Эстонии: психологию выживания и преуспевания, восприимчивость к гуманитарным ценностям мировой цивилизации, стремление защитить свое человеческое достоинство от разнообразных ущемлений со стороны властей.

С геополитической точки зрения, значение «русского фактора» выходит далеко за пределы собственно этнической проблематики, так как потребность в партнерских отношениях с Россией влияет в целом на развитие экономических и социально-политических процессов в Эстонии.

Своеобразным индикатором трудностей сегодняшнего дня в сфере экономики, повлекших серьезные последствия в социальной области, стала волна банкротств, захлестнувшая мир частного предпринимательства. Если бы банкротства являлись следствием неконкурентоспособности слабых фирм, не имеющих возможностей для актуальной модернизации и тем самым уступающих дорогу более сильным конкурентам, то банкротства можно было бы расценивать в качестве санитаров экономики, очищающих ее от устаревшего балласта. На самом же деле картина банкротств приобретает значительно более мрачные тона и отражает процессы скорее негативного, чем позитивного свойства.

Статистика не показывает, да и не может этого сделать, какую долю в общем массиве банкротств занимает крушение фирм, принадлежащих «русскому капиталу». Однако такие ситуации имеют место в нашей действительности. В октябре 1998 года Eesti Pank отозвал лицензию у ЭВЕА-банка и возбудил банкротное производство. Предлогом послужило невыполнение банком обязательств перед Государственной кассой. Реакция президента ЭВЕА-банка Бориса Шпунгина была для многих неожиданной. Он отметил, что решение Eesti Pank'a объявить банкротство его банка было субъективным, поскольку большая часть его акций принадлежит русскоговорящим акционерам [1].

Понятия «русский капитал», «русское предпринимательство» не отличаются требуемой для статистической информации определенностью. В то же время хорошо известно, что «русский фактор» присутствует практически во многих сферах эстонской общественной жизни, а, следовательно, не может не стать предметом наблюдения и оценок в области банкротных ситуаций. Исследователя может тут заинтересовать большой блок вопросов. В том числе – вопрос о причинах таких банкротств. Например, не имеются ли в наличии случаи преднамеренного создания банкротной ситуации в целях вытеснения с рынка «русского конкурента», а если имеются – то в какой степени они распространены? Или: в какой мере экономическая ситуация в России обусловила банкротства эстонских фирм, имевших выход на российский рынок? Влияет ли недостаточная адаптированность русских предпринимателей к эстонскому менталитету на формирование банкротных ситуаций? Однако вопрос о причинах банкротств представляет не только познавательный интерес, но имеет и практическое значение, так как адекватный ответ на него позволяет разрабатывать необходимые меры по предотвращению банкротств.

Известно, что в США становятся банкротами 2/3 создаваемых предприятий. Нам до этого далеко, но число банкротств растет, несмотря на отсутствие экономического кризиса. В первой половине 2000 года эстонские суды объявили банкротами 175 предприятий. А в 1999 году банкротами было объявлено более 3000 предприятий.

Банкротства продолжают оставаться одной из серьезных экономико-правовых проблем. В Эстонии их слишком много, чтобы по этому поводу не высказывать беспокойства или объяснять их причины общим замечанием о переходном характере эстонской экономики. В числе конкретных обстоятельств, влияющих на образование банкротной ситуации, специального внимания заслуживают те из них, которые имеют юридическую природу. С точки зрения права, причины банкротства можно разделить на юридически безразличные и юридически значимые (схема 1).

Гражданское и банкротное законодательство Эстонии придает значение юридическим фактам, порождающим банкротные правоотношения, т. е. только тем причинам, которые имеют законодательное оформление.

Одной из существенных причин банкротства предприятий является дебиторская задолженность. В наше время многие предприятия оказываются в тяжелом

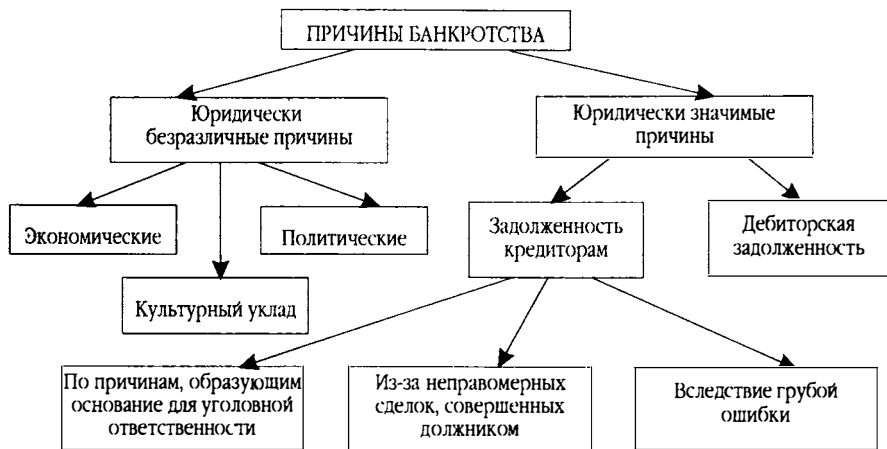

Схема 1. Причины банкротства

финансовом положении по вине своих неплатежеспособных партнеров. Наличие у предприятия дебиторской задолженности рассматривается как отвлечение средств предприятия от их прямого назначения и, следовательно, как известный недостаток в работе фирмы. Руководителям таких фирм по отношению к должникам нужно занимать более активную и твердую позицию, иначе недолго и самим попасть под действие законов о банкротстве со всеми вытекающими последствиями. Стоит отметить, что в этом вопросе существует слабость правового обеспечения для решения этой задачи. Поэтому «выбиванием» долгов зачастую занимаются криминальные структуры. Хотя государству следовало бы создать особые суды, которые в оперативном порядке в короткие сроки выносили бы решения о взыскании долга и накладывали бы арест на имущество должника. На этом мнении следует особо акцентировать внимание ввиду того, что слишком участились случаи «выбивания» долгов.

Существенным моментом в практике решения дел в суде оказалось бы установление величины кредиторской задолженности на день принятия решения судом.

Кредиторская задолженность по своей природе подвижна, и установление ее величины на конкретную дату требует сверки со всеми кредиторами, тогда как суд оперирует данными баланса на последнюю отчетную дату, а она никогда не совпадает с моментом вынесения решения. Поэтому неправомерным представляется указание точной величины кредиторской задолженности в определении решения суда, что иногда имеет место на практике.

Из-за этого возникают иногда серьезные проблемы, например, когда в определении суда, которым вводилась реорганизационная процедура над предприятием-долж-

ником, была указана точная сумма кредиторской задолженности, подпадающей под мораторий, которая в дальнейшем, в процессе сверки, существенно изменялась. В результате возникала необходимость доказательства в суде размера кредиторской задолженности, находящейся под мораторием.

В процессе исследования этого вопроса приходится убеждаться, что кредиторская задолженность по своей сути отличается от суммы требований кредиторов. Мораторий должен устанавливаться на сумму требований кредиторов, а не на всю величину кредиторской задолженности.

Задолженность кредиторам возникает вследствие многих причин. Однако хотелось бы уделить внимание причинам банкротства, создающим основания для уголовной ответственности. К ним относятся хищение путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением; мошенничество; умышленное причинение платежной несостоятельности и сокрытие имущества или долгов в судопроизводстве по делам о банкротстве.

В ст. 141¹ Уголовного кодекса Эстонской Республики предусматривается ответственность за три самостоятельные формы хищения: хищение путем присвоения, хищение путем растраты и хищение путем злоупотребления должностного лица служебным положением. По ст. 141¹ УК должны квалифицироваться случаи хищения имущества, в отношении которого виновный был наделен определенными полномочиями по его управлению. Благодаря этой особенности лицо, используя оказанное ему доверие, имеет больше возможностей для совершения хищения и доведения фирмы до банкротства. Деятельность преступника в этих случаях носит большей частью внешне законный характер, потому что имущество, которое он намерен похитить, уже находится в его правомерном владении, либо потому, что лицо наделено по закону полномочиями по распоряжению имуществом.

В данной ситуации можно привести пример, произошедший с фирмой «Сафран». Экс-президент паевого товарищества Сергей Белоконь обвиняется в трех хищениях в крупном размере. В первом случае он якобы мошенническим путем завоевывал доверие клиентов, заключая с ними кредитные договоры, в которых отмечал наличие у «Сафрана» страховых договоров со страховыми фирмами «Polaris» и «Bico». Люди верили, что их деньги никуда не денутся, поскольку есть подстраховка. Но ведь известно, что ни одна страховая компания не страхует на случай банкротства предприятия, что и произошло с «Сафраном». Материалы уголовного дела доказывают, что договоры «Сафрана» со страховыми фирмами «Polaris» и «Bico» законны и были в силе, поскольку по ним рассчитывались как положено. В названный следствием период с 1993 года по 5 сентября 1995 года Сергей Белоконь работал, и в это время клиентам все точно выплачивалось.

Обвинение в хищении путем злоупотребления должностным положением предъявлено, но не расписано, в чем это злоупотребление заключается. Во-вторых, Сергей Белоконь обвиняется в том, что 4 сентября 1995 года он при помощи гарантийного письма «Сафрана» и копии платежного поручения получил из акционерного

общества "Computerland" вычислительную технику на сумму 48 752 кроны и присвоил ее. В-третьих, Сергею Белоконю вменяется в вину то, что в тот же день, 4 сентября 1995 года, он «прикарманил» взятую в кредит в АО "Sioris" конторскую технику стоимостью 27 400 крон.

Однако, по мнению адвоката Юхо Ауле, «фигурирующие сегодня в деле 16162145,72 кроны – это не хищение, совершенное Белоконом, как полагают, не без участия его брата Александра, а недостача [2]. Возможно, в сложившейся ситуации имеет место преднамеренное создание банкротной ситуации в целях вытеснения с рынка «русского предпринимателя».

Законодатель определяет мошенничество как получение чужого имущества, права на имущество или иных имущественных выгод путем обмана (ст. 142 К ЭР). Обман как способ совершения рассматриваемого преступления заключается в сознательном искажении или сокрытии истины, в сообщении ложных сведений или же в заведомом сокрытии обстоятельств, сообщение которых было обязательным. Обман может приобретать различную внешнюю форму, может быть выражен устно, письменно, при помощи конклюдентных действий. При мошенничестве преступник, в отличие от кражи или грабежа, противоправно не изымает имущество из чужого владения. Потерпевший передает ему это имущество добровольно, будучи обманутым или введенным в заблуждение. Рассматривая мошенничество как причину банкротства, можно сказать, что преступник путем обмана умышленно получает деньги или имущество от какой-либо фирмы или фирм, тем самым подводя их к банкротству.

Доказательством тому является следующий пример из судебной практики. 14 апреля 1999 года в Таллиннском Городском суде начался процесс по обвинению в крупном мошенничестве Мерики Вальс, которая, под предлогом трудоустройства за границей и организации турпоездки, получила обманным путем от фирм более миллиона крон [3]. И самым главным тут является то, что частично по вине Мерики Вальс обанкротилась в 1996 году фирма Tallinna Korvpall, оказывавшая спонсорскую поддержку баскетбольной команде «Таллинн». Ее вина состояла тут в умышленном уменьшении должником своей платежеспособности путем присвоения большей части спонсорских средств [4].

Статьи 148² и 148³ УК ЭР предусматривают неправомерные действия должника, ведущие к банкротству. Под данными действиями понимаются нарушения, связанные с умышленными, некомпетентными или небрежными действиями должника, собственника предприятия-должника, в судопроизводстве по делам о банкротстве, наносящие ущерб кредиторам. Банкротство в широком смысле слова означает наказуемое неисполнение должником, ставшим несостоятельным, своих имущественных обязательств по отношению к кредиторам. Уголовная ответственность за банкротство наступает только в случае, если оно произошло по причине виновного поведения лица. При уголовно-наказуемом банкротстве в вину несостоятельному должнику ставится либо мошенничество, когда несостоятельность полностью или частично симулируется, либо, напротив, скрывается, и должником, например, принимаются

меры для сокрытия своего действительного имущественного положения с целью избежания полного платежа долгов, либо же небрежность, грубая неосмотрительность в ведении своих дел, приведшая к банкротству.

Следующей причиной банкротств, относящейся к кредиторской задолженности, являются неправомерные сделки, совершенные должником. Суд может признать сделку недействительной, если совершением сделки должник сознательно причинил вред интересам кредиторов. В процедурах несостоятельности можно применить два подхода к опротестованию сделок. Первый связан с признанием недействительности мошеннических и иных сделок, также он используется и вне процедур банкротства. Второй применяется только в рамках процедур несостоятельности, так как в данном случае условия недействительности сделок связаны с несостоятельностью должника. Специальные условия признания недействительности сделок используются для обеспечения принципов справедливости в коллективных действиях кредиторов, для максимизации имущества при реабилитации, для предотвращения мошеннических сделок, которые весьма возможны при несостоятельности.

Следует также отметить еще один аспект, касающийся причин банкротства, – это грубая ошибка. Этот аспект интересен тем, что в случаях, когда вследствие совершения должником грубой ошибки фирма тем самым доводится до несостоятельности, Закон о банкротстве не уделяет должного внимания вопросам юридической ответственности лиц, виновных в этом.

Задолженность кредиторам возникает вследствие многих причин, но особенно интересны причины, возникающие вследствие совершения неправомерных действий должником. Тут следует сказать, что в Эстонии нормы об уголовной ответственности за банкротские злоупотребления вызывают определенные сложности в их понимании: у нас мало опыта их применения. При плановой социалистической экономике потребность в уголовном преследовании банкротских злоупотреблений отпала, и соответствующие составы преступлений были исключены из уголовных кодексов [5]. Особенно это видно при совершении должником грубой ошибки, вследствие чего он не несет юридической ответственности. Вообще, конечно, стоило бы расширить поле правовой ответственности. Слишком часто лица, доведшие фирму до банкротства, выходят сухими из воды. Такого быть не должно.

Юридически безразличные причины банкротства многообразны. Но есть в них нечто общее, что можно определенным образом рассмотреть и сгруппировать. Главное в поисках путей финансового оздоровления несостоятельных предприятий – это квалифицированное исследование причин, порождающих банкротство [6].

Предпосылки банкротства – это взаимодействие целого ряда факторов, одни из которых являются внешними по отношению к предприятию, у которого практически нет возможности влиять на них или это влияние весьма слабое. Другие факторы – внутреннего характера. Как правило, они непосредственно зависят от организации работы на самом предприятии.

Для дальнейшего изучения причин банкротства следовало бы провести конкретно-социологическое исследование, которое предоставило бы возможность получить необходимый материал. Сюда можно было бы отнести изучение таких вопросов, как поиски дополнительных ресурсов для санации обанкротившихся фирм, необходимость создания консультационного центра для русских предпринимателей в целях предотвращения банкротных ситуаций, формулирование рекомендаций для русских фракций в представительных органах власти по дальнейшему совершенствованию банкротного права, развитие международных контактов по изучению опыта предотвращения банкротств и выхода из банкротных ситуаций.

Литература

1. Evea Pank надеется восстановить работу // Деловые ведомости, 1998, 13 октября.
2. Дело Белокопя: как бы не пришлось говорить sorry // День за днем, 2000, 6 марта.
3. Ловись, рыбка, большая и маленькая. В мутной воде // Эстония, 1996, 25 ноября.
4. Мошенница предстала перед судом // Деловые ведомости, 1999, 27 апреля.
5. Клепицкий И. А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право, 1999, № 11.
6. Шабалин Е. М., Кричевский Н. А., Карп М. В. Как избежать банкротства. Москва: Инфра-М, 1996.

ЛАРИСА ФАДЕЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ В РАЗВИТИИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭСТОНИИ

Современный этап развития экономики Эстонии связан с коренными изменениями форм и методов, которые применялись на протяжении десятилетий предшествующего развития. Создание в Эстонии рыночной экономики предполагает ее открытость. На степень открытости влияют масштаб страны, численность населения, размер внутреннего рынка, относительная обеспеченность сырьем, географическое положение, особенности национальной политики государства, характер внешнеэкономических связей.

Открытость национальной экономики увязывается с понятием «взаимность» и «уязвимость». «Взаимность» предполагает преодоление возникающих диспропорций и неравновесий. Под «уязвимостью» понимают зависимость национальной экономики от ситуации на мировом рынке, а также возможность понести убытки под воздействием внешнеэкономических факторов. Так, изменение экономической ситуации в одной стране может вызвать цепную реакцию. Основные проблемы для национальных экономик создает зависимость от мировых цен, спроса и конкуренции.

Успех Эстонии как малой страны с лимитированным внутренним рынком и ограниченными природными ресурсами зависит от ее открытости внешнему миру. Россия была и остается одним из наиболее крупных торговых партнеров Эстонии. С российским рынком товаров и услуг так или иначе связано около трети создаваемого в Эстонии ВВП.

Развал бывшего СССР тяжело отразился на отношениях соседей в восточных регионах Эстонии (Ида-Вирумаа) и Ленинградской области России. Это поставило сотрудничество между приграничными самоуправлениями, малым и средним предпринимательством в тяжелое положение.

Как Нарва, так и Ивангород отстают от темпов экономического развития в своих странах. Это тяжело сказывается на местном экономическом развитии в виде потери рынков, сокращения приграничной торговли и приводит к снижению степени надежности. В этих районах наблюдается высокая степень безработицы. Ситуация, когда в Ида-Вирумаа более десяти тысяч человек долгое время находятся без работы, может привести к социальному взрыву, учитывая, что вторая волна реструктуризации крупных предприятий еще не прошла. Реструктуризации сопутствует сокращение рабочих мест. Экономический потенциал Ида-Вирумаа состоит в том, что здесь много людей, работавших в промышленности, имеющих хорошую общую техническую

квалификацию, что позволяет им найти применение в различных сферах. В Ида-Вирумаа достаточно много оставшихся от крупных предприятий обслуживавших их структурных единиц, ремонтных цехов и т. п., на базе которых можно создавать новые предприятия. Существуют крупные проекты (печеночный завод, производство масла «Sunco», силламяэский порт и др.), которые в случае их осуществления достигнут большего результата в виде новых рабочих мест, но здесь надо учитывать и объемы инвестиций (десять миллиардов крон) и большой временной ресурс на принятие решения [6, 2]. Для данного региона более реально возникновение новых рабочих мест на малых и средних предприятиях в сфере обслуживания.

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Из года в год росло число действующих предприятий в Эстонии. Наиболее быстрые изменения происходили в начале 90-х годов. В 1994-1997 годах число действующих малых и средних предприятий (далее МСП) росло медленно. В 1998 году уменьшение числа действующих предприятий впервые замедлилось. По состоянию на конец 1998 года в Эстонии было свыше 28200 предприятий, из них 99,4 % были МСП [2, 79]. Сравнительно большее уменьшение числа предприятий произошло за счет доли средних и крупных предприятий.

Таблица 1. ЧИСЛО РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ
В 1994-1998 ГГ.

Год	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
1994	47505	111981	134091	152012
1995	65485	125990	140282	131635
1996	67189	128435	129962	123887
1997	70122	129920	124308	117543
1998	69586	128421	116694	106955

Источник: Департамент статистики Эстонии

Примечание. Микропредприятия – число работников до 9 человек, малые предприятия – от 10 до 49 работников, средние предприятия – 50-249 работников, крупные предприятия – свыше 250 человек.

Рассматривая предприятия по величине (таблица 1), видим, что большинство работников (30,4 %) занято на малых предприятиях, 27,7 % – на средних и 25,4 % – на крупных предприятиях. Тенденция последних лет такова, что в числе занятых в предпринимательстве понемногу поднимается доля занятых на микро- и малых предприятиях и понемногу снижается удельный вес занятых в средних и крупных предприятиях.

СЕКТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Удельный вес МСП по отраслям экономики очень различен. В таких отраслях экономики, как сельское и лесное хозяйство, строительство, торговля, размещение и питание, более 99 % предприятий являются МСП и более 90 % людей, занятых в этих отраслях, работает также в МСП. Наибольшие изменения произошли в 1998 году в рыбном хозяйстве, где удельный вес лиц, занятых в МСП, поднялся с 42 % до 63 %. Такое большое увеличение доли МСП было обусловлено исчезновением с рынка некоторых крупных рыбохозяйственных предприятий и уменьшением количества работников многих предприятий, что привело данные фирмы в разряд средних предприятий. В меньшей мере поднялся удельный вес МСП также в горной и обрабатывающей промышленности, что обусловлено прежде всего уменьшением числа работающих на крупных предприятиях.

По-прежнему в составе МСП больше всего торговых предприятий. Число занятых в них стабилизировалось, и в ближайшее время большого роста не предвидится. Растет количество предприятий и число занятых в коммерческом обслуживании, образовании и здравоохранении.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И СОЗДАВАЕМЫЕ ИМИ РАБОЧИЕ МЕСТА

Годы пика по созданию предприятий падают на начало 90-х годов. Многие годы среди новых зарегистрированных предприятий больше всего было торговых предприятий и предприятий по коммерческому обслуживанию. Начиная с 1997 года выросло также число зарегистрированных новых сельскохозяйственных предприятий. В 1999 году было зарегистрировано свыше 9900 новых предприятий. Из зарегистрированных в 1999 году фирм торговые предприятия составляют 35 % и фирмы по коммерческому обслуживанию – 16 %. Несмотря на большую активность по созданию торговых предприятий, количество реально действующих предприятий в этой области не растет. Это указывает на относительно большую ликвидацию торговых предприятий или на большой удельный вес среди них «полочных» фирм. Например, из зарегистрированных в 1997 году торговых предприятий, в 1998 году действовало только 52 % и в коммерческом обслуживании – 48 %. Такой же показатель был у предприятий транспорта, предприятий размещения; у предприятий питания этот показатель превысил 60 % и у предприятий по строительству и энергетике он свыше 70 %. Наименьшим был процент предприятий, действующих продолжительное время, в рыбном и сельском хозяйстве (около 10 %) [2, 82].

Одновременно с созданием новых рабочих мест новыми предприятиями большое количество предприятий прекращает свою деятельность и большое число предприятий уменьшает численность своей рабочей силы. В результате этого количество работников, занятых в предпринимательстве, в последние годы все-таки уменьшается.

Оценивая экономическую деятельность малых предприятий в последние годы на основе публикуемых Департаментом статистики финансовых показателей предприятий, видим, что нетто-оборот реализации предприятий к концу 1998 года по сравнению с 1995 годом вырос примерно на 107 %. У групп предприятий с числом работников более 99 человек нетто-оборот вырос только на 62 %.

Наибольшим был рост нетто-оборота реализации у групп предприятий с числом работников 50-99 (156 %), т. е. нетто-оборот реализации на одного работника был самый большой в малых предприятиях. Размер нетто-оборота на одного работника во многом зависит от конкретного вида деятельности предприятия. В числе самых малых предприятий много оптовых и розничных торговых предприятий, скорость оборота которых больше, чем у предприятий обрабатывающей промышленности.

ПРОГРАММЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Весной 1999 года Министерством экономики ЭР была основана Совещательная палата малых предприятий, целью которой является регулярное проведение диалога между Министерством экономики и представителями малых предприятий. Совещательная Палата является для министра консультирующей институцией, которым руководит назначенный министром служащий. Совещательная Палата обобщает и систематизирует предложения и проблемы малого предпринимательства для их внедрения и разрешения.

Совещательная палата:

- анализирует проекты законов и других представляемых Правительству Эстонской Республики документов, влияющих на малое предпринимательство, а также дает им короткие комментарии;
- выдвигает предложения, способствующие развитию малого предпринимательства;
- делает предложения, способствующие поддержке малого предпринимательства и касающиеся мелкого предпринимательства, другим министерствам (Министерству социального обеспечения, Министерству внутренних дел, Министерству сельского хозяйства).

В январе 1999 года Министерство экономики создало рабочую группу для разработки программы развития малого предпринимательства.

В декабре 1998 года Эстония присоединилась к третьей многолетней программе Европейского Союза (SME III Multiannual Programme) по поддержке малых и средних предприятий. Ее главными приоритетами являются:

- упрощение и улучшение административной и регуляционной коммерческой среды;
- помощь малым и средним предприятиям в разработке стратегий за счет лучшего обмена информацией и общего сотрудничества;
- повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий и улучшение их доступа к исследовательской деятельности, инновации и обучению;

- благоприятствование предпринимательству и оказание помощи конкретным группам (например, женскому предпринимательству, предпринимательству молодежи, национальных меньшинств и др.).

Эстония имеет возможность участвовать в следующих подпрограммах:

- EUROPARTENARIAT,
- INTERPRISE,
- Euro Info Correspondence Centers,
- Actions within the field of Crafts and Small Enterprises,
- Actions within the field of Distributive Trade [2, 126].

В январе 2000 года Европейский банк реконструкции и развития (EBRD) подготовил проект (общая стоимость – 10 млн. евро, или 160 млн. эстонских крон) по кредитованию эстонских малых предприятий (на которых количество рабочих не превышает 100 человек). Нижний предел выдаваемого кредита предполагается в размере 10000-15000 эстонских крон [3, 4].

В марте 2000 года Правительство Эстонской Республики одобрило подготовленную специальной комиссией государственную программу «Интеграция в эстонском обществе. 2000 – 2007 гг.». Программа определяет основные цели в трех сферах общественной жизни: языково-коммуникативной, политико-правовой и социально-экономической [8,6].

Литература

1. Вамбола Раудсепп. Развитие современного финансового анализа в Эстонии // «Бухгалтерские новости», 1997, № 8 (23).
2. Обзор экономики Эстонии 1999. Таллинн: Министерство экономики ЭР, 2000.
3. Raesaar, Kristel. EBRD hakkab rahastama väiksemaid ettevõtteid // Äripäev, 2000, 16. veebruar, nr. 1607.
4. Материалы Эстонско-Российского Круглого стола по теме «Развитие экономического сотрудничества между Эстонией и Россией в изменяющейся мировой экономической среде». Таллинн, 17-18 февраля 1999 г.
5. Министерство экономики ЭР. Обзор по экономике 1997-1998. Таллинн, 1998.
6. Микхель Пярноя. Ключ к развитию экономики Эстонии – учеба. // Северное побережье, 2000, 13 марта, № 237.
7. Обзор Российской экономики // Москва: Ежемесячный бюллетень Российско-Европейского Центра экономической политики, 1998, № 2 (38).
8. Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе. 2000-2007 гг.» // Северное побережье, 2000, 13 марта, № 237.
9. Обзор экономики Эстонии за 1997 год. Таллинн: Министерство экономики Эстонии, 1998.

ЕКАТЕРИНА ФИШКИНА

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭСТОНИИ?

Существуют две противоположные точки зрения на будущее русской культуры в Эстонии. Одну точку зрения высказал еще несколько лет тому назад писатель Михаил Веллер, который говорил о том, что будущее русской культуры в Эстонии обречено так же, как в Финляндии, Швеции и Дании. Он писал: «Раньше место русских в республике было в третьем ряду; после русских метрополий и «титულიной нации» республики. Третий ряд оказался приставным, стулья разобрали на дрова и заборы. Русская культура бывшей имперской провинции рассыпается».

Но все же есть и другая точка зрения, есть люди, придерживающиеся осторожного оптимизма.

Старая советская система культуры, построенная по общесоюзному образцу с акцентом на принципах коммунистической идеологии, в значительной мере разрушена. Новая система у нас, у русских, увы, не создана. К тому же не очень ясно, какой она должна быть, не ясна та основа, на которой она должна строиться. К счастью, сохранилась система школ народного образования, сохранились средства массовой коммуникации, сохранился театр (правда, единственный), сохранились – пусть и немногочисленные – кадры деятелей русской культуры, есть отдельные ученые, писатели, художники, музыканты. Что же дальше?

Нам в самых общих чертах предлагается три пути – ассимиляция, сегрегация и интеграция. В принципе возможны и варианты, т. е. смешанные формы, но надо учесть, что при этих смешанных формах, как правило, синтеза разных путей не получается – одна из этих форм все равно будет доминировать.

Путь ассимиляции предлагается эстонскими национал-радикалами. Некоторые политики говорят об этом, маскируя ассимиляцию другими понятиями и терминами, иногда и термином «интеграция», хотя интеграция имеет мало общего с ассимиляцией. Составной частью ассимиляции на «эстонский» манер является вытеснение значительной (если не большей) части русских из Эстонии, и языковая и культурная «эстонизация» оставшихся. Закон о ликвидации русских гимназий – из той же области.

Процесс ассимиляции реально имеет место в маленьких городах и деревнях «срединной» Эстонии и будет продолжаться. Но совершенно очевидно, что он для нас неприемлем, да и в масштабах всей республики нереален: как-никак нас примерно полмиллиона, ассимилировать такую массу трудно, практически невозможно, а уезжать из Эстонии абсолютное большинство русских не собирается.

Второй путь – это путь сегрегации, то есть путь изолированного, автономного развития русской общины в Эстонии и ее культуры, на практике – с полной ориентацией на Россию во всех сферах жизни. Известны разные формы сегрегации. Наиболее радикальные ее разновидности – резервации индейцев в Северной Америке и австралийских аборигенов. Но это случаи крайние, для эстонской обстановки более подходит хорошо известный по литературе, к тому же вполне жизнерадостный феномен – Брайтон-Бич в Нью-Йорке, населенный русскими и евреями – выходцами из России. Они живут там так же, как жили в России или на Украине, в Одессе. Этот тип сегрегации характеризует сохранение тесных связей с метрополией, сохранение (вернее, консервация) своей культуры, обычаев, традиций и отсутствие культурных и языковых контактов с коренным населением страны. Этот путь, без сомнения, имеет немало сторонников, особенно на Северо-Востоке, среди тех, кто не имеет эстонского гражданства и не рассчитывает его получить. В сущности, к этому же ведет требование так называемой полной русской культурной автономии.

Наконец, третий путь – путь интеграции. В вопросе о том, что понимать под интеграцией, до сих пор нет ясности. По крайней мере речь идет не об интеграции культур. С моей точки зрения, это означает интеграцию русских в эстонское общество, овладение эстонским языком, близкое знакомство с эстонской культурой, с эстонским менталитетом при сохранении в качестве доминанты своего родного языка и своей принадлежности к миру русской культуры. По моему глубокому убеждению, это и есть цель, к которой мы должны стремиться, если хотим остаться русскими и вместе с тем не чувствовать себя чужеродным телом в Эстонской Республике, не ощущать себя людьми второго сорта. Этого нельзя достичь на пути сегрегации.

Собственно, если внимательно присмотреться к тому, что сейчас происходит в республике, мы уже в значительной мере встали на этот путь. Пока, правда, до интеграции еще далеко, но мы уже нерусские вообще, а именно «эстонские русские». Это подтверждают абсолютно все социологические опросы русскоязычного населения. Например, по данным опроса, проведенного московским Центром исследований русских национальных меньшинств, 62 % опрошенных считают, что русские в Эстонии отличаются от русских в России, еще 15 % считают, что кое в чем отличаются, а кое в чем – нет. И только 10 % опрошенных убеждены, что никаких различий между русскими в Эстонии и в России нет. Тот же опрос показал, что большинство русских в Эстонии в своих воззрениях на внутриэстонские дела не так уж отличается от коренного населения республики. Хорошо известно, что большинство русских, попадающих из Эстонии в Россию, чувствуют себя там неудобно.

В этом нет ничего удивительного, если учесть, что около половины здешних русских или родились в Эстонии, или же живут здесь уже с детских лет. То есть, другими словами, сейчас в Эстонии идет интересный и сложный процесс формирования особой этнической группы, особой этнической общности – эстонские русские – со своей субкультурой, подобной тому, как есть франкоязычные канадцы или фин-

ляндские шведы (к опыту последних мы еще вернемся). Мы остаемся русскими: русскими по языку, по культуре, по национальному самосознанию. Мы вправе рассчитывать и на поддержку со стороны России, причем именно в плане культурном, а не политическом. Во всем цивилизованном мире метрополия оказывает поддержку культуре диаспоры. Сейчас такой поддержки у нас почти нет, что связано в числе прочего с бедностью России; та же небольшая финансовая помощь, которая все-таки выделяется, идет, как правило, не туда, куда надо, зачастую расходуется впустую, а иногда и приносит вред.

Здесь необходимо еще одно замечание. Создаваемая субкультура русского национального меньшинства ни в коем случае не должна отрываться от большой русской культуры метрополии. Она должна подпитываться соками этой культуры, без этого она будет слабой, рахитичной. Поэтому мы очень заинтересованы в восстановлении русского культурного пространства, в интенсификации всех форм культурных связей с метрополией: в получении книг, учебников журналов и газет из России, в постоянных гастролях русских театров, певцов, артистов и так далее.

Отметим еще, что мы заинтересованы и в связях с русской диаспорой других государств, в первую очередь, с особенно нам близкой диаспорой стран Балтии. Сейчас эти связи почти отсутствуют.

На пути к созданию своей субкультуры нас ожидает много трудностей, скрытых и явных опасностей. У русского национального меньшинства в Эстонии очень тонок слой интеллектуальной элиты. Между тем, без такой элиты не может успешно развиваться ни одна национальная культура, тем более субкультура такого национального меньшинства, как русская в Эстонии. К нашему несчастью, этот слой не возрастает, а уменьшается. Многие представители русской элиты, не находя применения своим силам и знаниям в Эстонии, покидают ее. Некоторые «обэстониваются», становятся деятелями эстонской культуры. Но и это еще не самое печальное. Страшнее другое – сокращается «воспроизводство» молодого поколения русской интеллигенции. Возможности получения высшего образования в Эстонии для русских ограничены. Те же, кто уезжает учиться в Россию или будут уезжать в ближайшем будущем на Запад, как правило, обратно домой не возвращаются. Именно поэтому мы очень заинтересованы в расширении русского высшего образования в республике.

Необходимо учесть еще один фактор. С горечью следует признать, что общий культурный уровень русского населения Эстонии невысок. Это, конечно, объяснимо причинами историческими. Старая русская интеллигенция Эстонии была почти полностью уничтожена в сталинских лагерях. В огромном же потоке мигрантов преобладал рабочий класс, к тому же далеко не всегда высокой квалификации. Поэтому среди русских в Эстонии, увы, много людей, которым, что называется, «до лампочки» любая культура. В силу этого одной из наших главных задач является и повышение общего культурного уровня местного русского населения. Но эта задача опять же оказывается трудно разрешимой, с одной стороны, без сильного слоя активно действу-

ющей интеллигенции, в том числе – интеллектуальной элиты, творческой элиты, с другой стороны, – без финансовой поддержки государства, поскольку культура вообще дело дорогостоящее, и собственными средствами русские в Эстонии добиться подъема своей культуры не смогут.

В этой связи для нас первостепенное значение приобретает проблема русскоязычного образования – основного, гимназического, высшего. Прежде всего нам надо добиться сохранения русскоязычных гимназий. И правительство, и Министерство просвещения уже отказались от плана превращения русских гимназий в эстоноязычные к 2000 году, поняв полную нереальность этого. Но вместо того, чтобы отменить этот пункт Закона об основной школе и гимназии вообще, просто решили перенести срок ликвидации русской средней школы на 2007 год.

К тому же теперь появились новые «проекты» развития иноязычного образования. Предлагается уже в основной школе ввести преподавание не менее четырех предметов на эстонском языке, в том числе истории и географии. Русскую школу всячески стремятся лишить ее национально-культурной специфики, одной из ее основных функций – сформировать культурного человека, причем, человека именно русской национальной культуры, как эстонская школа готовит образованного человека эстонской культуры.

К чему же мы должны стремиться? Какова же та сияющая вдали цель, к которой мы хотели бы прийти?

Напоминаю исходные «установки»: мы хотим остаться русскими по языку, по культуре, по своему национальному самосознанию, но вместе с тем быть лояльными гражданами Эстонской Республики, интегрированными в эстонское общество и не чувствующими себя здесь, в Эстонии, чужеродным элементом. Мы хотим быть людьми, для которых, как и для представителей титульной нации, открыты все пути в жизни.

Нам надо всеми силами бороться за сохранение национально-культурной специфики русских школ, за сохранение русскоязычных гимназий, тем более, что формально декларируемой цели всех этих с позволения сказать «преобразований» – лучшего овладения учащимися эстонским языком – можно добиться и другим путем: улучшением всей системы обучения государственному языку.

Очень трудно построить модель будущей структуры русского национального меньшинства и его субкультуры, исходя из этих, все же в значительной мере абстрактных установок. Тут нам на помощь, как мне представляется, должен прийти некий устраивающий нас аналог, уже существующий, реально и успешно функционирующий. Я думаю, что такие аналоги в мире есть. Это прежде всего – шведы и шведоязычная культура в Финляндии.

Финляндские шведы прекрасно интегрированы в финское общество, они, как правило, владеют финским языком, занимают любые посты – вплоть до министров – в государственном аппарате, но вместе с тем остаются шведами, людьми шведской (точнее – шведско-финляндской) культуры. У них есть не только свои шведские

школы и гимназии, но и свой шведский университет в Турку, своя Высшая коммерческая школа в Хельсинки, у них есть свои театры и культурные институты. Шведский язык является вторым государственным языком Финской Республики. В местах, где шведы составляют большинство, языком работы местных самоуправлений принят шведский. Более того – на Аландских островах вообще только шведский язык имеет статус официального – и финнов это не беспокоит. В финских школах преподается и шведский язык, знание его обязательно для всех государственных служащих; это все при том, что шведы составляют только 6 % населения Финляндии.

Это и есть то, к чему мы должны стремиться. Но надо себе четко представлять, что путь к этому нелегок и займет немало лет. И путь к этому лежит не только через получение эстонского гражданства большинством русских (хотя к этому, конечно, надо стремиться) и не только через овладение государственным языком (хотя это тоже абсолютно необходимо), но и через создание своей национальной общины в Эстонской Республике, создание своей богатой и разветвленной русской субкультуры в Эстонии, через повышение общего культурного уровня русских.

ТАТЬЯНА ШОР

РУССКИЕ ЮРИСТЫ
В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(1919-1940)

После провозглашения Эстонской Республики юридический факультет Тартуского, бывшего Юрьевского университета возобновил свою деятельность в 1920 году. В наследство молодому государству досталось старое российское законодательство и законоведы-ученые из русских эмигрантов, в большинстве своем прошедших европейскую выучку. Хотя они не владели государственным эстонским языком, тем не менее могли не только квалифицированно излагать и комментировать старые нормы, но и помогать в создании эстонской юридической системы. Учебная работа продолжалась на основании прежних программ, так как требовался определенный период для подготовки эстонского профессорско-преподавательского состава и перехода на новые программы.

Вопрос подготовки национальных кадров был в этот период для Эстонии жизненно важным. Юристы для государственных учреждений молодой республики были необходимы повсеместно и немедленно, причем не только для государственной работы. Требовались ученые-педагоги для преподавания в высшей школе, способные в перспективе создать юридическую терминологию на эстонском языке и национальную юридическую науку. В условиях острой нехватки национальных кадров, при том, что большинство из участвовавших в работе правительства юристов-эстонцев были воспитанниками российских университетов, использование специалистов-иностранцев было признано на начальном этапе целесообразным и просто необходимым, хотя, конечно, в прессе в течение всего переходного периода на эстонский язык преподавания муссировался вопрос «о засилии русских на юридическом факультете».

По данным 1920 года в целом по университету преподавательский состав по национальной принадлежности в процентном отношении был следующим: эстонцев – 50 %, немцев – 27,4 %, русских – 3,1 %. В 1923 году процент русских поднялся до 8 %, к 1930 году сократился до 4,4 % и в 1938 году составлял уже 1,9 % [27, 52]. Для сравнения укажем, что в Латвийском университете в 1922/23 годах русские преподаватели составляли 4,5 %, в 1930/31 году – 3,3 %; в 1938/39 году – 1,9 % [34, 49].

Однако поначалу в силу объективных причин на юридическом факультете Тартуского университета дело обстояло несколько иначе. В 1921 году из 9 преподаваемых на факультете специальных дисциплин три читались на эстонском, пять – на русском языке и одна – на немецком языке. Нельзя сказать, что вообще не было

эстонцев-юристов с академическим образованием, достаточно назвать такие имена, как Я. Тыниссон и К. Пятс – кандидаты права Тартуского университета, Н. Майм, К. Улуотс и А. Рей – выпускники юридического факультета Петербургского университета, А. Пийп получил там же магистерскую степень и претендовал на получение профессорского звания, – и этот ряд можно было бы продолжить. Однако все они уже занимали высшие государственные должности и не могли посвятить себя целиком преподавательской деятельности.

В этих условиях, когда по университетскому статуту на 11 профессорских вакансий и 1 доцентуру по юридическому факультету из числа эстонских юристов претендовали лишь трое (Н. Майм, Ю. Улуотс и А. Пийп), пришлось искать подходящие кандидатуры из числа иностранцев, в том числе и русских. Вот имена тех, кто с 1920 по 1939 год служил эстонской юридической науке: профессор гражданского права И. М. Тютрюмов, и. о. экстраординарного профессора экономических наук К. Д. Филиппов, профессор римского права Д. Д. Гримм, профессор экономики и статистики М. А. Курчинский, замещавший профессора международного права А. Пийп в течение 1921-1928 годов, штатный доцент университета Ф. И. Корсаков, преподаватель кафедры уголовного процесса, с 1927 года – штатный преподаватель криминалистики А. П. Мельников, приват-доцент И. Д. Гримм. Добавим к этому лектора Б. В. Правдина, который в течение целого ряда лет по поручению юридического факультета вел со студентами-юристами занятия по русскому языку, специализируясь на чтении и переводе русских законов, и мы получим интересную картину состояния юридического факультета, в которой русским ученым принадлежало большое и, на мой взгляд, в настоящее время недооцениваемое место.

В письме профессора Д. Д. Гримма к баронессе Марии Врангель из Тарту от 29 сентября 1931 года, хранящемся в архиве Гуверовского университета в США, говорилось: «Что касается Вашего запроса относительно состава русской профессуры в г. Юрьеве, включая сюда и доцентов и лиц, читающих курсы по поручению факультета, то все активные силы ее сосредоточены на юридическом факультете здешнего университета. В число их входят, не считая меня и сына, профессор Игорь Матвеевич Тютрюмов, он же председатель здешней русской академической группы, в прошлом видный судебный деятель, долголетний обер-прокурор, а потом сенатор второго Департамента Правительствующего Сената и приват-доцент Петроградского университета; профессор Михаил Анатольевич Курчинский, известный экономист, бывший профессор здешнего университета еще в русское время, он же в настоящее время председатель местного Юрьевского Комитета по подготовке введения культурной автономии для русского меньшинства в Эстонии; доцент Федор Иванович Корсаков, в прошлом преподаватель Петроградского Политехнического Института по экономическому отделению и Мировой судья; Алексей Павлович Мельников (сын писателя Мельникова-Печерского), в прошлом товарищ председателя Псковского окружного суда, ныне преподаватель криминалистики в здешнем университете и

заведующий Юрьевским отделом Народного Университета. Все названные лица состоят членами русской академической группы в Эстонии...» [1,10].

Неупомянутыми остались Ю. Д. Филиппов, умерший к этому времени, и лектор Б. В. Правдин, которого нельзя полностью отнести к эмигрантам из России, хотя он окончил Московский университет. Он уже до революции преподавал в школах Прибалтики, владел эстонским языком и сразу же получил эстонское гражданство в порядке натурализации.

С самого основания эстонского университета трудился в его стенах сенатор и бывший член Российской Думы, доцент, а затем профессор Петроградского университета, крупнейших русский цивилист И. М. Тютрюмов (1865-1943) [11; 20]. По рекомендации декана юридического факультета Н. Майма он стал ординарным профессором гражданского права и судопроизводства и торгового права. Кандидатура И. М. Тютрюмова сомнений не вызывала. В свое время после окончания Петербургского университета с золотой медалью он, хотя и недолго, служил в Таллинском окружном суде. Все прибалтийские государственные чиновники-юристы пользовались в своей практике его книгой «Законы гражданские» с комментариями, четыре издания которой вышли в Петербурге в 1905, 1908, 1910, 1912 годах.

Оказавшись в Таллинне в 1919 году, И. М. Тютрюмов по предложению министра юстиции принимал участие в разработке Гражданского уложения Эстонской Республики. При Министерстве юстиции были организованы курсы для судей, в которых он также читал лекции по гражданскому процессу и судопроизводству. Решением Министерства просвещения ЭР от 19.01.1920 г. И. М. Тютрюмов вместе с другими профессорами-иностранцами В. Андерсеном и В. Вигетом был зачислен в штат университета в качестве профессора гражданского права.

В университете И. М. Тютрюмов ежегодно читал гражданское право, гражданский процесс и курс по торговому праву. В течение 1921 года он наряду с преподаванием занимался делами по составлению проекта Гражданского уложения Эстонской Республики в Министерстве юстиции в Таллинне. В Тарту в этот период вышли его книги «Гражданское право» и «Гражданский процесс», в Риге – «Устав гражданского судопроизводства», в котором были учтены все замечания по 1922 году и приложены особые разъяснения в соответствии с законами республик Прибалтики, Польши и Финляндии, в 1931 году в Каунасе вышла его книга «Конкурсное право». Комментарии И. М. Тютрюмова к новым гражданским нормам регулярно печатались в эстонском юридическом журнале "Xigus", в латышском юридическом журнале Рижского юридического общества «Закон и суд» он опубликовал статью «Об унификации частного права» [30, 89-90], часто выступал с докладами и лекциями в Эстонии и за рубежом.

И. М. Тютрюмов принимал активнейшее участие в жизни формирующейся русской диаспоры Эстонии: он был председателем Русской Академической группы и Ревельского Юридического общества, входил в состав Союза юристов Эстонии. Профессорская карьера И. М. Тютрюмова продолжалась до 1935 года. Эстонскому языку

он так и не выучился, но эстонская общественность признавала его большие заслуги в разработке гражданского свода законов Эстонии и в подготовке национальных кадров. Его учеником и переводчиком на экзаменах был Эльмар Илус, защитивший в 1930 году магистерскую диссертацию "Noonexigus". Он также заменял профессора во время его командировок, а с 1935 года стал руководителем кафедры гражданского права.

После ухода на пенсию И. М. Тютрюмов еще в течение ряда лет читал лекции как профессор-эмеритус. В 1937 году газета "Postimees" поместила интервью в честь 35-летия его профессорской деятельности. Специально для газеты была сделана фотография, на которой на скамейке парка в Нарва-Йыесуу, где у И. М. Тютрюмова была своя дача, восседал эмерит-профессор в строгом черном костюме с накрахмаленным воротничком и галстуком, как будто только что собрался на очередную лекцию. В 1940 году газета "Postimees" перепечатала ту же самую фотографию к 75-летию юбилею уважаемого профессора, а через три года, 29 марта 1943 года, его не стало [28].

1 июля 1920 года в звании и. о. профессора только что образованного коммерческого отделения юридического факультета был утвержден Ю. Д. Филиппов (1867-1926) [5; 14; 32, 71]. Одновременно он с 1921 года исполнял обязанности проректора коммерческого отделения вплоть до своей смерти в 1926 году. За короткий период своего пребывания в Тартуском университете Ю. Д. Филиппов успел образовать на коммерческом отделении кабинет товароведения, опубликовать ряд важных научных трудов по экономике и банковскому делу [14, 19; 27, 109; 35, 21-22, 25]. Ю. Д. Филиппов был единственным русским, руководившим отделением, преобразованным в дальнейшем в самостоятельный экономический факультет.

С 1921 году на коммерческом отделении юридического факультета начал работу в качестве ординарного профессора народной экономики (teoreetilise rahvamajandusteaduse korraline professor) бывший профессор Юрьевского, затем Петроградского университета М. А. Курчинский (1876-1939) [4; 10; 19; 21, 127; 37]. Это был разносторонний ученый, ставший в 1920-30-е годы крупнейшим теоретиком и практиком с международным именем, не только в области социальной экономики и статистики, но также культурной автономии русского меньшинства в Эстонии. Он читал лекции по политической экономии, статистике, заведовал статистическим кабинетом и активно публиковался вплоть до своей смерти в 1939 году [27, 110; 36, 25]. Поскольку речь сейчас идет все-таки о юристах, то на деятельности экономистов мы останавливаться не будем и вернемся непосредственно к юристам.

В 1921 году был принят в число преподавателей Тартуского университета магистрант опять-таки Петербургского университета Ф. И. Корсаков (1883-1932) [9; 15; 18, 36]. После октябрьского переворота ему удалось устроиться на службу в Главное управление Архивным делом Петрограда, но тяжелая петроградская действительность загнала его в ноябре 1919 года на станцию Сиверскую, откуда он эмигрировал из Советской России вместе с остатками Северо-Западной армии.

Поначалу Ф. И. Корсаков с женой поселились в Таллинне, и его как опытного юриста пригласили в 1920 году в состав членов кодификационного отделения Министерства юстиции Эстонской Республики. С 1920 по 1925 год он работал преподавателем законоведения на Университетских курсах Ревельского общества Народного университета «Колледж», преобразованного позже в Экономический институт, в 1921-1922 годах читал лекции по государственному праву на курсах Генерального штаба, в 1926 году – по международному праву. С 1921 по 1923 год Ф. И. Корсаков исполнял поручения министра финансов, министра юстиции и Государственного контролера ЭР по составлению проектов законов: бюджетного, об устройстве правительственной власти, о ревизионных полномочиях Государственного контролера. Он был автором объяснительной записки к законопроекту ЭР о порядке составления, рассмотрения и исполнения проекта государственного бюджета, тезисов с объяснительной запиской законопроекта об устройстве правительственной власти в Эстонии, тезисов к законопроекту о ревизионных полномочиях Государственного контроля и обзора действующих законодательств по вопросам ревизионной власти внеправительственного независимого контроля.

Однако все эти многочисленные занятия носили временный характер, поэтому пришлось искать какое-то место, которое могло бы принести более стабильное материальное и гражданское положение. 2 ноября 1920 года на юридический факультет Тартуского университета поступило заявление Ф. И. Корсакова о предоставлении ему возможности чтения лекций по международному праву или же по истории философии права. Исполняющий должность декана юридического факультета профессор государственного права Н. Майм [21,174-175; 27,105] обратился к министру юстиции Ю. Яаксону [22,158] с просьбой дать рекомендацию кандидату на замещение лекций профессора А. Пийпа.

Чрезвычайно любопытно привести ответ Ю. Яаксона от 7 декабря 1920 года, сохранившийся в деле доцента Тартуского университета Ф. И. Корсакова [15, 3-3 об, 25-25 об.]. В нем, в частности, высказывалась точка зрения на формирование преподавательских кадров юридического факультета. Ю. Яаксон писал, что знает Ф. И. Корсакова, но не как ученого, а как практика. С ним его познакомил профессор И. Т. Тютрюмов в комиссии по обсуждению проектов гражданского и уголовного законодательства. Там Ф. И. Корсаков выступал только с деловыми предложениями и произвел хорошее впечатление. Далее Ю. Яаксон писал: «Он молодой человек и недостаточно еще себя проявил. Я считаю, что из русских можно было бы все-таки пригласить более старшего, более зрелого ученого, пока свои силы у нас еще в недостаточном количестве. Молодых специалистов из русских можно взять тогда, когда среди старшего поколения действительно будет некого пригласить. Учитывая, что русские университеты сейчас все бездействуют или, вернее, работают в полсилы, я считаю, что все-таки можно получить кандидата из бывших русских профессоров. То, что среди нас мало ученых, нет ничего удивительного, так как в русское время только весьма немногие из

нашей среды могли думать о научной карьере, преград для этого было более, более чем достаточно! Теперь, к старости, думать о том, чтобы посвятить себя науке, было бы бессмысленно. Надеемся все-таки, что теперь, когда преодолены многие преграды, среди нашей молодежи найдется немало тех, кто с радостью готов посвятить себя науке» [15, 3 об., 25].

Несмотря на сдержанный отзыв Ю. Яксона, профессор А. Пийп все-таки доверил чтение курса своих лекций именно Ф. И. Корсакову, и тот начал свою университетскую карьеру с профессорского жалования, являясь по существу лишь магистрантом. Лекции разрешено было читать по-русски. Ф. И. Корсаков творчески подошел к своим обязанностям и, кроме лекций по международному праву, разработал специальный курс, посвященный торговым договорам и консульскому праву. В 1923 году он читал на коммерческом отделении юридического факультета курс публичного права (государственное, административное и международное право), заменяя проф. А. Пийпа по кафедре международного права, оставаясь все это время за штатом. Кроме того, с первого семестра 1923 года Ф. И. Корсаков по поручению факультета читал консульское право в связи с торговыми договорами по 2 часа в неделю [9, 13].

Удачное начало и популярность лекций Ф. И. Корсакова среди студентов побудили его коллег по факультету рассмотреть вопрос о введении доцентуры. В августе 1926 года он и его жена Евгения Васильевна (урожд. Плотникова) получили наконец эстонское гражданство. Тогда же Ф. И. Корсаков обратился к декану с заявлением о замещении конкурсной должности доцента публичного права на коммерческом отделении юридического факультета. В списке опубликованных работ, кроме русскоязычных, вышедших в дореволюционный период статей, были указаны многочисленные газетные публикации в эстонских газетах "Postimees" и "Päevaleht", а также несколько работ в специальном издании эстонских юристов "Õigus", где из русских печатались также профессор-цивилист И. М. Тютрюмов и Д. Д. Гримм.

Заметим, что Ф. И. Корсаков был одним из немногих русских преподавателей, кто активно публиковался в эстонской популярной прессе, где появлялись его многочисленные статьи по международному, эстонскому государственному и административному праву. Он принимал участие в общих собраниях эстонских юристов и выступал там с докладами. К 1929 году Ф. И. Корсаков изучил эстонский язык настолько, что мог самостоятельно принимать экзамены у эстонцев. В том же году его единогласно избрали на должность штатного доцента, и в этой должности Ф. И. Корсаков оставался до своей смерти в 1932 году. В научной библиотеке Тартуского университета хранится уникальный экземпляр рукописных мемиографированных лекций Ф. И. Корсакова по государственному и административному праву на эстонском языке.

В 1921 году на юридическом факультете Тартуского университета начал читать лекции по криминальному процессу выпускник Петербургского университета, член Российской судебной палаты А. П. Мельников (1867-1934) [13]. А. П. Мельников попал в Эстонию в 1919 году и активно включился в жизнь русских эмигрантов. Он состоял

членом клуба «Черная роза» в Таллинне, был одним из основателей Русской академической группы, выступал с лекциями в пользу студентов, голодающих в России, позже участвовал в литературных воскресниках спортивно-просветительного общества «Святогор» в Нарве и т. д. [31; 33].

5 июня 1920 года он обратился в Совет юридического факультета Тартуского университета с просьбой об избрании его лектором по уголовному процессу. Университету его рекомендовали профессор Р. К. Гутман и член Высшего государственного суда, сенатор Р. А. Козметс (13, 3-4 об.). Последний писал, что знает А. П. Мельникова с 1910 года по работе в Псковском окружном суде, где он проявил себя как знающий юрист. А. П. Мельников сотрудничал в «Журнале Министерства Юстиции», являлся автором книги «Об уголовном наказании по русскому законодательству». Он характеризовался как добросовестный судья и лояльно настроенный к Эстонской Республике гражданин. В предъявленном факультету заявлении А. П. Мельникова говорилось: «Заданием себе ставлю не только сообщение слушателям научно-теоретических сведений в области уголовного процессуального права, но также создание кадров научно подготовленных криминалистов-практиков из рядов местной национальной молодежи» (13, 5).

Решением факультета от 27 января 1921 года ему было назначено доцентское жалование и дано разрешение читать лекции по уголовному процессу по действующему законодательству и особенную часть действующего уголовного права по 6 часов в неделю на русском языке при кафедре криминального процесса под руководством профессора А. Бьерре. В 1927 году при профессоруре криминального права было создано место преподавателя криминалистики и его занял А. П. Мельников. Декан юридического факультета Ю. Улуотс в своей рекомендации писал: «Все свои должностные обязанности в течение своего пребывания на юридическом факультете господин Мельников выполнял добросовестно и хорошо, серьезно содействовал организации учебной работы и своевременному выполнению поставленных задач, не считаясь с личным временем, если того требовали учебный процесс и его осуществление было необходимо и решительно полезно. Как человек господин Мельников всегда наилучшим образом ладит с коллегами и любим своими учениками. Насколько я понимаю, он не только тактичен и лоялен, но действительно выражает интерес и любовь в отношении Эстонской Республики» (13, 34).

В программе занятий А. П. Мельникова значились такие темы, как осмотр, обыск, дактилоскопия, антропометрия, исследования поддельных документов и почерка и т.д. Он заведовал кабинетом криминалистики и заботился о его оснащении. В течение всего периода А. П. Мельников читал лекции по-русски, и факультет каждые два года продлевал на это разрешение в министерстве. Последний раз ему продлили разрешение до 1 июля 1934 года. Однако в марте этого года он перенес тяжелую операцию и через несколько дней скончался. Прощание с А. П. Мельниковым происходило в Успенской церкви 18 марта при участии всего юридического факультета, русского студенчества и общественности Тарту.

Позже и более короткое время профессором римского права в Тартуском университете был Д. Д. Grimm (1864-1941) [1-3; 6; 17; 27, 107]. После Октябрьского переворота он работал в Петроградском университете профессором римского права и даже получил звание заслуженного профессора. В 1919 году Д. Д. Grimm был на короткий срок арестован большевиками, но уже в феврале 1920 года ему удалось бежать с семьей из голодного Петрограда в Хельсинки, затем в Прагу (6, 13-13 об.). Благодаря хлопотам И. М. Тютрюмова, Тартуский университет пригласил Д. Д. Grimm в 1920 году занять место ординарного профессора римского права с мотивировкой, что с 1889 по 1891 год он уже состоял здесь приват-доцентом, а в настоящий момент является ученым, известным в научном мире, автором 5 монографий и множества научных статей [24, 287-288].

Первоначально Д. Д. Grimm отказался, так как хотел продолжать свою академическую карьеру в Праге. К концу 20-х годов Русский Юридический факультет в Праге себя исчерпал, и в 1927 году Д. Д. Grimm принял повторное предложение Тартуского университета занять вакантную кафедру римского права юридического факультета, на которой он оставался вплоть до выхода его на пенсию в 1934 году.

В Эстонской Республике в 1923-1926 годах издавались его лекции по истории римского права, статьи в связи с обсуждением проекта Конституции Эстонии [23; 26]. После выхода на пенсию Д. Д. Grimm еще некоторое время читал лекции и вел практикумы по римскому праву в качестве приват-доцента и профессора-эмеритуса до своего отъезда из Эстонии в Латвию в декабре 1938 года.

В вопросах профессиональной этики он был весьма щепетилен. В феврале 1935 года Д. Д. Grimm обратился к декану юридического факультета с просьбой о прекращении объявленного им курса по римскому договорному праву в связи с малым числом слушателей и возвратил деньги (27 крон 30 центов), выданные ему за чтение лекций [6, 105].

В рамках университетского курса Д. Д. Grimm читал римское право 3 часа в неделю сначала на русском, позже на немецком языке, на практикумы предлагал системы римского права по 2 часа в неделю. В Эстонии Д. Д. Grimm в 1931 году получил гражданство и принимал самое непосредственное участие в общественной жизни русской диаспоры. Он состоял членом приходского совета Тартуского Успенского собора, председателем Тартуского отдела Русского национального союза и был избран в Национальное собрание Эстонской Республики [6, 121; 17].

Национальное собрание (Eesti Rahvuskogu) было создано согласно проведенному 23-25 февраля 1936 года народному референдуму, по которому президент получил право созвать «Народное собрание» (Rahvakogu). В его задачу должны были входить принятие поправок к Конституции, а в случае необходимости – выработка нового Основного закона. Первая палата Национального собрания Эстонии в составе 80 человек от 30 избирательных участков (50 избирательных участков, где был только один кандидат, в выборах не участвовали) была избрана 12-14 декабря 1936 года. От

русских в первую палату были избраны А. М. Курчинский и А. Е. Осипов. Д. Д. Grimm работал во второй палате, которая была образована в январе 1937 года. В ней было 40 представителей от местных самоуправлений, экономических и профессиональных правлений, от самоуправлений национальных меньшинств, а также от Тартуского университета, Союза обороны и церквей. Обе палаты действовали с 18 февраля по 17 августа 1937 года, т. е. до тех пор, пока не был выработан проект новой конституции. Окончательный вариант новой эстонской конституции был принят 1 января 1938 года [29, 66-68].

Авторитет профессора Д. Д. Grimma среди коллег был необычайно высок. К 70-летию замечательного русского ученого Академическим союзом юристов Эстонии на годовом общем собрании под руководством проф. А. Пийпа было устроено его чествование [25]. В журнале Эстонского юридического общества "Õigus" вышла обширная юбилейная статья, автором которой был преемник Д. Д. Grimma по кафедре профессор Э. Эйн [24].

В Тарту Д. Д. Grimm написал очень содержательные воспоминания о деятельности Государственного Совета России в период с 1905 по 1917 год. Рукопись, в которой, к сожалению, утрачены несколько глав, находится в фонде архива Тартуского университета в Историческом архиве Эстонии [7; 38]. Там же имеются два небольших дела его сына – приват-доцента Тартуского университета И. Д. Grimma, магистра государственного права и приват-доцента Русского юридического института в Праге [8; 12]. В Тарту он по поручению юридического факультета в течение 1928-1936 годов читал курс философии права на немецком языке.

Таким образом, мы видим, что русские юристы, особенно в 1920-е годы, сыграли важную роль в формировании эстонских юридических кадров, подготовили ряд эстонских ученых-юристов, принимали активное участие в создании эстонской кодификационной системы. В своей общественной и ученой деятельности они опирались на знание законодательной системы России, европейских стран и формирующегося эстонского гражданского общества. Их авторитет как специалистов вплоть до середины 1930-х годов оставался неизменно высоким.

Литература

1. Hoover Institution Archives, F. "Baronne Marie Wrangell".¹ 16-30, 18, §. 10. Пользуюсь случаем поблагодарить проф. С. Г. Исакова, любезно предоставившего мне копии писем русских ученых из архива Марии Врангель.
2. Исторический архив Эстонии (ИАЭ) ф. 402, оп. 3, 526.
3. ИАЭ ф. 402, оп. 3, д. 527.
4. ИАЭ ф. 402, оп. 3, д. 909
5. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 129.
6. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 150.
7. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 150 а.
8. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 151.
9. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 395.

10. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 443.
11. ИАЭ ф. 2100, оп. 2, д. 1235.
12. ИАЭ ф. 2100, оп. 2 а, д. 9.
13. ИАЭ ф. 2100, оп. 2 а, д. 18.
14. ИАЭ ф. 2100, оп. 5, д. 57.
15. ИАЭ ф. 2100, оп. 5, д. 59.
16. ИАЭ ф. 2100, оп. 5, д. 151.
17. ИАЭ ф. 2111, оп. 1, д. 6833.
18. ИАЭ ф. 2111, оп. 1, д. 8199.
19. ИАЭ ф. 2111, оп. 1, д. 8368.
20. ИАЭ ф. 2111, оп. 1, д. 12222.
21. Eesti avalikud tegelased. / Toim. R. Kleis. Tartu: "EKS", 1932.
22. Eesti biograafiline leksikon. Tartu: "Loodus", 1926-1940.
23. Grimm, D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise eelnõu // Õigus. 1933, nr. 7. Lk. 311-326; nr. 8. Lk. 337-347.
24. Ein, E. Prof. D. D. Grimmil elukäik ja teaduslik tegevus // Õigus. 1934, nr. 6. Lk. 283-288.
25. Juristid austasid lahkuwat professorit // Postimees, 1934, 24. jaanuar, nr. 24.
26. Karlson, F. Arvustavaid märkusi D. Grimmil artiklile // Õigus, 1934, nr. 8. Lk. 359-363.
27. Tartu Ülikooli ajalugu. Kd. III. Tallinn: Eesti Raamat, 1982.
28. I. Tjutrumov 35. a. professoriks. Suvitab praegu Narva-Jõesuus // Postimees, 1938, 8. juuli, nr. 181.
29. Valitud ja valitsenud. Eesti parlamentaarsete ja muude esinduskogude ning valitsuste isikkoosseis aastail 1917-1999 / Koost. Jaan Toomla. Tallinn, 1999.
30. Ковальчук Светлана. Судьба журнала «Закон и суд» // Балтийский архив. IV. Рига, 1999. С. 88-103.
31. На лекции А. П. Мельникова // Нарвский листок, 1928, 14 февраля, № 13.
32. Пономарева Г., Шор Т. Тартуский университет в публицистике приват-доцента Сергея Штейна // Радуга, 1998, № 2. С. 66-74.
33. Приезд в Нарву приват-доцента Мельникова // Нарвский листок, 1928, 11 февраля. № 12.
34. Фейгмане Т. Д. Русские преподаватели в Латвийском университете (1919-1940) // Русские в Латвии. Вып. 2. Рига, 1997. С. 49-73.
35. Шор Татьяна. Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. I. Таллинн, [1996]. С. 7-25.
36. Шор Татьяна. Persona retro. Федор Корсаков – Theodor Korsakov: к вопросу об интеграции русских ученых в Эстонской Республике // Радуга, 1999, № 4. С. 55-67.
37. Шор Татьяна. Persona retro. Михаил Анагольевич Курчинский // Радуга, 2000, № 1. С. 24-44.
38. Шор Татьяна. Неопубликованные мемуары профессора Давида Грима // Балтийский архив. VI. Рига. Даугава, 2000. С. 85-99.

ЕЛЕНА ШУВАЛОВА

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (РСХД) В ЭСТОНИИ

РСХД в 1920-30-х годах было одной из важнейших организаций, определявших духовную и культурную жизнь русских в Эстонии.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом возникло как организация в 1923 году. Оно явилось продолжением религиозного движения, возникшего среди русской интеллигенции еще в XIX веке. Основной идеей этого движения была идея христианского творчества, охватывающего все сферы культуры.

Рождение Движения было связано с возникновением центров русской эмиграции во многих странах Европы. В это время произошел поворот сознания общества в сторону религии и возникла потребность в организации, которая объединяла бы религиозные и патриотические ценности. В разных местах расселения эмигрантов возникали религиозные кружки. Появилась необходимость взаимного общения кружков для того, чтобы вырабатывать общие цели и методы работы.

В результате этого осенью 1923 года при поддержке YMCA (Христианского Союза Молодых Людей) и Всемирной Студенческой Христианской Федерации состоялась первая студенческая христианская конференция за рубежом. На этом съезде, проходившем в местечке Пшеров около Праги, произошло организационное оформление РСХД. Важным событием был наметившийся на съезде поворот к православию [13, 10]. Подобные конференции стали созываться ежегодно как в общеевропейском масштабе, так и в каждой отдельной стране, где имелись кружки движения. На пятом общем съезде РСХД были разработаны основные положения устава Движения: «Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом» [13, 34].

Основной идеей Движения было создание религиозной культуры, «оцерковление» жизни и «оживление» церкви. Деятельность Движения способствовала созданию нового православия, в котором внутренний аспект церковной жизни доминировал над внешней формальной обрядностью. Не менее важным в деятельности РСХД был национальный момент: разнообразная культурно-патриотическая деятельность РСХД способствовала объединению русского населения и сохранению русского национального самосознания, пробуждению интереса к традициям русской истории и культуры. В

условиях идеологического вакуума 1920-х годов Движение давало возможность русской молодежи обрести цель в жизни, понять смысл своего существования. «Необходимо, чтобы каждый момент нашей жизни был духовно оправдан», – говорил о задачах Движения профессор С. Л. Франк. Целью РСХД было объединение и «духовное оздоровление» русской молодежи [16].

Основу Движения составляла сеть молодежных кружков, не все участники которых были студентами. В этих кружках обсуждались вопросы религиозного характера, проблемы повседневной жизни и укреплялась духовность участников Движения. Главным центром Движения стал Париж, где размещались его штаб, Религиозно-педагогическое бюро и до конца 1933 года издавался «Вестник РСХД».

Русское Студенческое Христианское Движение стремительно разрасталось. Все в новых странах русского зарубежья возникали кружки РСХД, поэтому закономерно они возникли и в Эстонии.

Начало РСХД в Эстонии относится к 1924 году, когда в Таллинне был основан первый кружок, хотя более широкая деятельность Движения в Эстонии началась в 1927 году. Первый кружок Движения был закрытым и объединял около десяти человек. Основательницей кружка была Татьяна Евгеньевна Дезен. Члены кружка не стремились к увеличению численности и расширению деятельности, а ждали, «когда молодежь сама пожелает примкнуть к ним» [17].

Кружки РСХД в Эстонии возникали в основном на базе YWCA (Христианского Союза Молодых Женщин) и YMCA (Христианского Союза Молодых Людей). Еще одним предшественником кружков РСХД был Христианский Союз Русских Студентов, действовавший при Тартуском университете в 1922-1934 годах [22].

О раннем периоде деятельности Движения до 1927 года известно очень мало. Архивные материалы РСХД не сохранились, поэтому в основном пришлось основываться на информации из печатных источников, однако они относительно полно освещали только деятельность РСХД в 1930-е годы. Непосредственным импульсом к развитию Русского Студенческого Христианского Движения послужил приезд в Эстонию весной 1927 года руководителей Движения С. М. Зерновой и Н. А. Бердяева для установления связей с русской молодежью в Эстонии и ознакомления с работой РСХД [15].

В начале 1928 года в Эстонии вновь побывала С. М. Зернова, а также прибыли В. В. Зеньковский и С. Л. Франк. В Таллинне, помимо основного кружка – «чрезвычайно разнообразного по составу своих членов и по темам, которые в нем разбираются», – возник новый кружок чисто религиозного характера, где изучалось Священное Писание [20]. К концу того же года, по сообщению «Вестника РСХД», в Таллинне работали уже четыре кружка. В ноябре 1928 года Движение получило помещение под Александро-Невским собором [11].

В 1929 году при РСХД возник благотворительный кружок «Нечаянная радость», занимавшийся сбором пожертвований, устройством детских праздников, помощью бедным, больным и престарелым. Членами кружка могли быть лица, не состоявшие в

Движении, но интересующиеся социальной помощью. В том же году была открыта воскресная школа в Копли [18].

В 1930 году для руководства работой кружков был создан Деловой комитет во главе с отцом Иоанном Богоявленским [6]. К 1931 году в Таллине существовало уже семь кружков РСХД. При этом большинство членов Движения работало одновременно в нескольких кружках. В 1931 году была открыта вторая воскресная школа – в Нымме. В этом же году начало функционировать религиозно-педагогическое бюро, использовавшее опыт работы в детских и юношеских кружках и школах Движения в Эстонии [1].

В начале 1930-х годов возникло движение «витязей» и «дружинниц», организованное из членов кружков РСХД при гимназии. В марте 1932 года состоялось официальное открытие отдела «витязей» и «дружинниц» при РСХД. На момент создания организации он состоял из восьми кружков, объединявших около 70 человек. Летом 1932 года был устроен пятидневный съезд «витязей», в котором приняли участие представители всех кружков [2].

Особенностью таллиннского отдела Движения и вообще эстонского РСХД было то, что, несмотря на название, именно студентов в здешних кружках почти не было. Основным стержнем таллиннского Движения была семья Дезенов [17,166]. Васса Арсеньевна и Татьяна Евгеньевна были руководительницами кружков. Петр Евгеньевич Дезен не руководил ни дружиной, ни кружком, но играл важную роль в жизни Движения. Духовным руководителем и председателем таллиннского отдела РСХД был отец Иоанн Богоявленский, настоятель Александро-Невского собора.

Первый кружок РСХД в Тарту возник в 1927 году «совершенно самостоятельно по инициативе и вдохновению Дмитрия Маслова – поэта и вечного студента». «Кружок был чрезвычайно своеобразный и очень интересный и по темам, и по составу участников». Членами кружка были: Иван Давыдович Гримм – приват-доцент Тартуского университета, Василий Александрович Карамзин, Владимир Николаевич Пашков – врач и общественный деятель, Наталья Васильевна Маслова, Татьяна Михайловна Фомина (впоследствии организатор и руководитель Движения в Нарве), «три совершенно не от мира сего студента – Дедик Круг, Гигоша Иртель и Митя Маслов» и единственная школьница – Тамара Милютинa [9, 51-52].

В 1928 году в Тарту существовало уже четыре молодежных кружка. Число членов Движения возрастало за счет приехавших учиться в Тарту участников Движения и новых студентов.

При Движении вели работу детский сад и воскресная школа (с 1929 года). Детский сад, открытый с 1 сентября до 1 июня, занимался национальным и религиозным воспитанием и подготовкой детей к школе. Программа занятий в воскресной школе состояла из трех отделов: духовно-религиозного, общеобразовательного и спортивного. Руководители групп воскресной школы объединились в религиозно-педагогический кружок, на собраниях которого разрабатывалась программа занятий и

читались доклады на педагогические темы. Ответственным руководителем школы был протоиерей Анатолий Федорович Остроумов, настоятель Юрьевского Успенского собора [3].

Началом РСХД в Нарве следует считать дату 29 января 1929 года, когда в спортивно-просветительном обществе «Святогор» был организован религиозно-философский кружок, принявший за основу своей работы §1 «Устава Движения» [7]. Кружок под руководством о. Павла Дмитриевского занимался разбором Евангелия, изучением обрядов богослужения, обсуждением религиозно-философских вопросов и благотворительной деятельностью.

В 1930 году при кружке был создан хор. В этом же году произошло выделение кружка РСХД из состава религиозно-философского кружка – таким образом появилось самостоятельное нарвское отделение Движения. При Нарвском Единении РСХД был организован детский сад, работа в котором велась три раза в неделю; дети получали бесплатную еду. В 1930 году была открыта воскресная школа при Преображенском соборе [12].

К середине 1932 года при нарвском отделе РСХД работало уже 9 кружков, была открыта вторая воскресная школа на Суконной мануфактуре [5]. В том же году было создано «Девичье Дружество», первоначально состоявшее из двух кружков. В 1933 году существовало уже 6 групп «дружинниц», а также 3 звена «витязей». Основными направлениями деятельности были кружковая работа, религиозно-нравственные беседы и спортивные занятия. Летом 1933 года Нарвским Единением РСХД был устроен лагерь «витязей» и девичьей дружины на Смолке [8].

Первые упоминания о РСХД в Печорах относятся к 1930 году. В этом году был организован первый кружок девочек, занимавшийся изучением литературы [6]. К 1932 году здесь существовало уже несколько кружков, в том числе старший, объединявший руководителей различных кружков. Молодежи старше 20 лет в печорском движении было только несколько человек, поэтому не было и «консервативного» настроения. По понедельникам в помещении Русского общества устраивались открытые доклады на различные темы. В августе 1932 года на движенской даче под Печорами, в селе Калугино, был устроен «съезд» детей, в котором приняли участие 55 человек [21].

После съезда в Пюхтицком монастыре в 1932 году в деятельности печорского РСХД начался новый этап. Участники Движения стали стремиться выйти из замкнутости, расширить круг своих интересов, благодаря чему у Движения появилось много друзей и сторонников.

Отделение РСХД в Валга было, по-видимому, организовано в 1929 году. Собрания кружка были нерегулярными. Основная деятельность заключалась в работе с детьми. В 1931 году была открыта воскресная школа. Занятия проходили в трех возрастных группах. Программа состояла из религиозной части, литературной части, ручного труда и игр. В 1932 году был организован религиозный кружок взрослых, сочувствующих Движению [4].

Таким образом, к 1933 году отделения РСХД существовали в Таллинне, Тарту, Нарве, Печорах и Валга. Особенно было развита религиозно-педагогическая деятельность.

Важной стороной деятельности Движения была организация лекций известных профессоров и богословов, руководителей РСХД. Эти лекции были значительным событием в жизни всего русского населения Эстонии. Особенно часто выступал с лекциями профессор Л. А. Зандер, который в 1929-1931 годах руководил работой РСХД в Прибалтике и некоторое время жил в Риге, а затем в Тарту.

Большое значение для развития деятельности РСХД в Эстонии имело участие членов Движения в общих съездах, проходивших во Франции. Представители эстонского отдела постоянно принимали участие в съездах Движения, начиная с 1927 года.

С 1928 года регулярно проводились съезды РСХД в Прибалтике. Проведение годовых съездов Движения в Прибалтике и подготовка к ним были одним из важнейших мероприятий РСХД. В задачи съездов входили подведение итогов предшествующего года и разработка планов на будущее.

Съезды всегда проводились вне города, чаще всего при монастырях – для того, чтобы участники могли «вырваться из обычной суеты жизни», «забыть о социальных и экономических трудностях и отдаться исключительно духовным интересам» [19, 4]. В основе работы съезда лежала тщательно разработанная программа, учитывавшая весь предшествующий опыт. Возникавшая на съезде атмосфера духовного общения оказывала огромное влияние на его участников.

В Эстонии съезды проводились в восточной части республики, расположенной вокруг Чудского озера, с преимущественно православным и русским населением. Первый из таких съездов состоялся в августе 1929 года в Печорском монастыре. Это был самый праздничный из всех прекрасных прибалтийских съездов» [9, 59]. Печорский съезд был и самым многолюдным, что свидетельствовало о росте интереса к Движению в Эстонии. На съезде присутствовало около 300 официальных участников из Эстонии, Латвии, Финляндии, Румынии и других стран, и во время съезда количество участников продолжало увеличиваться. Семинары проводились под открытым небом, на Святой горе. В один из дней съезда состоялась экскурсия участников в Изборск. О необычайной значимости Печорского съезда свидетельствует то, что в начале 1930 года в Таллинне вышел сборник «У родных святынь», посвященный второму съезду РСХД в Прибалтике [19].

Следующий съезд был проведен в июле 1930 года в Пюхтицком монастыре. До общего съезда состоялся трехдневный съезд активных работников, во время которого были созданы комиссии по различным отраслям деятельности Движения. На общем съезде была представлена информация о работе 40 кружков Движения в Латвии и Эстонии [13, 111].

Проведение второго Пюхтицкого съезда в июле 1932 года было связано с экономическими и организационными трудностями, однако это не помешало его успешному проведению. В течение семи дней состоялись заседания Советов Движения

Эстонии, Латвии, объединенного Совета Движения Прибалтики, заседания, посвященные «Вестнику РСХД». Были выработаны новые задачи Движения: участие в работе приходов, организация кружков рабочей и деревенской молодежи, лекций о борьбе с пьянством, борьба с неверием [10].

Помимо общих летних съездов РСХД, в Прибалтике зимой проводились и более локальные религиозно-педагогические съезды. В них принимали участие педагоги, студенты и учащиеся. Как правило, съезд проходил в помещении гимназии и состоял из лекций, семинаров и дискуссий. Религиозно-педагогические съезды проводились с 1929 года, с 1931 года – отдельно для Латвии и Эстонии, но делегаты из Эстонии постоянно принимали участие в латвийских съездах и наоборот.

Съезды РСХД имели большое значение для деятельности Движения. Особенно велико было влияние Печорского и Пюхтицких съездов, которые стали важным событием культурной и общественной жизни всего русского населения Эстонии.

На общем съезде Движения в 1933 году И. А. Лаговский, редактор «Вестника РСХД», был избран центральным секретарем с откомандированием для работы в Прибалтику. С конца 1933 года И. А. Лаговский жил в Тарту и руководил деятельностью РСХД в Эстонии. Сюда же было перенесено печатание «Вестника РСХД» [9, 93]. С этого времени начался новый период в истории РСХД в Эстонии, связанный с расцветом деятельности Движения и возникновением новых форм работы.

Период становления РСХД в Эстонии приходится на 1927-1933 годы. За это время Движение в Эстонии прошло путь от одного закрытого кружка в Таллинне в 1927 году до разветвленной системы взаимосвязанных кружков в различных городах республики в 1933 году, когда Эстония стала одним из центров РСХД за рубежом.

Деятельность Русского Студенческого Христианского Движения затронула широкие слои русского населения Эстонии. Участие в РСХД помогало поддерживать связь с другими странами русского зарубежья и одновременно с Россией – через изучение русской культуры, истории, национальных традиций. История РСХД в Эстонии является важной частью истории РСХД за рубежом и в то же время одной из интереснейших страниц истории культурной жизни русских в Эстонии в 1920-1930 годы.

Литература

1. В ревельской организации «РСХД» // Вести дня, 1931, 4 октяб-ря, № 266.
2. В Русском Студенческом Христианском Движении // Вести дня, 1932, 26 июня, № 146.
3. В Р.С.Х.Д. // Таллиннский русский голос, 1933, 4 ноября.
4. Жизнь Движения. Валга // Вестник РСХД, 1932, № 5. С. 28.
5. Жизнь Движения. Нарва // Вестник РСХД, 1932, № 6-7. С.34.
6. Жизнь Движения. Прибалтика // Вестник РСХД, 1930, № 12. С. 26.
7. З. Р. Годичное собрание общества «Святогор» // Вести дня, 1930, 31 января, № 30.
8. Лагерь «Витязей» и «Девичьей Дружины» на Смолке // Таллиннский русский голос, 1933, 5 августа, № 39.
9. Милютина Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
10. Н. Р. Съезд РСХД закрылся // Вести дня, 1932, 2 августа, № 177.
11. Открытие нового помещения кружка «Студ. Христ. Движения» // Вести дня, 1928, 4 ноября, № 298.

12. Петров Е. Нарвское Единение «Р.С.Х.Д.» // Вести дня, 1933, 12 апреля, № 87.
13. Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Б. м.: Ynca-Press, 1993.
14. Плюханова Мария. Мне кажется, что мы не расставались // Таллинн, 1998, № 10. С.162-172.
15. Проф. Н. А. Бердяев прибыл в Ревель // Вести дня, 1927, 6 апреля, № 94.
16. Проф. С. Л. Франк у участников «РСХД» // Вести дня, 1928, 15 марта, № 74.
17. Русское студенческое христианское движение за рубежом // Вести дня, 1927, 6 апреля, № 94.
18. 7-летие ревельского отдела «Р.С.Х.Д.» // Вести дня, 1931, 23 апреля, № 107.
19. У родных святынь. Второй съезд РСХД в Прибалтике. Печерский монастырь. 3-11 августа 1929 г. / Под ред. Л. А. Зандера. Таллинн, 1930.
20. Хроника. Жизнь Прибалтийских кружков // Вестник РСХД, 1928, № 5. С.27.
21. Хроника. Печеры // Вестник РСХД, 1932, № 8-9. С. 38.
22. Шор Т. К. Христианский союз русских студентов при Тартуском университете (1922-34) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 43-57.

RESÜMEE

Sergei Issakov. EESTIMAA VENE KOGUKONNA AJALOO UURINGUTE PROBLEEMID (UURINGUTE KOKKUVÕTE)

Eestimaa vene kogukonna ajalugu on uuritud äärriselt vähe. Neid uuringuid tegelikult alustati alles viimasel aastakümnel. Nõukogude ajal see teema oli kas kinnine või poolkinnine. Lahtiseks jäid vaid idaslaavlaste ja eestlastesuhete uuringud. Viimastel aastatel on avaldatud rida teaduslikke uurimistöid, mis on pühendatud venelastele Eestis, kuid nad hõlmavad põhiliselt ajavahemikku 1918-1940. Teaduslikud uurimused venelastest Eestis kuni XIX sajandi keskpaigani peaaegu puuduvad. XIX sajandi teisele poolele XX sajandi alguseni on pühendatud T. Karjahärna raamat ning napid teiste autorite tööd. 1920.-1930. aastate venelaste elu kajastavatest töödest peab eelkõige mainima suurepärased T. Kašneva, K. Hlebnikova-Smirnova, T. Miljutina, V. Kruglova, M. Pljuhanova, N. Andrejevi, S. Ratsevitši jt. memuaarid. On avalikustatud esimesed arhiivimaterjalid (V. Boikov, S. Issakov) ja suur arv teaduslikke uurimistöid (S. Issakovi raamatud, R. Kruusa, R. Ruutsoo, G. Ponomarjova, T. Šori, J. Maltsevi jt. artiklid). Eraldi tuleb mainida "Balti arhiivi" (1966-2000) kuue väljaande ja kogumiku "Prosvetiteli" kirjutusi. Vaatamata sellele paljud venelaste elu ja tegevuse probleemid Eestis aastatel 1918-1940 jäävad siiani avastamata, ei ole uuritud sotsiaal-psühholoogilist venelaste tausta ja nende ideoloogilist diferentseerumist. Kuid eriti halb on olukord Eesti venelaste uuringutega nõukogude ajal (1940-1991). Sellele perioodile pühendatud teaduslikke uuringuid raskendavad poliitilised kired nn. "vene küsimuse" ümber Eestis.

Vladimir Parol. ETNILISTE RÜHMADE VAHELISE SOTSIAAL-POLIITILISE SITUATSIOONI ISEÄRASUSED EESTIS JA SELLE NORMALISEERIMISE TEED

Artiklis avanevad põhiliste sotsiaal-poliitiliste pingete põhjused Eestis, mis püsivad seoses sellega, et suure rühma venekeelse elanikkonna seisundi ja õigusliku staatuse küsimused ei ole reguleeritud. Situatsiooni politoloogilis-sotsioloogilise analüüsi alusel tehakse järeldus sellest, et probleemi lahendamise võimalikuks variandiks võib saada Venemaa majandusliku ja poliitilise rolli tugevdamine ja Eesti Euroopa Liitu astumise protsess.

Naftoli Bassel. KÜSIMUSE VENE KIRJANDUSE KOHAST TÄNAPÄEVA EESTI KULTUURIELUS JUURDE

Artiklis käsitletakse küsimust vene kirjanduse kohast ja rollist tänapäeva Eesti kultuurielus. Vaatluse põhiaspektid on järgmised:

- olukord vene kirjanduse tõlgetega eesti keelde,
- vene kirjanduse retseptsioon Eestis,
- Eestimaa vene literaatide tegevus ja looming,
- vene kirjandus Eesti koolihariduses.

Kõnesolevaid aspekte on käsitletud võrdlevalt vene kirjanduse olukorraga nõukogude perioodil. Autor jõuab järeldusele, et kuigi seoses 1990-ndate aastate algul toimunud ühiskondlik-poliitiliste muutustega on vene kirjanduse osa eesti kultuurielus märgatavalt kahanenud, säilitab ta ometi oma aktuaalsuse ka taasiseseisvunud Eesti Vabariigis, mida tõestab näiteks kohaliku vene kultuurielu aktiviseerimine. Samas aga osutatakse vene tõlgekirjanduse ja selle retseptsiooni vähendamisele ja selle puudulikkusele Eesti kooliprogrammis ja õppekirjanduses.

Naftoli Bassel EESTI AINESTIKU EVOLUTSIOON EESTIMAA VENE KIRJANIKE LOOMINGUS

Artiklis eristatakse nelja etappi kõnesoleva aineestiku käsitlemisel vene kirjanike poolt. Esimene oli seotud XIX sajandi vene romantismi esteetikaga, teine – XX sajandi alguse neoromantismi taotlusega, kolmas (1920-1930-ndad aastad) – Eesti ainese nägemisega NSVL-is “revolutsiooni prisma kaudu”, kusjuures nende etappide esindajad olid enamjaolt seotud Eestimaaga üksnes lühiküllastuste vahendusel; vaid 1920-1930-ndail aastail tekib vene kirjandus Eestis kui püsinähtus. Üksikasjalikumalt peatub autor neljandal etapil (XX sajandi teine pool), mida iseloomustab kohalike vene kirjanike tihenev seotus Eestiga, ainevaldkonna laienemine ja vaatenurga mitmekesistumine. Lähemalt vaadeldakse Eesti aineseid peegeldusi D. Samoilovi, S. Dovlatovi, M. Velleri ja V. Roštšenko loomingus.

Viktor Boikov. M. A. KURTŠINSKI ÜHISKONDLIK-POLIITILISED VAATED

Artiklis käsitletakse M. A. Kurtšinski ühiskondlik-poliitilise tegevuse kaht aspekti: kui Eesti parlamendi liikme ja kui rahvusvaheliste Rahvusvähemuste kongresside tuntud ideoloog. Tartu Ülikooli professorit M. A. Kurtšinski hinnati nii Eestis, kui ka kogu maailmas, kui väljapaistvat õpetlast ja ühiskonnategelast. Tema töid trükiti peale Eesti veel Saksamaal, Austrias, Prantsusmaal. Olles Eesti Riigikogu liige (1926-1928) ja hiljem Rahvuskogu liige, M. A. Kurtšinski esines alati vene rahvusliku vähemuse huvide kaitsjana ja seisis energiliselt Eestimaa vene elanikkonna seaduslike õiguste eest. M. A. Kurtšinski võttis aktiivselt osa rahvusvaheliste Rahvusvähemuste kongresside tööst Genuas, Viinis, Londonis ja Stokholmis ja oli nende kongresside kõikide vene rühmade liidriks. Seoses sellise tegevusega hoidis ta sidet vene organisatsioonidega mitte ainult Euroopas, vaid ka Ameerikas, püüdes äratada huvi välisvenelaste saatuste vastu ja propageerida nende ühinemise ideed. M. A. Kurtšinski oli ideoloogiliseks juhiks mitte ainult vene vähemusele Eestis vaid ka teistes Euroopa riikides.

Viktor Boikov. VENE ÜLD-SÕJAVÄELINE LIIT JA EESTI

Artiklis vaadeldakse Vene Üld-Sõjaväelise Liidu ajalugu ja tema tegevust Eesti territooriumil. Vene Üld-Sõjaväelise Liidu liikmed viisid Eestis läbi oma töö legaalses organisatsioonides. Nende seas olid: Vene Vigastatud Sõjaväelaste Abistamise Ühing Eestis, Vene Invaliidi Päeva Komitee, Vene Endiste Meremeeste Vastastikuse Abistamise Kassa, Ihukaitseväge Polkude ohvitseride Ühendused, Kindralstaabi Akadeemia lõpetajad ja teised. Tehes üldkokkuvõtteid, tuleb ära märkida, et 1920.-1930. aastate vene emigratsiooni poliitilises elus mängis Vene Üld-Sõjaväeline Liit tähendusriikast rolli valge liikumise koondamises ning teda peeti suurimaks ja autoriteetsemaks organisatsiooniks. Vene Üld-Sõjaväelise Liidu tegevus arenes ka Eestis, kuid mitte nii aktiivselt ja laiaulatuslikult, kui see oli välismaal.

Jevgeni Kaljundi. VENELASED XX SAJANDI EESTI MALES

Artiklis vaadeldakse venelaste osalust Eesti XX sajandi maleajaloos. Selle üksikud näited on olnud juba XVIII ja XIX sajandil. Siin saab mainida XIX sajandi teisel poolel Pärnus elanud (hiljem Riiga kolinud) literaat (ka A. Puškinit saksa keelde tõlkinud) Andrei Ašarin, kellest kujunes tugev maletaja. Iseseisva teemana saab vaadeldavat teemat alustada alles 1897. aastast, kui Tallinnat külastas ajastu suurim vene maletaja Mihhail Tšigorin, mis ajendas kohalikke vene malesõpru looma oma maleühingu. Selle hingeks oli kaua G. Voltšenko. Ühing püsis kuni 1910. aastani, mil G. Voltšenko lahkus Varssavisse. Artiklis mainitakse malekomponisti Orest Jevetskit, kellelt 1908. aastal Tartus ilmus ka maleülesannete kogu, samuti nimetatakse teised XX sajandi esimesel poolel tegutsenud vene maleühingud ning üksikmaletajad. Mainitakse ka male vastu huvi omanud vene kultuuritegelasi ning venelaste osa Eesti maleelus eksilis, kus erilist rolli mängis tuntud tallinlasest tšellomängija Ivan Romanenko, mitmekordne väliseesti maletšempion. Sõjajärgsel perioodil on tugevate vene rahvusest maletajate arv mitmekordistunud. Ühes grupis olid siin olnud sõjaväelastest maletajad (tugevaim nendest – Pavel Kondratjev), kui ka meistrid (Žuhhovitski, Kortšmar jt.). Eesti praegusesse maleliiti kuuluvad ka mitmed vene päritoluga maletajad – suurmeister Mihhail Rõtšagov, meistrid Aleksander Veingold, Tatjana Fomina, Monika Tšõganova jt. Tartus elab palju aastaid omaaegne kolmekordne NSVL maletšempion ja maailmaklassiga maletaja, praegune Tartu Ülikooli õppejõud Larissa Volpert, kes vahetevahel on esinenud ka kohalikel võistlustel.

Irina Külmoja. VENE MEEDIAKEELE SEISUNDIST TÄNAPÄEVA EESTIS

Antud artiklis käsitletakse vene keele kasutamist tänapäeva Eestis. Vene keelt kasutab emakeelena 28 % Eesti elanikest, veel 7 % – suhtluskeelena. Väiksema osa Eesti vene kogukonnast moodustavad Peipsi rannikul elavad murdekeelt säilitanud vanausulised (ca 6000 inimest). Ca 30 % venelastest elab Ida-Virumaal, ülejäänud teistes piirkondades. Tänapäeval Eestis kõneldavat vene keelt mõjutab eesti keel, teatud määral ka inglise keel. Tugevat mõju avaldab kirjakeelele ka vene kõnekeel. Kõigi tegurite toimet vaadeldakse meediakeele (ajalehed, raadiosaated) ja noosrooslängi varal.

Natalja Lesnaja. VENE KULTUURI ARENGU JÄRJEPIDEVUSE SÄILITAMINE EESTIS XX SAJANDIL

XIX sajandi teisel poolel vene kultuur Eestis muutus ühiskondlikuks teguriks tänu suure hulga hariduslike, heategevuslike, kultuuri- ja sportlike organisatsioonide loomisele. Vene õpetajad ja kohalik vene haritlaskond suunasid oma põhijõud sellele, et anda noortele vene hariduse ja kasvatus. Kohalike venelaste probleemide lahendamise suurimaks organisatsiooniks Eestis oli tol ajal Vene Haridus- ja Heategevusühingute Liit. Pärast 1991. aastat informatsiooni olemasolu venelaste kultuurielust Eestis (1919-1940) võimaldas võrdlemisi kiiresti taastada traditsioonilised ja luua uued vene kultuurielu organisatsioonilised vormid.

Juzef Līvšits. EESTI KODANIKE JA VÄLISMAALASTE ÕIGUSLIK STAATUS

Eesti seadusandlus arvestab etnilist faktorit ainult teatud prioriteetide määramisel tituleeritud rahvusele. Mingeid õiguslikke piiranguid seoses rahvaskuuluvusega Eesti seadusandlus ei sisalda. Ebavõrdsus väljendub teisel tasandil. Paljud vene inimesed omavad välismaalase staatus ja neil ei ole kodanike õigusi. Artiklis uuritakse Eesti Põhiseaduse ja teiste seaduste norme, tänu millele avanevad mõned juriidiliste tehnoloogiate aspektid kodanike ja välismaalaste õiguste kinnitamisest ja piiramisest.

Juri Maltsev. TALLINNAS KAUA ELANUD VENE ELANIKKONNA RAHVUSLIK IDENTITEET

Artiklis on esitanud Tallinnas kaua elanud nn "vana vene" elanikkonna rahvusliku identiteedi sotsiaalpsühholoogilise uuringu tulemuste analüüs. Uurimuse tulemused näitavad selle elanikkonna osa subjektiivse, kultuurse, reflektiivse ja usulise rahvusliku identiteedi komponentide stabiilsust ning selline selge vene identiteedi säilib ka nendel laste ja lapselaste kogortides. Seda võib seletada vene ja eesti kultuuride arhetüüpide suurte erinevustega, mis oli ka varem märgitud. Seejuures vana vene elanikkonna laste ja lapselaste formaalne identiteet (rahvuslik kuuluvus ametlike dokumentide järgi) on 30-40 % juhtudel muutunud - vene asemel on ilmunud eesti rahvuslik kuuluvus. Seda võib seletada Eesti Vabariigi 1930.-1940. aastatel ja ENSV-s esinenud poliitilise rõhu tulemusena.

Juri Maltsev. ÕIGEUSU ARENGUTEED EESTIS

Ajaloolis-koduloolise iseloomuga artiklis, mis on kirjutatud viimastes töödes avaldatud materjalide alusel eesti ja vene keeles, on toodud ülevaade põhilistest õigeusu ajaloolistest andmetest Eestis alates XI sajandist kuni 2000. aasta augustini. On märgitud vene kogudustest suurema osa eesti koguduste eraldumise tendentsi, kes kolmel korral 1923., 1942. ja 1993. aastal faktiliselt moodustasid eesti rahvusliku õigeusu kiriku.

Galina Ponomarjova. PIISKOPI JOANN PETŠORSKI MÄSS

Antud artiklis käsitletakse kõige teravamalt kirikukonflikti 1920.-1930. aastatel, mis vaevu ei toonud endaga kaasa vene kihelkonna lahkumise Eesti Apostlikust Õigeusu Kirikust. Artiklis on jutt Petseri Kloostri ülema piiskopi Joann Petšorski keeldumisest Narva piiskopkonna vabanenud piiskopi koha vastuvõtmisest. Sellega kaasnes rida kohtulikke arutusi, mille tagajärjeks oli see, et ta oli sunnitud lahkuma Petseri Kloostri ülema kohalt. Peale uue kloostriülema Nikolai Leismani võimuletulekut Petseri klooster elas läbi rida muudatusi: läks üle uuele kalendristiilile, lõpetas kerjuse ja emigrantide toetamise, hakkas tegelema komertsiga. Joann Petšorski võitlust vana stiili eest vastandatakse vanausuliste võitlusega, mis kestis kolm sajandit.

Preester Igor Prekup. ÕIGEUSU KUI KÕLBLIKKUSE VÄÄRIKUSE OMANDAMISE JA SÄILITAMISE ALUS

Kui mõiste “venelased Eestis” all vaadelda mitte ainult etnilisi venelasi, vaid ka sellest poliüetnilist moodustist, mis ühendab erinevate rahvuste esindajaid, kellel on ühtne kultuurne eneseteadvus, siis neil oleks kohane venelaste eneseidentifitseerimise alusena vaadelda mitte midagi muud, kui õigeusku, mis kujundas venelaste kultuuri ja maailmavaadet. Liturgiline ühesus ühendas venerahvast ja kasvatas neis rahvusliku eneseteadvuse, millele oli võõras etniline üleolek. See aitas ületada omavahelist vaenu ja ühineda ühtsesse riiki, rajades vene rahva mõistetuses eneseväärikuse vundamendi, mis inertelt mõjutas ka nõukogude ajal inimsuhete väärtuste hinnangut. Kaasaegsele argipäevasele mõtlemisele liberalismi vaimus me võime vastandada religioosselt motiveeritud elu- ja mõtlemislaadi, mis ongi õigeusk. Kui suhtuda hoolitsusse oma rahva eest tõsiselt ja kui vaadelda rahva huve tema eksisteerimise mõtte valguses Jumala kavatsuse inimsoo päästmise osana, siis genotsüüt teise rahva vastu, vägivald, repressioonid, alandused, assimilatsioonid ja teised Jumala kulude rikkumise vormid mitte ainult ei ole inimese nime väärilisele, vaid ei saa ka esindada rahvuslikke huve. Seepärast meil olekski vaja tunda mingit kollektiivset vastutust, et mõista oma osavõttu sellest kurjast, mis oli toodud sellele maale bolševike poolt. Võitluses oma õiguste eest me peame tundma selle inimese valu, kes ise on selle üle elanud ja püüab oma valu kanda meie peale. Kui vaadelda inimese vabadust ja väärikust õigeusu valguses, siis tõeliselt on vaba vaid see, kes ei ole patu ori, kes ei reeda vabatahtlikult Evangeelse usu standardite väärtusi. Selline inimene on vaba ilma üleolekuta, vaga ilma nõrkuseta, elurõõmus ilma iharuseta. Nimelt selline sisene vabadus – on rahvusliku väärikustunde aluseks. Meile on vajalikud ilmalikud hüved. Meie eesmärgiks peavad olema õiguste ja sotsiaalsete garantiide taotlused.

Tiit Rosenberg. VENE KOHALIK BALTI AJALOO HISTORIOGRAAFIA XIX SAJANDI TEISEL POOLEL JA XX SAJANDI ALGUL

Artiklis on vaatluse alla võetud kohalike vene autorite üldkäsitletud balti ajaloost, mille põhieesmärgiks oli selgitada kohalikule vene seltskonnale tema missiooni Baltimail ja kujundada tema identiteeti valitseva

riigirahvana. Vene-balti ajalookirjutuse alusepanijaks oli tuntud slavofiil Juri Samarin 1840.-1860. aastail, kuid selle arendas slavofiilses-suurriiklikus vaimus välja ajalehe "Rižski Vestnik" esimene toimetaja Jevgraf Tšesihhin (1824-1888) oma ulatuslike töödega balti ajaloo 1870.-1880. aastatel, lähtudes balti ajaloo interpreteerimisel S. Solovjovi eeskujul geopoliitilise determinismi ideest. J. Tšesihhini esitatud kontseptsioon jäi vene-balti historiograafias püsima kuni tsaaraja lõpuni. Uus üldisemat laadi käsitluse laine ilmus kümmekonna brošüüri laadse teose näol (I. Vossotski, V. Godunov, L. Jevratova, L. Pšenitsnikov, I. Rogozinnikov jt.) seoses Baltikumi Venemaaga liitmise 200. juubeliaastapäeva puhul 1910. aastal. Nende teoste põhirõhk oli mitte niivõrd "vene põliste õiguste" põhjendamisel Läänemereäärsetele aladele, kuivõrd Venemaa poolse vallutuse järel saabunud rahuaja ning venestuspoliitika ülistamisele. Üldkäsitlused esindavad vene-balti historiograafia ametlik-konservatiivset osa, kuna teised suunad (liberaalne ja demokraatlik) on esindatud balti ajaloo kitsamate teemade ning üksikprobleeme käsitlevate teoste kujul. Tervikuna vajab vene-balti ajalookirjutuse ajalugu põhjalikumat uurimist.

Malle Salupere. F. V. BULGARIN LIIVIMAAL JA EESTIS

Artiklis vaadeldakse Puškini-ajastu ühe vene populaarsema kirjaniku ja ajakirjaniku Faddei Bulgarini (1789-1859) ja tema kaotsiläinud pärandi seotust Eestiga, eeskätt toleaege Liivimaaga. Tartu külje all Karlova mõisa ostmisest 1828. aastal kuni surmnani veetis Bulgarin siin kõik suved; pärast ajutist erruminekut 1831. aastal elas kuus aastat pidevalt, suhtles aktiivselt kultuuriringkondadega ja kirjutas palju siinsetest oludest oma väljaannetes, eriti paljuloetavas ajalehes "Severnaja ptšela" samuti küllalt palju saatis ta siit arvamusi ja meeleolude kirjeldusi nn Kolmandale osakonnale. Bulgarini kirjavahetus selle ametkonnaga on avaldatud A. Reitblati kogumikus "Vidok Figljarin" (Moskva, 1998). 316 dokumendist on ligi kümnendik seotud Tartu ja Liivimaaga, kuigi ühtki neist ei saa nimetada peale-kaebuseks, milles Bulgarinit on alati süüdistatud. Lisaks annavad need palju huvitavat lisateavet selle ajajärgu kohta ja mis võimaldaksid koos omal ajal trükitud materjalidega anda välja veel menukama raamatu, kui 1996. aastal ilmunud soomekeelne "Sotilaan sydan" Bulgarini mälestustega Soome sõjast 1808-1809 ja hilisematest käikudest Soome ja Rootsi. Eraldi on peatunud artiklis Bulgarini Eestisse jäänud raamatukogu ja arhiivi saatusel, milles on siiani palju ebaselget ja mis tõenäoliselt saladuseks jääbki.

Oleg Sidelnikov. VENE KOGUKOND EESTIS XX JA XXI SAJANDIVAHETUSEL

Artiklis vaadeldakse Eestis elava vene elanikkonna olukorra põhiprobleeme XX ja XXI sajandivahetusel. On proovitud teha analüüs venelaste majanduslikust, sotsiaalsest ja poliitilisest olukorrast Eestis. Autor püüab määrata Eestis elava vene kogukonna edasist arenguteed. Eriline tähelepanu on pööratud vene noorsoo tulevikule Eestis.

Anžela Tasa. PANKROT JA "VENE FAKTOR"

Antud töö käsitleb pankroti põhjusi Eestis. Seadusandluse sisukohalt kõiki pankroti põhjusi võib liigitada juriidiliselt tähendusriikseteks ja juriidiliselt ühekoikseteks. Juriidiliselt tähendusriiksetes põhjustes eraldu-

vad deebitoorne võlgnevus ja kreditoorne võlgnevus, mis võib tekkida omakorda mitmete põhjuste tagajärjel. Eriline tähelepanu on pööratud pankroti põhjustele, mis annavad aluse kriminaalvastutuse tekkimisele. Peale selle avanevad arusaamad nendest põhjustest, vaadelduna mitte ainult läbi ühiskonna mikroprotsessi vaid ka makroprotsessi kaudu. Antud töös on kasutatud näiteid kohtupraktikast.

Larissa Fadejeva. VENELASTE MAJANDUSPOTENTSIAAL EESTI VÄIKE- JA KESKETTEVÖTETE ARENGUS

Eesti majandus areneb antud momendil põhiliselt väike- ja keskettevõtete arvel. Artiklis on antud ülevaade keskettevõtete arengust Eesti Vabariigis aastatel 1990-1999. Ülemineku perioodil ettevõtte juhtkond töötab välja meetodid, mille lõppeesmärgiks on kindla ja püsiva finantsseisundi kindlustamine. Töös on näidatud majanduse mikro- ja makroprotsesside seos väikeettevõtte finantsseisundiga. Riigi geopoliitiline asend ja elanike etniline koosseis määrab "vene faktori" mõju Eesti majandusele kuna Venemaa oli ja jääb üheks kõige suuremaks kaubapartneriks.

Jekaterina Fiškina. KAS VENE KULTUURIL EESTIS ON TULEVIKKU?

Üldjoontes venelastele Eestis pakutakse kolme teed – assimilatsioon, segregatsioon ja integratsioon. Kõige perspektiivsem nendest on integratsioon. See tähendab venelaste integreerumist eesti ühiskonda, eesti keele omandamist, lähedasemat tutvumist eesti kultuuriga, eesti mentaliteediga, säilitades domineerimise oma emakeele ja oma kuuluvuse vene kultuurkonda. See ongi see eesmärk, mille poole me peame püüdlema, kui tahame jääda venelasteks ja mitte tunda end võõrkehadena Eesti Vabariigis. Praegu toimub Eestis huvitav ja keeruline uue etnilise kogukonna – eesti venelaste – kujunemise protsess. Ja tee sellele viib mitte ainult läbi kodakondsuse saamise ja riigikeele omandamise, vaid ka Eesti Vabariigis vene rahvusliku kogukonna loomise oma rikkaliku ja haruldase subkultuuriga venelaste üldkultuurse taseme tõstmise kaudu.

Tatjana Šor. VENE ÕIGUSTEADLASED TARTU ÜLIKOOLIS 1919-1940

Tartu (end. Jurjevi) Ülikooli õigusteaduskonna tegevus algas taas Eesti Vabariigis 1920. aastal. Õigusteaduskonna tegevuse eesmärgiks oli Eesti riigi nõuete ja huvide rahuldamine nii kõrgharidusega juristide ettevalmistamisel kui ka teaduslikus uurimistegevuses. Noor riik vajas eelkõige kaadreid riigi-aparaadi ning oma õigussüsteemi loomise jaoks. Aastail 1920-1927 olid õigusteaduslike õppeainete aluseks Vene impeeriumi seadused. Õigusteaduskond koos majandusosakonnaga kujunes Tartu Ülikoolis suurimaks teaduskonnaks ja algul ta õppetegevus selles toimus Jurjevi ülikooli prog-rammi järgi. Üheksast õppeainest õpetati kolm – eesti, viis – vene ja ühte – saksa keeles. Kuigi emigrantidest vene õigusteadlased ei valanud riigikeelt, oskasid nad kõrgel tasemel selgitada ja kommenteerida vanu õigusnorme, millega aitasid kaasa uue kodanliku õigussüsteemi loomist. Lähtudes sellest oli tunnustatud mõistlikuks ja isegi vajalikuks välismaa spetsialistide kaasamine esimesel etapil. Alates 1920-st kuni 1939. aastani töötasid Tartu Ülikoolis tsiviilõiguse professor I. Tjutrumov, Rooma õiguse professor

D. Grimm, majanduspoliitika professor J. Filippov, teoreetilise rahva-majandusteaduse professor M. Kurtšinski, dotsent F. Korsakov, kriminaalmenetluse õppejõud A. Melnikov, eradotsent I. Grimm.

Jelena Šuvalova. EESTISENE KRISTLIKU ÜLIÕPILASLIIKUMISE TEGEVUSE ALGUS EESTIS

Vene Kristlik Üliõpilasliikumine Välismaal tekkis 1923. aastal. See oli organisatsioon, mis ühendas kultuurseid ja patriootilisi väärtusi. Liikumise põhitulesandeks oli religioosse kultuuri ja uue õigeusu loomine, vene noorte ühinemine ja "vaimne tervenemine". Mitte vähem tähtis Üliõpilasliikumise tegevuses oli rahvuslik moment - vene ajaloo ja kultuuri traditsiooni tundmaõppimine ja säilitamine. Liikumise põhiosaks oli üliõpilasringide võrk, mille liikmeteks olid mitte ainult üliõpilased. Nendes ringides arutati religioosse sisuga küsimusi, igapäevaelu probleeme, mis aitas tugevdada liikmete vaimset taset. Liikumise keskus asus Pariisis. Esimene Vene Kristliku Üliõpilasliikumise ring Eestis tekkis 1923. aastal, kuid laiaulala-tuslikum tegevus algas 1927. aastal. 1930. aastal Vene Kristliku Üliõpilas-liikumise osakonnad olid loodud Tallinna, Tartu, Narva, Petseri ja Valka. Tihti külastasid Eestit Liikumise tuntud juhid, teadlased ja teoloogid.

SUMMARY

Sergey Isakov. THE PROBLEMS OF STUDYING THE RUSSIAN NATIONAL MINORITY IN ESTONIA (THE SURVEY RESULTS)

The history of Russians in Estonia has been deplorably little researched. The research of the past of the Russians living in Estonia has in fact begun during the last decade. In Soviet times this topic was a taboo or semi-taboo. Free hand was given only in dealing with the ties of the eastern Slavs with the ancient Estonians. In recent years, a number of surveys dealing with the issues of Russians in Estonia have sprung into existence. But they are mostly connected with the period of 1918-1940 - the time of the first Estonian Republic. There are hardly any surveys on Russians in Estonia up to the middle of the 20th century. The second half of the 20th century is described in T. Karjahärm's book and in some other authors' scanty works. There are some other publications describing the life of Russians in Estonia in 1920-1930s. First and foremost such superb memoirs must be mentioned as the ones written by: T. Kashneva, K. Hlebnikova-Smirnova, T. Milyutina, V. Kruglova, M. Plyuhhanova, N. Andreyev, S. Ratsevich and others. There appeared first archive materials (by V. Boykov, S. Isakov), quite a few of the research works (books by S. Isakov, G. Ponomaryova, T. Shor, J. Maltsev etc.). Special mention should deserve the publications of "The Baltic Archive" in six volumes (1996-2000) and the collection of materials called "The Enlighteners" (1998). Nevertheless, a large number of the life problems and activity of the Russians in Estonia remain wasn't yet revealed; the social psychological image of the Russians of that period and their ideological differentiation has not yet been surveyed. However, the issue of the Russian studies in the Soviet period in

Estonia of the 1940s-1991s leaves even much more to be desired. The works dedicated to the said period are still under the loom of political controversies around the "Russian issue" in Estonia.

Vladimir Parol. INTER-ETHNIC SOCIAL-POLITICAL SITUATION IN ESTONIA, ITS PECULIARITIES AND WAYS OF NORMALISATION

The article reveals the main reasons of the existing social-political tension in Estonia because of the unsettled problems connected with a position and legal status of representatives of considerable groups of the Russian-speaking population. On the basis of sociological-politological analysis of the above situation, it is concluded that strengthening the economic and political role of Russia and the process of Estonia's joining the European Union, are likely to resolve the said problems.

Naftoly Bassel. ESTONIAN THEMATIC EVOLUTION IN THE CREATIONS OF THE RUSSIAN WRITERS IN ESTONIA

In the article there are subdivided four stages in the development of Estonian thematic in the Russian literature: (1) stage of romanticism (19th century), (2) stage of neo-romanticism (the beginning of 20th century), (3) Estonian thematic consideration in the USSR from the revolutionary point of view (between the two world wars) and (4) the second half of the XX century. During the first three stages the Russian writers were mainly connected with Estonia as visitors, only in the years 1920-1940 here arose local Russian literature in Estonia as a stable phenomenon. In the second half of the XX century we can recognize the local Russian writers' strengthening connection with Estonia, enlargement of their thematic and variety of their points of view. More attentively here are considered the reflections of Estonia in works of D. Samoylov, S. Dovlatov, M. Veller and V. Roshchenko.

Naftoly Bassel. THE POSITION OF RUSSIAN LITERATURE IN THE CULTURAL LIFE OF CONTEMPORARY ESTONIA

The subject of this article is the part and role of Russian literature in the cultural life of contemporary Estonia. The main aspects of examination are:

- the translation of Russian literature into Estonian;
- the acceptance of Russian literature in Estonia;
- the activity and creation of the Russian writers living in Estonia;
- the Russian literature in school-education of Estonia.

These aspects are considered in comparison with the situation of Russian literature in the Soviet period. The author draws a conclusion, that although the political changes in Estonian life at the beginning of 1990s have entailed the decrease of Russian literature's importance in our cultural life, its role was, however, preserved in the independent Estonian Republic, what can be confirmed, for example, by the activity

of local Russian cultural life. At the same time we note the diminution of translations and acceptance of Russian literature as well as of its representation in the Estonian school-programs and textbooks.

Victor Boykov. SOCIAL-POLITICAL VIEWS OF M. A. KURCHINSKY

The author of the article focuses his attention on two aspects of the social-political activity of M. A. Kurchinsky: as a member of the Estonian Parliament and as an outstanding ideologist of international congresses on the issues of national minorities. Tartu university professor M. A. Kurchinsky was highly appreciated as a remarkable public figure and a scientist not only in Estonia but the world over. His works were published in Estonia, Germany, Austria and France. As a deputy of the Estonian Government Assembly in 1926-1928 and later as the one of the National Assembly, M. A. Kurchinsky used to invariably defend the Russian national minority's rights and upheld the legal rights of the Russian population in Estonia. M. A. Kurchinsky took an active part in the activity of the international congresses on the issues of national minorities held in Geneva, Vienna, London and Stockholm, always leading all the Russian groups at the above congresses. His activity enabled him to be constantly in contact with the Russian organizations in Europe as well as in America, arousing public interest towards the fate of the Russians living abroad and propagating ideas for their consolidation. M. A. Kurchinsky was an ideological leader of the Russian minority in Estonia as well as in other European countries.

Victor Boykov. RUSSIAN MILITARY ALLIANCE AND ESTONIA

The article dwells upon the history of the Russian Military Alliance (RMA) and its activity in Estonia. The RMA's members carried out their work in legal organizations. These included: Alliance of Russian Crippled Émigré-Warriors, Society of Assistance to Former Russian Military Servicemen in Estonia, Committee of Russian Invalid's Day, Former Russian Seamen's Mutual Aid Fund, Alliance of Officers of Life Guards' Regiments, etc. Summing up, it should be noted that the RMA played a noteworthy role in political life of the Russian émigrés in 1920-1930s by consolidating the White Guard movement. RMA was also considered to be one of the largest and authoritative organisations. RMA operated in Estonia, too, however, its activity was not as large-scaled as abroad.

Eugeny Kaljundi. RUSSIANS IN THE ESTONIAN CHESS HISTORY OF THE 20th CENTURY

The article outlines the Russians' participation in the chess history of Estonia in the 20th century. There were some examples of it in the 18th-19th centuries. An exception is Andrey Asharin who had lived in Pärnu and moved to Riga later in 19th century. He was a man of letters, a translator (who used to translate Alexander Pushkin's works into the German language) and consequently a good chess player. The foregoing theme can be considered a separate one after 1897 when the century's most famous chess player Michael Chigorin visited Tallinn. That visit gave the Russian chess players an idea of setting up their chess society, the mastermind of which was G. Volchenko. The society operated till 1910 when G.

Volchenko left for Warsaw. The article gives us some information about the chess-lovers' names of that period. The name of Orest Yevetsky, the author of chess compositions is also mentioned there. We learn that Yevetsky published a collection of chess tasks in 1908 in Tartu. The author of the given article draws our attention to the Russian chess societies and individual chess players functioning in the first half of 20th century. Special mentioning deserves a Tallinn cello player Ivan Romanenko who was a many-times-chess champion among the foreign Estonians. The post-war period saw a many-fold increase of the number of strong Russian chess players. One group of them comprised the chess players from military forces (Pavel Kondratyev being the strongest of them all) as well as the masters (Zhuhhovitsky, Korchmar and others). In the last forty years the chess elite of Estonia has included some players of Russian origin, e.g. grand chess master Mikhail Rychagov, chess masters Alexander Veingold, Tatyana Fomina, Monica Tsyganova and others. The article's author informs us about Larissa Volpert, the present lecturer of the Tartu university and a chess master of the world class, who used to be a three-times USSR chess champion. From time to time she takes part in the local chess championships.

Irina Külmoja. POSITION OF THE RUSSIAN MEDIA LANGUAGE IN CONTEMPORARY ESTONIA

The article summarizes the use of the Russian language in present-day Estonia. 28 per cent of inhabitants of Estonia speak Russian as their mother tongue and 7 per cent use Russian as a means of communication. Smaller parts of the Russian community in Estonia (about 6000 people) comprise the old believers living on the shores of Peipsi Lake, who have retained their dialect. About 30 per cent of Russians live in East Virumaa, the rest of them in other regions. The Russian language spoken in Estonia now is influenced by the Estonian language and, to a certain extent, by the English language. The Russian colloquial language is also strongly influencing the literary Russian language. The effect of all the above-mentioned means is analyzed on the basis of the media language (newspapers, radio broadcasts) and youth slang.

Natalya Lesnaya. PRESERVING THE CONTINUITY IN RUSSIAN CULTURE DEVELOPMENT IN THE 20th CENTURY ESTONIA

In the second half of the 20th century the Russian culture in Estonia became a social factor due to creation of a large number of educational, charitable, cultural and sports organisations. In the Estonian Republic Russian intellectuals and teachers spared no effort to give the local Russian youth a proper education and upbringing. The Alliance of Russian Educational and Charitable organisations in Estonia became the largest organisation solving the global problems of the local Russians' cultural life in Estonia in 1919-1940s, made it possible to comparatively quickly restore the traditional and create new forms of organising the cultural life of the local Russians.

Joseph Livshits. LEGAL STATUS OF ESTONIAN CITIZENS AND ALIENS

Only in terms of specific priorities for the "title" nation the Estonian Legislation takes the ethnic factor into account. The Estonian laws provide no restrictions of rights because of nationality. Inequality becomes apparent on a different level. Many Russian people's status is that of aliens', who don't enjoy the rights of the Estonian citizens. The article surveys the Estonian Constitutional and other legal regulations, due to which some legal technological aspects of confirming and restricting the rights of citizens and aliens are revealed.

Yuri Maltsev. ETHNIC IDENTITY OF THE TALLINN LONG-TERM-RESIDENT RUSSIAN POPULATION

The above article reveals the results of the social-psychological survey of the "Old-Russian" population who had been long-term residents of Tallinn. The survey shows the subjective, cultural, reflective and religious national identity components' stability of the said community. It also stresses that the same clear identity holds true in relation to their children and grandchildren. This can be explained by the existing difference between the Russian and Estonian cultural archetypes, which had been registered before. According to the above, the "old" Russians' children's and grandchildren's official national status has in 30-40 % of cases been changed, with the Estonian identity replacing the Russian one. The reason may be the Soviet Union's political pressure on the Estonian Republic in 1930-1940.

Yuri Maltsev. ORTHODOX DEVELOPMENT LANDMARKS IN ESTONIA

This historical-local lore article, written on the basis of the materials published in the latest works on the topic in the Estonian and Russian languages, represents a review of the main factors on the history of development of Orthodoxy in Estonia from the 11th century up to August 2000. The article-survey reveals the tendency to isolation of a large number of Estonian parishes from the Russian ones, which tried to actually establish the Estonian national Orthodox Church three times: in 1923, 1942 and 1993.

Galina Ponomaryova. BISHOP JOHANN OF PETSERI'S REBELLION

The article reveals the most acute church conflict of 1920-1930s, which had almost brought about the withdrawal of the Russian parishes from the ranks of the Estonian Apostolic Orthodox Church. The article dwells upon the Petseri Monastery Abbot's, bishop Johann of Petseri's refusal to fill the post of the "widowed" Narva diocese. It caused a number of court litigations, the result being the quitting of the abbot of Petseri's Monastery post. After the new abbot Nikolay Leisman took over, the Petseri Monastery had been subjected to a number of changes: the new calendar style was adopted, the monastery stopped supporting the beggars and émigrés, it took up commercial activity. Johann of

Petseri's fight for the preservation of the old style in running the monastery is compared to the fight of the old believers who had been supporting the old style for three centuries.

Igor Prekup, the Clergyman. ORTHODOXY AS A BASIS OF FINDING AND KEEPING MORAL DIGNITY

If the phenomenon of "the Russians in Estonia" is to comprise not only the ethnic Russians, but also some polyethnic formation including representatives of different nationalities with the common cultural self-consciousness, then it will be particularly relevant to regard Orthodoxy as a basis of self-identification of Russians. Orthodoxy as an ideological system has moulded the Russian Culture; as a liturgical unison it has united Russians and brought up their national self-consciousness free from ethnic superciliousness, and as the Russian people were assimilating it, Orthodoxy had overcome the national feud, consolidating the unified state and laid in the Russian people a kind of moral foundation, which was a partial mechanic ratio of values orientation in interpersonal relations in the Soviet period as well. The modern, commonplace consciousness, the whole spirit of liberalism can be juxtaposed by us with one thing - religiously motivated way of thinking and life, which is in fact Orthodoxy. There is no other solid foundation for acquiring of the, alas, lost national and human dignity. If one is seriously and genuinely concerned about one's own people, if we see the people's interests through the light of understanding the essence of its existence as a part of the God's plans to save the human race, then genocide in relation to some other people, rape, repressions, humiliation, assimilation and other forms of violating the God's commandments are not only unworthy of the status of a human being, but can't form the national interest either. That's why we'd better try and feel some kind of collective responsibility for the events happening, here, on our victorious army's arrival, to realise our involvement in the evil brought to this land by the Bolsheviks - that would help in the fight for our rights, since realisation of the pain of others, including the pain of the ones who are trying to inflict the said pain to us, this realisation is vital to building the relations. If the human being's freedom and dignity are viewed through the light of the Orthodox religion, then the really free person is the one who is immune to slavery in favour of a sin, who is true to the value standards of the Gospel, accepted of one's own free will. Such a person is free without superciliousness, submissive without weaknesses, cheerful without voluptuousness. That is this kind of inner freedom that is the foundation of getting the national dignity. Earthly blessings are essential. Rights and social guarantees ought to be the basis of our aspirations.

Tiit Rosenberg. THE RUSSIAN LOCAL BALTIC HISTORIOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF 19th AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

The article reviews the attitude of the local Russian authors to the Baltic history, the main aim of which was to explain to the local Russian society its mission in the Baltic States and its identity in relation to the ruling people of the state. The "founding father" for writing the Russian-Baltic history was a famous Slavophil Yuri Samarin in 1840-1860s. It was developed, though, by the first editor of the "Rizhski

Vestnik" newspaper Yevgraf Cheshihhin (1824-1888) in the Slavophil-great power spirit. His works covered the period of 1870-1880's Baltic history, its interpretations following S. Solovyov's geopolitical determinism ideas. Y. Cheshihhin's conception remained unchanged in the Russian-Baltic historiography till the end of the Tsarist period. The description of the new social structure was reflected in the ten-volume-work (by I. Vyssotski, V. Godunov, L. Yevfratova, L. Pshenichnikov, J. Rogozinnikov and others). It was brought to life in connection with the 200th anniversary of the Baltics' uniting with Russia, in 1910. The main emphasis of the above works was not so much the justification of the Russian indigenous rights to the Baltic territory but promulgation of Russianisation policy during the Russian rule. The summary reveals the Russian-Baltic historiography's official-conservative part, for the other structures (liberal and democratic ones) are presented in the format of narrower topics and in the single-problem-solving-approach-books of the Baltic history. As a whole, the writing of the Russian-Baltic history requires a more substantial research.

Malle Salupere. F. V. BULGARIN IN LIFLAND AND ESTONIA

The article dwells upon one of most popular during the Pushkin period Russian writer and journalist Faddey Bulgarin (1789-1859), whose lost legacy was connected with Estonia, mainly with Lifland (Liivimaa) in those times. After buying the Karlova estate in 1828 and till his death, Bulgarin used to spend all his summers here. When in 1831 he temporarily retired, he spent 6 whole years here communicating with the local literati and described his impressions about life and his stay here in his publications. Especially in the much-read newspaper "Severnaya Ptshela" ("Northern Bee"). Besides that, he sent the descriptions of his mood and opinion to the so-called Third Department (Gendarmerie). Bulgarin's correspondence with this office was mentioned in A. Reitblat's book "Vidok Figlyarin" (Moscow, 1998). Out of 316 documents, approximately 1/10 is dedicated to Tartu and Lifland, but not a single of them can be called a delation, of which Bulgarin was always accused. In addition, this material gives a lot of extra interesting information about that period and in conjunction with other printed materials might make up an even more unforgettable book than the "Sotilaan Sydan" in Finnish issued in 1996 and telling about Bulgarin's recollections of the Finnish War of 1808-1809 and his consequent visits to Finland and Sweden. The article pays a special attention to the fate of Bulgarin's Estonian archive and library materials, which have been quite obscure and are likely to remain a mystery forever.

Oleg Sidelnikov. RUSSIAN COMMUNITY IN ESTONIA AT THE TURN OF THE 20th AND 21st CENTURIES

The article summarises the main problems of the Russian population's position during the turn of the centuries (20th and 21st). The author tries to give analysis of economic, social and political position the Russians are in Estonia. The article ventures to define and determine the ways of the Russian community's further development in Estonia. Special attention in the article is drawn to the future of the Russian youth in Estonia.

Anzhela Tasa. BANKRUPTCY AND THE "RUSSIAN FACTOR"

The given survey reveals the reasons of bankruptcy in Estonia. The legal reasons of bankruptcy are viewed from the point of view of their being vital or non-essential in relation to Law. Legally significant reasons can refer to the debit and credit indebtednesses, which may arise from various aspects. Special attention is given in the survey to the reasons of bankruptcy, which pave the way to criminal responsibility. Besides, the foregoing reasons are viewed through the society's macroprocesses as well as microprocesses. The article brings some example of the court cases related to the subject.

Larissa Fadeyeva. THE RUSSIANS' ECONOMIC POTENTIAL IN THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS IN ESTONIA

The Estonian economy is currently developing at the expense of the medium-sized and small businesses' potential. The article gives an overview of the development of the small and medium-sized businesses in Estonia in 1990-1999. The management of the enterprise in the transition period supposes working out the methods, which the businesses make their aim to achieve their final results, the ultimate one of which is achieving a stable and solid financial situation. The given survey shows the interconnection of micro- and macroeconomic processes with the financial situation of small businesses. The geopolitical situation and ethnic structure of our country's population predetermine the "Russian factor" 's influence on Estonia's economy. Russia has always been and still is one of the largest economic partners of Estonia.

Yekaterina Fishkina. DOES RUSSIAN CULTURE IN ESTONIA HAVE A FUTURE?

The author outlines the problem generally in three ways – assimilation, segregation and integration. Integration is the most perspective of them. It, in fact, means the Russians' integration into Estonian society, mastering the Estonian language, closer acquaintance with Estonian culture, Estonian mentality, with preserving as dominant their mother tongue and their belonging to the Russian culture. That is the very goal we are to reach if we wish to remain Russian as well as not feel alien bodies in the Estonian Republic. There is currently under way a very interesting and complex process of a formation of a peculiar ethnic community – the Estonian Russians. The way to it lies not only through acquiring the Estonian citizenship and mastering the state language, but also through creation of a new national community in Estonia, creation of our own rich and versatile Russian sub-culture in Estonia, through raising the common cultural level of the Russians here.

Tatyana Shor. RUSSIAN LAWYERS AT THE TARTU UNIVERSITY 1919-1940

In the Estonian Republic the Faculty of law at the University of Tartu, former Jurjew, restored its activity in 1920. The young republic inherited the old Russian law and lawyers out of the Russian

emigrants, most of which had had “European schooling”. Although they didn’t speak Estonian, they were able to state and give qualified comments to old laws and help to create new juridical system. Using specialists from other countries was considered reasonable and simply necessary. In 1920-1939, a professor of Civil law I. Tutrumov, professor of Roman law D. Grimm, an renowned professor of economics J. Philippov, professor of economics and statistics M. Kurchinsky, docent F. Korsakov, lecturer of criminalistics A. Melnikov, private-docent I. Grimm taught at the university of Tartu.

Yelena Shuvalova. BEGINNING OF THE RUSSIAN STUDENT CHRISTIAN MOVEMENT’S ACTIVITY IN ESTONIA

The Russian Student Christian Movement’s (RSCM) activity abroad started in 1923. It was an organisation uniting the cultural and patriotic values. The main aim of the Movement was creation of religious culture, the new Orthodoxy, unison and “cultural revival” of the Russian youth. The RSCM’s sub-aim was the national issue – survey and preservation of Russian history’s and culture’s traditions. The base of the Movement was a number of youth clubs, not all the members of which were students. The issues of religion, problems of everyday life were discussed there, similarly, the morality of the Movement’s participants was strengthened. The Movement’s centre was Paris-based. The first club appeared in Estonia in 1923, but a more substantial activity didn’t begin until 1927. By the year 1930, the sections of the RSCN had been organised in Tallinn, Tartu, Narva, Petseri and Valga. Estonia was many times visited by guest lecturers, which were the Movement’s leaders, famous scholars and religious activists. Beginning with 1928, the yearly summer congresses were held regularly in the Baltic States. In Estonia such congresses were held in the eastern part of the republic, situated around lake Peipsi, with the Orthodox and Russian population forming the majority. In 1929 the congress was held in the Petseri Monastery, whereas in 1930-1932 – in the Pühtitsy Monastery. The summer congresses of the RSOM used to be significant events in the lives of the entire Russian population of Estonia. In 1930s Estonia became one of the RSCM’s centers abroad. The versatile cultural-religious activity of the RSCM contributed to preservation of the national self-consciousness and unification of the Russian population of Estonia.

СОДЕРЖАНИЕ

Introduction.....	5
Сергей Исаков. Проблемы изучения истории русского национального меньшинства в Эстонии (итоги исследований).....	7
Владимир Пароль. Особенности межэтнической социально-политической ситуации в Эстонии и основные пути ее нормализации	21
Нафтолий Бассель. Эволюция эстонской темы в творчестве русских писателей Эстонии.....	42
Нафтолий Бассель. К вопросу о месте русской литературы в культурной жизни современной Эстонии	51
Виктор Бойков. Общественно-политические взгляды М. А. Курчинского.....	60
Виктор Бойков. Русский Обще-воинский Союз (РОВС) и Эстония	68
Евгений Кальюнди. Русские в шахматах Эстонии в XX веке.....	78
Елена Кальмоя. О современном состоянии языка русской диаспоры Эстонии	84
Наталья Лесная. О сохранении преемственности в развитии русской культуры в Эстонии в XX веке	91
Юрий Лифшиц. Правовой статус граждан Эстонии и иностранцев	95
Юрий Мальцев. Этническая идентификация старожильского русского населения Таллинна.....	108
Юрий Мальцев. Вехи путей православия в Эстонии	112
Галина Пономарева. Бунт епископа Иоанна Печорского.....	118
Игорь Прекуп. Православие как основа обретения и сохранения нравственного достоинства.....	126
Тийт Розенберг. Русско-балтийская историография во второй половине XIX - начале XX века	140
Малле Салупере. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии.....	146
Олег Сидельников. Русская община Эстонии на рубеже XX и XXI веков	162
Анжела Таса. Банкротство и "русский фактор"	166
Лариса Фадеева. Экономический потенциал русских в развитии малых и средних предприятий в Эстонии	173
Екатерина Фишкина. Есть ли будущее у русской культуры в Эстонии?	178
Татьяна Шор. Русские юристы в Тартуском университете (1919-1940).....	183
Елена Шувалова. Начало деятельности Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) в Эстонии	193
Resümee.....	200
Summary.....	207

